СТЕФАНИ МАЙЕР

СОЛНЦЕ ПОЛУНОЧИ

Сумеречная сага

Стефани Майер

Солнце полуночи

«Издательство АСТ»
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Майер С.

Солнце полуночи / С. Майер — «Издательство АСТ», 2020 — (Сумеречная сага)

ISBN 978-5-17-133952-4

Автор мировых бестселлеров № 1 Стефани Майер возвращается с новым романом о Белле Свон и Эдварде Каллене! До сих пор поклонники саги «Сумерки» знали лишь о событиях, рассказанных Беллой. Теперь перед вами – история их любви и приключений от лица Эдварда. И эта история поможет по-новому взглянуть на многое, произошедшее в предыдущих книгах саги. Каким в действительности было прошлое красавца вампира? Что довелось ему испытать и пережить за время своего нежеланного бессмертия? Почему он, страстно влюбленный в Беллу и знающий, что любим, так отчаянно пытался с ней расстаться? И что заставило его вернуться? И, главное, почему был с самого начала настолько уверен, что отношения с ним являются для Беллы смертельной опасностью? В романе «Солнце полуночи» Стефани Майер вновь переносит нас в притягательный и опасный мир «Сумерек», повествуя о запретной страсти и ее драматических последствиях…

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-133952-4

© Майер С., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1. Первый взгляд 6
Глава 2. Открытая книга 21
Глава 3. Риск 40
Глава 4. Видения 56
Глава 5. Приглашения 66
Глава 6. Группа крови 86
Глава 7. Мелодия 104
Глава 8. Призрак 115
Конец ознакомительного фрагмента. 118

Стефани Майер
Солнце полуночи

Stephenie Meyer
Midnight Sun

© Stephenie Meyer, 2020
© Cover art by Roger Hagadone, 2020
© Cover by Hachette Book Group, Inc., 2020
© Перевод. У. Сапцина, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

* * *

Эта книга посвящена всем читателям, которые составляли такую счастливую часть моей жизни последние пятнадцать лет. Когда мы встретились впервые, многие из вас были совсем юными подростками с прекрасными блестящими глазами, полными мечтаний о будущем. Надеюсь, что за прошедшие годы вы все обрели свои мечты и что новая реальность оказалась даже лучше, чем вы ожидали.

Глава 1. Первый взгляд

То было время, когда я особенно жалел, что не сплю.

Школа.

Или вернее было бы сказать «чистилище»? Если есть искупление моим грехам, наверняка вот эти муки мне хоть как-нибудь да зачтутся. К такой скукотище я так и не привык; каждый последующий день невыносимой монотонностью превосходил предыдущий.

Пожалуй, это состояние могло бы даже считаться присущей только мне формой сна – если определять сон как бездействие между периодами активности.

Я глазел на трещины, разбегающиеся по штукатурке в дальнем углу кафетерия, и мысленно дорисовывал вокруг них узоры, которых там не было. Таков мой способ отключаться от голосов, бурлящих речным потоком у меня в голове.

Несколько сотен этих голосов я игнорировал – так скучны они были.

Если уж на то пошло, всевозможных человеческих умов я уже наслушался раньше и более чем достаточно. Сегодня мысли окружающих были поглощены заурядным событием – пополнением в узком кругу учеников. Какой же малости хватило, чтобы взбудоражить их. Я видел, как новое лицо возникает во всех ракурсах в одной мысли за другой. Обычная, ничем не примечательная человеческая девушка. Ажиотаж вокруг ее появления был удручающе предсказуем: той же реакции можно добиться от малышей, недавно научившихся ходить, показав им какую-нибудь блестящую вещицу. Половина баранов в человеческом обличье уже навоображали, что втюрились в нее только потому, что она еще не успела им примелькаться. Я постарался как следует отключиться от них.

Лишь четыре голоса я блокировал скорее из вежливости, чем из отвращения – моей семьи, двоих братьев и двух сестер, которые настолько привыкли к нехватке уединения в моем присутствии, что это редко заботило их. Я делал для них что мог. Старался по возможности не слушать.

Но, несмотря на все старания, я все-таки… знал.

Розали, как обычно, думала о себе – ее разум был стоячей водой, бедной сюрпризами. Поймав отражение своего профиля в чьих-то очках, она принялась жевать мысль о собственном совершенстве. Ни у кого другого цвет волос не был настолько близок к настоящему золотистому, никто другой не мог похвастать такой идеальной фигурой «песочные часы», ни у кого больше лицо не имело настолько безукоризненно симметричного овала. Она сравнивала себя не с присутствующими здесь людьми: подобное сопоставление было бы смехотворным и нелепым. Думала она о других, таких же, как мы, и среди них ей не находилось равных.

Обычно беззаботное лицо Эмметта кривилось от досады. Вот и теперь он провел огромной лапищей по своим черным, как эбеновое дерево, кудрям, скручивая их в кулаке. Все еще злился из-за проигранного Джасперу вчера ночью поединка. Понадобятся все его небогатые запасы терпения, чтобы дотянуть до конца учебного дня и уж тогда устроить матч-реванш. Слушая мысли Эмметта, я не считаю себя незваным гостем, потому что он никогда и не думает ничего такого, что не сказал бы вслух или не воплотил бы в жизнь. Может, только потому я и чувствую себя виноватым, читая чужие мысли, что понимаю: есть вещи, в которые эти люди не захотели бы посвящать меня. И если разум Розали – стоячая лужа, то у Эмметта он – ничем не замутненная, прозрачная, словно стекло, гладь озера.

А Джаспер… страдал. Я подавил вздох.

«*Эдвард*!» – мысленно позвала меня Элис и сразу привлекла мое внимание.

Все равно как если бы окликнула меня по имени вслух. Хорошо еще, в последние несколько десятилетий мое имя вышло из моды – раньше это здорово досаждало: стоило кому-нибудь подумать о каком-нибудь Эдварде, и я оборачивался машинально.

Теперь же не повернул головы. Нам с Элис неплохо удавались такие конфиденциальные разговоры. На них мы попадались редко. Я не сводил глаз с трещин в штукатурке.

«*Как он? Держится*?» – спросила Элис.

Я нахмурился, очертания моего рта едва заметно изменились. Ничего такого, чем я выдал бы себя, а нахмуриться вполне мог от скуки.

Джаспер сохранял неподвижность слишком долго. Не совершал свойственные людям быстрые тики, какие приходится делать всем нам – постоянно быть в движении, чтобы не выделяться: к примеру, Эмметту – теребить волосы, Розали – класть ногу на ногу то так, то этак, Элис – постукивать пальцами ног по линолеуму, а мне – поворачивать голову, разглядывая всякие трещины на стене. Джаспер выглядел парализованным, его поджарое тело оставалось прямым, словно он проглотил кол, и даже медовые волосы как будто не шевелил долетающий из вентиляции ветерок.

Внутренний голос Элис звучал тревожно, по ее мыслям я понял, что она краем глаза наблюдает за Джаспером. «*Есть причины опасаться*?» Она вгляделась в ближайшее будущее, отыскивая среди видений обыденности то, которое заставит меня нахмуриться, и даже при этом не забыла подоткнуть крошечный кулачок под свой острый подбородок и время от времени моргать. И отвела со лба черную прядь своей короткой рваной стрижки.

Я слегка повернул голову влево, будто глядя на кирпичную стену, вздохнул и повернул снова – на этот раз вправо, обратно к трещинам на потолке. Наши сочли бы, что я просто изображаю человека. И только Элис поняла, что это я покачал головой.

Она расслабилась. «*Сообщи мне, если станет совсем скверно*».

Я ответил только движением глаз – вверх по потолку, затем снова вниз.

«*Спасибо за это*».

Даже хорошо, что ответить ей вслух я не мог. А то что бы я сказал? «*Мне только в радость*»? Вовсе нет. Мне не нравилось прислушиваться к терзаниям Джаспера. Обязательно ли было в самом деле ставить такие опыты? Разве не безопаснее просто признать, что он никогда не научится справляться со своей жаждой так, как умеем мы, остальные, и впредь не зарываться? Зачем играть с огнем?

После нашей предыдущей охотничьей экспедиции прошло две недели. Для нас это время выдалось не особо трудным. Порой немного некомфортным – когда человек проходил слишком близко или ветер дул не в ту сторону. Но слишком близко люди проходят редко. Инстинкты подсказывают им то, что никогда не поймет их рассудок: мы – опасность, которой следует избегать.

Прямо сейчас Джаспер был невероятно опасен.

Такое случалось нечасто, но время от времени я поражался безразличию людей вокруг нас. Мы привыкли к нему, всегда ожидали его, однако порой оно выглядело более вопиющим, чем обычно. Никто из людей не обращал внимания на нас, расположившихся здесь, в кафетерии, за раздолбанным столом, хотя, окажись на нашем месте стая тигров, она представляла бы не столь смертельную опасность. Все, что видели в нас окружающие, – пятерых ребят странноватого вида, достаточно похожих на людей, чтобы сойти за них. Трудно было представить, как человеческим существам удается выживать, если их чувства настолько притуплены.

В тот момент невысокая девчушка остановилась у стола, ближайшего к нашему, чтобы поболтать с подружкой. Она встряхнула короткими волосами песчаного оттенка, провела по ним пятерней. С воздухом от батарей отопления до нас долетел ее запах. Я давно привык к ощущениям, которые вызывали во мне подобные запахи, – к сухой боли в горле, к тянущей пустоте в желудке, к машинальному напряжению мышц, к обильному приливу яда во рту.

Все это были обычные и знакомые явления, и, как правило, не обращать на них внимания не составляло труда. Но теперь, пока я следил за Джаспером, стало труднее, остро ощущались удвоенные реакции.

Джаспер дал волю своему воображению. И представлял, как это происходит, – как встает со своего места рядом с Элис и подходит к невысокой девчушке. Думал, как наклонится, будто собираясь что-то прошептать ей на ухо, и позволит себе скользнуть губами по изгибу ее горла. Воображал, как ощутит губами горячую пульсацию ее крови под непрочной преградой кожи…

Я пнул его стул.

Он встретился со мной взглядом, в его глазах мелькнуло возмущение, и он отвел их. Я слышал у него в голове стыд и мятежность.

– Виноват, – пробормотал Джаспер.

Я пожал плечами.

– Ты бы ничего не сделал, – смягчая в нем унижение, шепнула Элис. – Я же видела.

Я сдержался и не стал хмуриться, чтобы не выдать ее ложь. Нам надо держаться заодно, Элис и мне. Непросто быть белой вороной среди тех, кто и без того не такие, как все. Мы берегли секреты друг друга.

– Немного помогает, если думать о них как о людях, – подсказала Элис, и ее высокий мелодичный голос зажурчал слишком быстро и неразборчиво для слуха тех людей, которые случайно окажутся поблизости и услышат ее. – Ее зовут Уитни. У нее есть сестра – совсем малышка, она ее обожает. Ее мать звала Эсме на ту вечеринку в саду, помнишь?

– Я знаю, кто она, – отрывисто бросил Джаспер. Отвернувшись, он уставился на узкие окна под самым потолком длинного помещения. Судя по его тону, разговор был закончен.

Сегодня ему придется выйти на охоту. Глупо вот так рисковать – в попытке испытать свою силу, развить выносливость. Джаспер должен просто признать свои ограничения и ориентироваться на них.

Элис мысленно вздохнула, встала, забрала со стола свой поднос с едой – бутафорию, если так можно выразиться, – и отошла, оставив Джаспера в покое. Она поняла, что ему уже хватило моральной поддержки с ее стороны. Отношения Розали и Эмметта выглядели более явными, но именно Элис и Джаспер знали каждую потребность друг друга, как свою собственную. Как будто тоже умели читать мысли, но только один у другого.

«*Эдвард*».

Рефлекторная реакция. Я обернулся на звук собственного имени, словно меня позвали, хотя это был не зов, просто мысль.

На секунду я встретился взглядом с большими шоколадно-карими человеческими глазами на бледном лице, формой напоминающем сердечко. Это лицо было мне знакомо, хотя в тот момент своими глазами я увидел его впервые. Но сегодня оно возникало в мыслях почти у всех окружающих. Новая ученица Изабелла Свон. Дочь начальника местной полиции, переселилась сюда из-за каких-то изменений ситуации с опекой. Белла. Она поправляла каждого, кто называл ее полным именем.

Я равнодушно отвернулся. Понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что мое имя подумала не она.

«*Все ясно, она уже запала на Калленов*», – услышал я продолжение недавней мысли.

Только теперь я узнал этот «голос».

Джессика Стэнли – давненько она не досаждала мне внутренней болтовней. С каким облегчением я вздохнул, когда она преодолела свою неуместную зацикленность. Было почти невозможно отделаться от ее непрестанных и нелепых грез наяву. В то время меня так и подмывало объяснить ей, *что именно* произойдет, если рядом с ней окажутся мои губы, а вместе с ними и зубы. Это положило бы конец ее докучливым фантазиям. Представив себе ее реакцию, я чуть не улыбнулся.

«*Ни черта ей не светит*, – продолжала Джессика. – *Она ведь вообще никакая. Не понимаю, с чего вдруг Эрик так на нее пялится… и Майк*».

От последнего имени она мысленно дрогнула. Предмет ее нового помешательства, всеобщий любимчик Майк Ньютон, ее в упор не замечал. Зато, по-видимому, очень даже замечал новенькую. Еще одно дитё тянется к блестящей игрушке. Это придало мыслям Джессики язвительность, хотя внешне она держалась приветливо, пересказывая новенькой общеизвестные сведения о моей семье. Должно быть, та расспрашивала о нас.

«*Сегодня все глазеют и на меня*, – самодовольно думала Джессика. – *Белла со мной в одном классе сразу на двух предметах – чем не удача? Спорим, Майк спросит у меня, что она…*»

Я мысленно отгородился от глупого щебета, пока своей мелочностью и пошлостью она не свела меня с ума.

– Джессика Стэнли вываливает перед этой новенькой, Свон, все грязное белье клана Каллен, – чтобы отвлечься, вполголоса сказал я Эмметту.

Он еле слышно хмыкнул. «*Надеюсь, старается вовсю*», – подумал он.

– Вообще-то с фантазией у нее туго. Лишь легчайший намек на скандальность. И ни капли ужасов. Я даже немного расстроился.

«*А новенькая? Ее тоже расстроили сплетни?*»

Я прислушался, чтобы выяснить, что думает об услышанном от Джессики эта девушка, Белла. Как она воспринимает странную, бледную как мел семейку, которой сторонятся все вокруг?

Узнать ее реакцию я был просто обязан. Я, за неимением лучшего выражения, стоял на страже своей семьи. Для того, чтобы защищать нас. Если бы у кого-нибудь возникли подозрения, я бы мог вовремя предупредить остальных и найти легкий путь к отступлению. Порой такое случалось: кто-нибудь из обладателей живого воображения усматривал в нас сходство с героями книги или фильма. И, как правило, ошибался, но перебраться на новое место было проще, чем рисковать, привлекая к себе пристальное внимание. Редко, чрезвычайно редко чья-нибудь догадка оказывалась верной. Таким людям мы не давали шанса проверить их предположения. Мы просто исчезали, чтобы стать не более чем пугающим воспоминанием.

Но подобного не случалось уже несколько десятилетий.

Я не услышал ничего, хотя нацеливал внимание в ту сторону, где продолжал изливаться легкомысленный внутренний монолог Джессики. Как будто никто и не сидел рядом с ней. Как странно. Неужели новенькая пересела? Маловероятно, ведь Джессика все еще тараторила, обращаясь к ней. В растерянности я поднял глаза. Мой добавочный «слух» в проверках никогда прежде не нуждался.

И опять наши взгляды встретились – мой и взгляд широко распахнутых карих глаз. Она сидела там же, где и прежде, и смотрела на нас – в этом я не усматривал ничего удивительного, ведь Джессика продолжала кормить ее местными сплетнями о Калленах.

Со стороны новенькой думать о нас тоже было бы вполне естественно.

Но я не различал ни единого шепота.

Теплый, призывный румянец проступил на ее щеках, она потупилась, исправляя досадную оплошность – ее поймали глазеющей на незнакомого человека. К счастью, Джаспер по-прежнему смотрел в окно. Даже представлять не хотелось, как отразился бы на его умении владеть собой этот мгновенный прилив крови.

Чувства так отчетливо читались на ее лице, словно были выписаны на нем словами: удивление по мере того, как она невольно замечала неявные признаки межвидовых различий – между собственным и моим видом; любопытство, с которым она выслушивала рассказ Джессики, и еще что-то… Влечение? Не у нее первой. Мы прекрасны для людей, предназначенной для нас добычи. И наконец, смущение.

Но, несмотря на всю отчетливость отражения мыслей в ее необычных глазах – необычных из-за их глубины, – я слышал лишь тишину с того места, где сидела она. Только… молчание.

Я ощутил мимолетное беспокойство.

Ни с чем подобным я еще никогда не сталкивался. Со мной что-то не так? Но я чувствовал себя в точности как всегда. Тревожась, я прислушался как следует.

Все голоса, которые я до сих пор отключал, вдруг завопили у меня в голове.

«*… знать бы, какой музон ей по нраву… может, про мой новый диск при ней сказать…*» – думал Майк Ньютон на расстоянии двух столиков от меня, не сводя глаз с Беллы Свон.

«*Гляньте, как он на нее вылупился. Мало ему, что половина девчонок школы ждут, стоит ему только…*» – язвительные мысли Эрика Йорки тоже вращались вокруг девчонок.

«*…аж тошнит. Как будто она знаменитость или типа того… Даже Эдвард Каллен уставился…* – На лице Лорен Мэллори была написана такая острая зависть, что ей по любым меркам полагалось бы густо позеленеть. – *Да еще Джессика, выискалась новая лучшая подружка. Умора…*» – ее мысли продолжали сочиться ядом.

«*…спорим, об этом ее спрашивают все подряд. Но поболтать-то с ней хочется. Что бы такого придумать пооригинальнее?*» – ломала голову Эшли Даулинг.

«*…а вдруг она будет со мной на испанском…*» – надеялась Джун Ричардсон.

«*…куча домашки осталась на завтра! Тригонометрия да еще тест по английскому. Надеюсь, мама…*» – тихоню Анджелу Вебер, в мыслях которой царило удивительное добродушие, единственную из сидящих за столом не захватила одержимость Беллой.

Я слышал их всех, слышал каждую несущественную мыслишку сразу же, едва она проносилась у них в голове. Но ни звука не долетало от новой ученицы с обманчиво приветливыми глазами.

Но я, разумеется, слышал, что она говорила, обращаясь к Джессике. Умение читать мысли не требовалось, чтобы различить ее приглушенный чистый голос в дальнем углу длинного зала.

– Тот рыжеватый парень – кто он? – донесся до меня ее вопрос, и она украдкой бросила на меня еще один взгляд, только чтобы увидеть, что я по-прежнему наблюдаю за ней, и поспешно отвести глаза.

Если у меня и успела мелькнуть надежда, что услышанный голос поможет мне уловить тембр ее мыслей, то меня сразу же постигло разочарование. Как правило, высота внутреннего и физического голосов человека совпадает. Но этот тихий застенчивый голос звучал незнакомо, не соответствовал ни одной из сотен мыслей, разносящихся по залу, – в этом я не сомневался. Совершенно новый голос.

«*Ну и флаг в руки, дурында!*» – подумала Джессика прежде, чем ответила на вопрос соседки:

– Это Эдвард. Он, конечно, потрясный, но лучше не трать на него время. Он ни с кем не встречается. Видно, считает, что никто из симпатичных девчонок здесь ему не пара. – И она негромко фыркнула.

Я отвернулся, пряча улыбку. Джессика и ее одноклассницы понятия не имели, как им повезло, что ни одну из них я не счел особо привлекательной.

Сквозь эту мимолетную вспышку веселья я ощущал неожиданный порыв, не вполне понятный мне. Он имел некое отношение к зловредному оттенку мыслей Джессики, о котором новенькая не подозревала… Мной овладело престранное желание встать между ними, загородить Беллу Свон от темных помыслов Джессики. Какое непривычное ощущение. Пытаясь выяснить, чем вызван этот порыв, я опять вгляделся в новенькую, на этот раз глазами Джессики. Мой пристальный взгляд привлекал слишком много внимания.

Может, все дело было в давно погребенном глубоко внутри инстинктивном стремлении защищать – сильный за слабого. Почему-то эта девушка выглядела более ранимой и хрупкой, чем ее новые одноклассницы. Ее кожа была такой тонкой, почти прозрачной, что с трудом

верилось в сколько-нибудь достаточную надежность этой защиты от внешнего мира. Я видел, как ритмично пульсирует кровь в ее жилах под этой чистой бледной оболочкой… Но сосредотачивать на ней внимание мне не следовало. Я был хорошо приспособлен к жизни, которую избрал, но голод мучил меня так же, как и Джаспера, даже в отсутствие соблазнов.

Между ее бровями обнаружилась еле заметная складочка, о которой она, кажется, не знала.

Но насколько же невероятной была досада! Ведь я прекрасно видел, каких усилий ей стоит сидеть здесь, поддерживать разговор с малознакомыми людьми, находиться в центре внимания. Чувствовал ее робость по тому, как она слегка сутулила хрупкие плечи, словно ожидая, что ее в любую минуту могут резко осадить. И тем не менее я лишь видел, лишь чувствовал, лишь мог представить себе. Но от этой совершенно непримечательной человеческой девушки исходило только молчание. Я ничего не слышал. Почему?

– Идем? – шепнула Розали, прерывая мою задумчивость.

От мыслей об этой девушке я отвлекся с облегчением. Мне не хотелось и дальше терпеть неудачу – со мной такое случалось редко и тем сильнее раздражало. Не хотелось пробуждать в себе интерес к ее скрытым мыслям только потому, что они скрыты. Несомненно, когда я разгадаю их – а я обязательно найду способ сделать это, – они окажутся такими же ничтожными и обыденными, как у любого другого человека. Не стоящими усилий, которые я потрачу, чтобы выяснить их.

– Так новенькая уже боится нас? – спросил Эмметт, все еще ждущий от меня ответа на свой предыдущий вопрос.

Я пожал плечами. Он был не настолько заинтересован, чтобы выпытывать подробности.

Мы встали из-за стола и вышли из кафетерия.

Эмметт, Розали и Джаспер притворялись старшими; они разошлись по классам. Я делал вид, будто младше их. И направился на урок биологии начального уровня, мысленно настраиваясь на скуку. Вряд ли мистер Баннер с его умственными способностями не выше средних умудрится выдать на уроке хоть что-нибудь, что удивит обладателя двух дипломов в области медицины.

В классе я устроился на своем месте и вывалил на стол книги – опять-таки бутафорские, не содержащие ничего ранее неизвестного мне. Из всех учеников только мне одному достался стол весь целиком. Людям недоставало ума *понимать*, что они меня боятся, но инстинкта самосохранения хватало им, чтобы сторониться меня.

Класс постепенно заполнялся, ученики один за другим возвращались с обеда. Я откинулся на спинку стула и стал ждать, когда пройдет время. И вновь жалеть, что лишен способности предаваться сну.

Поскольку думал я о новенькой, ее имя сразу вторглось в мои мысли, когда Анджела Вебер ввела ее в класс.

«*Похоже, Белла такая же стеснительная, как и я. Могу поспорить, что сегодня ей пришлось тяжко. Сказать бы ей что-нибудь… только наверняка все равно ляпну глупость*».

«*Да!*» – мелькнуло у Майка Ньютона, который повернулся на своем месте при виде вошедших девчонок.

А с того места, где стояла Белла Свон, по-прежнему не доносилось ничего. Там, где ее мыслям следовало бы изводить и тревожить меня, зияла пустота.

А если пропало *все*? И это лишь первый симптом какой-нибудь разновидности умственного упадка?

Я часто мечтал избавиться от какофонии чужих мыслей. И стать нормальным – в пределах, доступных мне. Но теперь вдруг запаниковал. Кем я стану без своих прежних способностей? Я ни разу не слышал о таком. Надо выяснить, доводилось ли Карлайлу.

Девушка прошла по проходу мимо меня, направляясь к учительскому столу. Бедная, свободное место осталось только рядом со мной. Машинально я сгреб в стопку книги, освобождая ее половину стола. Вряд ли ей будет здесь удобно. А терпеть придется целый семестр – по крайней мере, в этом классе. С другой стороны, возможно, я, сидя рядом с ней, наконец разведаю, где прячутся ее мысли… правда, раньше близкое соседство мне для этого не требовалось. И не то чтобы я рассчитывал найти что-либо достойное внимания.

Белла Свон прошла в потоке нагретого воздуха, который дул в мою сторону из вентиляции.

Ее запах обрушился на меня как боевой таран, стал подобием взрыва гранаты. Не существовало образа достаточно бурного, мощного и внезапного, чтобы сравнить с ним силу, воздействию которой я подвергся в тот момент.

В тот же миг я преобразился. Утратил всякое сходство с человеком, которым некогда был. От скудных остатков человеческого, которыми мне удавалось прикрываться долгие годы, не осталось и следа.

Я стал хищником. А она – моей добычей. И в целом мире больше не было ничего, кроме этой истины.

Не было полного класса свидетелей – мысленно я уже записал их в сопутствующие потери. Забытой оказалась тайна ее мыслей. Они не значили ничего, ибо думать ей осталось недолго.

Я был вампиром, а в ней струилась сладчайшая кровь из всех, какие мне случалось обонять за более чем восемьдесят лет.

Мне и в голову не приходило, что такой запах может существовать. Знай я об этом, давным-давно бы уже бросился на поиски. Обшарил бы всю планету, разыскивая ее. Мне представился вкус…

И жажда опалила горло потоком пламени. Во рту пересохло и запеклось, и прилив свежего яда облегчения не принес. Желудок скрутило от голода – отголоска жажды. Мышцы напружинились, готовые сработать.

Не прошло и секунды. Она все еще делала тот же самый шаг, который увел ее в подветренную сторону от меня.

Когда ее ступня коснулась пола, она скользнула глазами в мою сторону, явно пытаясь сделать это незаметно. Ее взгляд встретился с моим, и я увидел свое отражение в зеркале ее глаз.

Шок от увиденного спасал ей жизнь на протяжении нескольких самых острых мгновений.

Сама она не помогла ничем. Когда она осмыслила выражение моего лица, кровь опять прилила к ее щекам, придала коже самый лакомый оттенок, какой я когда-либо видел. От запаха густой туман затопил мой мозг. Мысли едва пробивались сквозь него. Инстинкты бушевали, беспорядочно метались, отказывались подчиняться.

Она прибавила шагу, словно понимая, что надо бежать. И от спешки сделалась неловкой – споткнулась, повалилась вперед, чуть не упала на девчонку, сидящую передо мной. Уязвимая, слабая. Даже в сравнении с другими людьми.

Я старался сосредоточиться на лице, отражение которого увидел в ее глазах и узнал, испытав отвращение. На лице чудовища у меня внутри – того самого, победа в борьбе с которым стоила мне десятков лет усилий и безупречной дисциплины. Но как же легко оно теперь вынырнуло на поверхность!

Запах вновь окутал меня, рассеял мысли и чуть не заставил сорваться с места.

Нет.

Силясь удержаться на стуле, я стиснул пальцы под краем стола. Древесина не рассчитана на такую нагрузку. Пальцами я проломил поперечную планку под столом, ладонь наполнилась древесной трухой, а на планке остались выемки от моих сжатых пальцев.

Уничтожай улики. Так гласит непреложное правило. Я быстро выровнял пальцами края выемок, так что от них осталась лишь неровная дыра в планке и кучка трухи на полу, которую я раскидал ногой.

Уничтожай улики. Сопутствующие потери…

Я знал, что сейчас будет. Этой девушке придется сесть рядом со мной, а мне – убить ее.

Ни в чем не повинных свидетелей, находящихся в том же классе – восемнадцать других учеников и одного учителя, – ни в коем случае нельзя отпускать после того, что они вскоре увидят.

При мысли о том, что мне надлежит сделать, меня передернуло. Даже в худшие времена мне не доводилось так зверствовать. Я никогда не убивал невинных. А теперь замышлял настоящую бойню – уничтожение двадцати человек сразу.

Чудовище, которое я видел в собственном отражении, издевалось надо мной.

С содроганием отталкивая его, я в то же время строил планы насчет того, что будет дальше.

Если я убью девчонку первой, то на нее у меня останется от силы пятнадцать-двадцать секунд, прежде чем опомнятся остальные. Или чуть больше, если они не сразу сообразят, что я делаю. Она не успеет ни вскрикнуть, ни почувствовать боль; убивать ее жестоко я не стану. По крайней мере, это я смогу сделать для незнакомки с ужасающе соблазнительной кровью.

Но потом понадобится помешать остальным сбежать. Насчет окон можно не беспокоиться – они слишком узкие и высоко расположенные, чтобы служить путем к побегу хоть для кого-нибудь. Остается лишь дверь: загородить ее, и все окажутся в ловушке.

Будет медленнее и труднее, если пытаться прикончить их всех, пока они беспорядочно мечутся и сталкиваются в панике. Ничего невозможного, но шума будет много. Времени с избытком хватит для визга и воплей. Кто-нибудь наверняка услышит… и я буду вынужден за единственный черный час загубить еще больше невинных душ.

А ее кровь успеет остыть, пока я их убиваю.

Запах терзал меня, забивал горло сухой ноющей болью…

Значит, первыми – свидетелей.

В голове сложился план. Я находился в середине класса, в самом дальнем ряду. Сначала я займусь теми, кто справа от меня. По моим оценкам, за секунду я мог свернуть четыре-пять шей. Почти не поднимая шума. Правой стороне повезет: они не увидят, как я приближаюсь. Затем я метнусь вдоль переднего ряда и дальше по левой стороне класса; мне понадобится самое большее пять секунд, чтобы отнять жизнь у всех, кто здесь находится.

Достаточно долго, чтобы Белла Свон успела мельком увидеть, что ее ждет. Достаточно, чтобы ощутила страх. Достаточно, чтобы завизжала, если только не оцепенеет от шока. На единственный негромкий вопль никто не сбежится.

Я сделал глубокий вдох, и все тот же запах взметнулся пламенем в моих пересохших венах, выжигая в груди все благие порывы, на какие я еще был способен.

Она как раз оборачивалась. Еще пара секунд, и она сядет на расстоянии нескольких дюймов от меня.

Чудовище у меня в голове возликовало.

Кто-то с треском захлопнул папку слева от меня. Я не стал поднимать голову, чтобы выяснить, кто из обреченных людей сделал это, но от его движения мне в лицо ударила волна самого обычного, ничем не пахнущего воздуха.

На краткую секунду ко мне вернулась способность ясно мыслить. И за этот драгоценный миг я увидел перед мысленным взором сразу оба лица.

Одно – мое, вернее, когда-то было моим: лицо красноглазого монстра, который истребил столько народу, что я уже сбился со счета. Совершал логически обоснованные, оправданные убийства. Я был убийцей убийц, убивал других, менее могущественных чудовищ. Да, я при-

знавал, что это комплекс бога – решать, кто заслуживает смертного приговора. Сделка с самим собой. Я питался человеческой кровью, но лишь в самом широком смысле из возможных. Мои жертвы в своем разнообразном и мрачном времяпрепровождении демонстрировали немногим больше человеческого, чем было свойственно мне.

Вторым было лицо Карлайла.

Между этими двумя лицами не наблюдалось никакого сходства. Они отличались, как ясный день и самая черная из ночей.

Для сходства и не было причин. В строго биологическом смысле Карлайл не приходился мне отцом. Общих черт у нас с ним не наблюдалось. Одинаковым цветом лица мы были обязаны тому, кем оба являлись: любой вампир мертвенно бледен. Сходство цвета глаз – другое дело: оно отражало наш совместный выбор.

Но, несмотря на отсутствие оснований для сходства, мне казалось, что за последние семьдесят с лишним лет, на протяжении которых я принимал его выбор и следовал по его стопам, мое лицо в некоторой мере стало отражением его лица. Мои черты не изменились, но мне казалось, будто выражение на моем лице отчасти отмечено его мудростью, толику его сострадания можно уловить в очертании моих губ, намек на его терпение виден на моем лбу.

Все эти мизерные улучшения исчезли с лица чудовища. За считаные мгновения во мне не осталось никаких напоминаний о годах, проведенных с моим создателем, моим наставником, моим отцом во всех отношениях, какие только принимались во внимание. Теперь мои глаза горели багровым огнем, как у дьявола; никакого сходства будто и не бывало.

В добрых глазах Карлайла, которые я видел перед мысленным взором, не было осуждения в мой адрес. Я знал, что он простит мне эту мерзость. Потому что он любит меня. Потому что он обо мне лучшего мнения, чем я сам.

Белла Свон сидела рядом со мной, ее движения выглядели скованными и неловкими – наверняка от страха, – и запах ее крови распускался вокруг меня облаком, от которого было никуда не деться.

Я стану доказательством, что отец ошибался на мой счет. Горечь этого факта жгла почти так же сильно, как пожар у меня в горле.

Я отклонился от соседки брезгливо, с отвращением к чудовищу, которое жаждало завладеть ею.

С чего ее принесло сюда? Почему она *существует*? Зачем ей понадобилось лишать меня даже той малой частицы покоя, какая была в этой моей нежизни? Зачем вообще родилось это злополучное человеческое существо? Она меня погубит.

Я отвернулся от нее, едва меня окатила внезапная ненависть, бессмысленная и яростная.

Я не желаю быть чудовищем! Не хочу уничтожать целый класс безобидных детей! Не хочу терять все, чего добился за целую жизнь ценой жертв и лишений!

Не хочу и не буду.

Она меня не заставит.

Загвоздка была в запахе, ужасающе притягательном запахе ее крови. Только бы нашелся способ устоять… только бы повеяло свежим воздухом, чтобы прояснилось в голове.

Белла Свон взмахнула в мою сторону длинными и густыми волосами оттенка темного красного дерева.

Спятила?

Нет, на спасительный ветерок никакой надежды. Но ведь мне же *незачем* дышать.

Я остановил поток воздуха, проходящий через мои легкие. Полегчало мгновенно, но ненамного. В голове еще сохранились воспоминания об этом запахе, на корне языка – его вкус. Даже так я долго не продержусь.

Жизни всех присутствующих в этом классе грозит опасность, пока в нем находимся вместе она и я. Я должен бежать. Я и *хотел* сбежать, очутиться подальше от исходящего от нее

жара и мучительной жгучей боли, но не был на все сто процентов уверен в том, что, если дам волю мышцам, чтобы сдвинуться с места, хотя бы просто встать, не сорвусь внезапно и не устрою уже спланированную бойню.

Однако я, пожалуй, мог бы продержаться примерно час. Хватит ли часа для того, чтобы овладеть собой и двигаться свободно, не бросаясь в атаку? В этом я усомнился, но заставил себя подчиниться. Я *сделаю* так, чтобы часа хватило. Времени как раз достаточно, чтобы убраться из класса, полного жертв, которым, пожалуй, вовсе незачем *становиться* жертвами. Если я сумею продержаться всего один краткий час.

Неудобное это было ощущение – не дышать. Мой организм не нуждался в кислороде, но отсутствие дыхания противоречило инстинктам. В напряженные минуты я полагался на обоняние более, чем на какое-либо из чувств. Оно указывало путь на охоте, оно первым предупреждало об опасности. Мне редко случалось сталкиваться с чем-либо столь же опасным, как я, но инстинкт самосохранения у моего племени так же силен, как у среднестатистического человека.

Неудобно, но терпимо. Все лучше, чем чуять ее и сдерживаться, чтобы не впиться зубами в эту нежную, тонкую, просвечивающую кожу и не прокусить ее до горячей, влажной, пульсирующей…

Час! Всего один час. Нельзя думать о запахе и вкусе.

Молчунья отгородилась от меня волосами, наклонилась вперед так, что концы прядей рассыпались по ее папке. Ее лица я не видел, понять, что она чувствует, по ее глубоким ясным глазам не мог. Неужели это попытка спрятать от меня глаза? Из страха? Застенчивости? Скрытности?

Мое недавнее раздражение, вызванное тем, как наглухо отгорожены от меня ее беззвучные мысли, оказалось слабым и бледным по сравнению с потребностью – и ненавистью, – которые завладели мной теперь. Ибо я ненавидел сидящую рядом хрупкую девушку, ненавидел ее со всем пылом, с которым цеплялся за свое прежнее «я», за мою любовь к семье, за мечты стать лучше, чем я был. Ненависть к ней, ненависть к чувствам, которые она во мне вызвала, немного помогала. Да, прежнее раздражение было слабым, но слегка помогало и оно. Я хватался за любую мысль, способную отвлечь меня, не дать вообразить, какова она была бы на *вкус*…

Ненависть и досада. Нетерпение. Да когда же он наконец пройдет, этот час?

А когда он истечет… она выйдет из этого класса. И что делать мне?

Если мне под силу обуздать чудовище, убедить его, что промедление стоит того… значит, я мог бы и представиться. «*Привет, я Эдвард Каллен. Можно проводить тебя на следующий урок*?»

Она согласится. Из вежливости. Несмотря на весь страх передо мной, который она наверняка уже ощутила, она последует условностям и зашагает со мной рядом. Увести ее не в том направлении труда не составит. Соседний лес тянется острым, похожим на палец выступом до дальнего угла стоянки. Я мог бы сказать ей, что забыл в машине учебник…

Вспомнит ли кто-нибудь, что именно со мной ее видели в последний раз? Как обычно, идет дождь. Два ученика в темных дождевиках, уходящих не в ту сторону, вряд ли вызовут заметный интерес или выдадут меня.

Вот только сегодня за ней внимательно следят и другие, хоть и не так мучительно, как я. В особенности Майк Ньютон чутко отзывался на каждое смещение веса ее тела, стоило ей поерзать на стуле – ей было неловко сидеть так близко ко мне, как было бы неловко любому, как я и ожидал, пока вся моя доброжелательность не улетучилась от ее запаха. Майк Ньютон непременно заметит, если она покинет класс вместе со мной.

Если я продержусь час, смогу ли протянуть все два?

Я вздрогнул от жгучей боли.

Она вернется из школы в пустой дом. У начальника полиции Свона восьмичасовой рабочий день. Я знал его дом, как знал каждый дом в этом городишке. Он приткнулся прямо у густого леса, другие дома довольно далеко. Даже если она успеет завизжать, а ей ни за что не успеть, никто ее не услышит.

Это и есть способ справиться с ситуацией ответственно. Я обходился без человеческой крови более семидесяти лет. Затаив дыхание, я смогу продержаться два часа. А когда застану ее одну, ни в коем случае никто другой не пострадает. *И нет никаких причин торопиться с этим опытом*, согласилось чудовище у меня в голове.

Не что иное, как казуистика – считать, что спасение девятнадцати присутствующих в этом классе ценой усилий и терпения убавит мне чудовищности, когда я убью эту ни в чем не повинную девушку.

Ненавидя ее, я в то же время прекрасно сознавал, что моя ненависть несправедлива. Я понимал, что на самом деле ненавижу самого себя. И возненавижу нас обоих гораздо сильнее, когда она будет мертва.

Так я и держался весь час – коротал время, представляя, как бы получше прикончить ее. Причем старался не рисовать в воображении само *действо*. Такого зрелища я мог и не выдержать. Поэтому лишь разрабатывал стратегию, и не более.

Один раз, уже перед самым концом урока, она украдкой взглянула на меня сквозь зыбкую завесу своих волос. Ничем не оправданная ненависть прожгла меня насквозь, едва я встретился с ней взглядом и увидел в ее испуганных глазах отражение этой ненависти. Кровь окрасила румянцем ее щеку, прежде чем она снова спряталась за волосами, и я едва сдержался.

Но тут грянул звонок. И мы – вот ведь шаблон – были спасены. Она – от смерти. А я, хоть и на краткое время, – от участи жуткой твари, внушающей мне самому страх и отвращение.

Пора было сваливать.

Даже сосредоточив все свое внимание на простейших действиях, я не сумел передвигаться так медленно, как следовало бы, и вылетел из класса стрелой. Если бы за мной кто-нибудь наблюдал, мой уход мог бы навести на подозрения. Но никто не обращал на меня ни малейшего внимания; мысли всех присутствующих по-прежнему вертелись вокруг девушки, обреченной умереть чуть позже, чем через час.

Я спрятался в своей машине.

Думать о том, что я прячусь, было неприятно. Выглядело это как трусость. Но мне с трудом хватало выдержки, чтобы находиться среди людей. На то, чтобы не убить *одного* из них, понадобилось слишком много стараний, в итоге у меня просто не осталось сил, чтобы противостоять остальным. Какое расточительство. Если бы уж я поддался чудовищу, то воспользовался бы поражением по полной.

Я включил диск, который обычно успокаивал меня, но теперь почти не подействовал. Нет, если что и помогло, так это прохладный сырой воздух, залетавший вместе с легкой изморосью в открытые окна. И хотя я предельно ясно помнил запах крови Беллы Свон, вдыхать этот чистый воздух было все равно что промывать изнутри тело, зараженное ее запахом.

Я снова был в здравом уме. Вновь мог мыслить. И бороться. Я был способен бороться с тем, чем не желал быть.

Мне не обязательно являться к ней домой. Не обязательно убивать ее. Все всяких сомнений, я – разумное, мыслящее существо, и у меня есть выбор. Выбор есть всегда.

В классе мне казалось иначе, но теперь я находился далеко от нее.

Мне *незачем* расстраивать отца. Незачем вызывать у матери стресс, тревогу… боль. Да, я ранил бы и мою приемную мать. А она такая ласковая, нежная и любящая. Причинять страдания такому существу, как Эсме, поистине непростительно.

Возможно, если я буду как можно старательнее избегать эту девушку, мне не понадобится менять свою жизнь. Все в ней устроено так, как мне нравится. Так зачем допускать, чтобы какое-то злополучное и аппетитное ничтожество испортило ее?

Забавно, а я-то еще рвался уберечь эту человеческую девушку от жалкой, беззубой угрозы, которую представляли ехидные мысли Джессики Стэнли. Да я годился на роль защитника Изабеллы Свон меньше, чем кто-либо другой. Ни от чего она не нуждалась в защите так остро, как от меня.

Где же Элис, вдруг спохватился я. Неужели она не видела, как я убиваю эту девушку, Свон, множеством способов? Почему не пришла ко мне на помощь – не важно, чтобы остановить меня или помочь замести следы? Или она была настолько занята предчувствием неприятностей для Джаспера, что упустила из виду гораздо более ужасную вероятность? Или же я сильнее, чем мне казалось? И на самом деле ничего бы этой девушке не сделал?

Нет. Я же сам знал, что это неправда. Видимо, Элис сосредоточила все свое внимание на Джаспере.

Я поискал сестру, зная, что она должна быть в небольшом корпусе, где проходили уроки английского. Мне не понадобилось много времени, чтобы уловить ее знакомый мысленный голос. И я оказался прав. Все ее помыслы были направлены на Джаспера, она придирчиво изучала каждый выбор, который он мог совершить, вплоть до самых незначительных.

С одной стороны, жаль, что нельзя спросить у нее совета, но с другой стороны, даже хорошо, что она не узнала, на что я был способен. Меня пронзила насквозь новая обжигающая волна – стыд. Лучше бы о случившемся не узнал никто из наших.

И если я смогу избегать Беллу Свон, если умудрюсь не убить ее – от этой мысли чудовище во мне скорчилось и заскрежетало зубами в досаде, – тогда никому знать и незачем. Только бы мне держаться подальше от ее запаха…

Во всяком случае, нет причин не попробовать. Сделать правильный выбор. Попытаться вести себя так, как я должен, по мнению Карлайла.

Последний час пребывания в школе почти истек. Я решил привести свой план в исполнение немедленно. Все лучше, чем сидеть здесь, на стоянке, где она может пройти мимо и загубить мою попытку. Во мне вновь вспыхнула несправедливая ненависть к этой девушке.

Быстро – чуть быстрее, чем следовало, но меня никто не видел, – я зашагал через крошечный кампус к административному корпусу.

Там было пусто – если не считать секретаря, которая не заметила моего бесшумного появления.

– Мисс Коуп?..

Женщина с неестественно рыжими волосами подняла глаза и вздрогнула. Людей всегда застают врасплох мелочи, наши отличительные признаки, которых они не понимают, сколько бы раз ни встречались с нами.

Она невольно вздохнула и слегка смутилась. Оправила юбку. «*Дура*, – мысленно выругала себя. – *Он же тебе в сыновья годится*».

– Привет, Эдвард, чем могу помочь? – Ее ресницы затрепетали за толстыми стеклами очков.

Неловкость. Но я умел быть обаятельным, когда хотел. Это просто, ведь я мгновенно узнавал, как восприняты каждый мой оттенок интонации или жест.

Я подался вперед, встретился с ней взглядом так, будто заглядывал в самую глубину ее тускло-карих глаз. Мысленно она уже трепетала. Наверняка труда не составит.

– Я только хотел узнать, не поможете ли вы мне с расписанием, – произнес я мягким голосом, который приберегал для людей, чтобы не пугать их.

Стало слышно, как ее сердце ускорило бег.

– Конечно, Эдвард. Чем я могу тебе помочь?

«*Слишком молод, слишком молод*», – твердила она себе. И, само собой, ошибалась. Я старше ее деда.

– Я хотел спросить, нельзя ли мне поменять уроки биологии на какой-нибудь курс естественных наук для выпускного класса. На физику, к примеру?

– Проблемы с мистером Баннером, Эдвард?

– Никаких, просто я уже изучал этот материал…

– В той школе с обучением по ускоренному методу, в которую все вы ходили на Аляске. Ясно, – поджав тонкие губы, об этом она и задумалась. «*Им всем самое место в колледже. Учителя жалуются, я сама слышала. Средний балл аттестата – твердая четверка, ответы абсолютно без запинки, ни единой ошибки в тестах – как будто они нашли какой-то способ жульничать по каждому предмету. Мистер Варнер скорее поверит, что все списывают на тригонометрии, чем предположит, что ученик умнее его. Готова поспорить, что с ними занимается мать…*» – Знаешь, Эдвард, вообще-то на физике уже почти битком. Мистер Баннер терпеть не может, когда в классе больше двадцати пяти учеников…

– Со мной неприятностей не будет.

«*Еще бы они были с кем-то из идеальных Калленов!*»

– Это я знаю, Эдвард. Но так или иначе, мест просто не хватит…

– В таком случае можно мне пропускать этот урок? Вместо него я мог бы заниматься самостоятельно.

– Пропускать биологию? – У нее невольно открылся рот. «*Ничего себе. Да что в этом сложного – отсидеть предмет, который уже знаешь? Наверняка что-то не так с мистером Баннером*». – Тебе не хватит баллов для аттестата.

– Наверстаю в следующем году.

– Лучше бы тебе сначала обсудить этот вопрос с родителями.

Позади меня открылась дверь, но кто бы это ни был, обо мне он не думал, так что я, не оборачиваясь, сосредоточил все внимание на мисс Коуп. Я придвинулся к ней ближе и еще пристальнее и глубже заглянул ей в глаза. Способ сработал бы успешнее, будь мои глаза сегодня не черными, а золотистыми. Чернота пугает людей, как и должно быть.

Мой просчет подействовал на женщину. Она отпрянула, озадаченная конфликтом своих инстинктов.

– Ну пожалуйста, мисс Коуп! – зашептал я вкрадчиво и убедительно, как только смог, и ее мгновенная неприязнь улетучилась. – Неужели не найдется другого курса, на который я мог бы переключиться? Наверняка хоть где-нибудь да есть свободное место. Не может быть, чтобы не нашлось других вариантов, кроме биологии шестым часом…

Я улыбался ей, стараясь поменьше показывать зубы, чтобы не напугать ее снова, и смягчив выражение лица.

Ее сердце забилось быстрее. «*Слишком молод*», – лихорадочно напомнила она себе.

– Ладно уж, поговорю с Бобом… то есть с мистером Баннером. Посмотрим, получится ли…

Всего секунда понадобилась, чтобы изменилось все: атмосфера в комнате, цель моего прихода сюда, причина, по которой я придвинулся к рыжеволосой женщине… Все, что раньше было сделано ради одной цели, теперь служило другой.

Всего секунда понадобилась Саманте Уэллс, чтобы войти в комнату, положить подписанную записку об опоздании в проволочный лоток и юркнуть за дверь, желая поскорее удрать из школы. Внезапный порыв ветра ворвался в открытую дверь, обрушился на меня, и я понял, почему первая из вошедших сюда девчонок не помешала мне своими мыслями.

Я обернулся, хотя и не нуждался в подтверждениях.

Белла Свон стояла у двери, вжавшись спиной в стену и комкая в руках какую-то бумажку. Ее глаза раскрылись еще шире при виде моего свирепого, нечеловеческого взгляда.

Запахом ее крови пропиталась каждая частица воздуха в тесной и душной комнатушке. У меня в горле вспыхнул пожар.

Из зеркала ее глаз на меня вновь зыркнуло чудовище, маска исчадия зла.

Моя ладонь зависла в воздухе над стойкой. Мне не понадобилось бы оборачиваться, чтобы протянуть руку и убить мисс Коуп, впечатав ее головой в стол. Две жизни, отнятые вместо двадцати. Обмен.

Изнывая от голода, чудовище в напряжении ждало, когда я так и поступлю.

Но выбор есть всегда – *должен* быть.

Я прервал движения легких, зафиксировал перед мысленным взором лицо Карлайла. Снова повернулся к мисс Коуп и услышал, как она внутренне удивилась перемене на моем лице. И отшатнулась от меня, но ее испуг не был облечен в связные слова.

Призвав на помощь все умение владеть собой, усвоенное за десятки лет воздержания, я сделал звучание своего голоса ровным и плавным. Воздуха в легких осталось ровно столько, чтобы скороговоркой произнести еще несколько слов.

– Нет так нет. Понимаю, это невозможно. Большое вам спасибо за помощь.

Круто повернувшись, я вылетел из комнаты, стараясь не замечать тепло крови, исходящее от тела девушки, на расстоянии нескольких дюймов от которой я прошел.

Я не останавливался, пока не достиг машины, и всю дорогу до нее двигался слишком быстро. Большинство учеников уже разъехались, так что свидетелей нашлось немного. Я услышал, как Ди-Джей Гарретт из класса второго года обучения заметил неладное, но не придал этому значения.

«*А Каллен откуда тут взялся? Будто возник из воздуха. Ну вот, опять у меня разыгралась фантазия. Мама вечно твердит…*»

Когда я скользнул за руль своего «вольво», оказалось, что остальные уже ждут меня, сидя в машине. Я старался дышать ровно, но хватал свежий воздух ртом так, будто задыхался.

– Эдвард?.. – с тревогой в голосе спросила Элис.

Я только помотал головой, взглянув на нее.

– Что еще за хрень у тебя стряслась? – потребовал ответа Эмметт, ненадолго отвлекаясь от мыслей о том, что Джаспер не в настроении устраивать матч-реванш.

Вместо ответа я перешел на заднюю передачу. Мне не терпелось покинуть стоянку, пока сюда вслед за мной не явилась и Белла Свон. Мой личный демон-мучитель… Я развернулся и прибавил скорость. До сорока миль я разогнался, еще не успев выехать со стоянки, до семидесяти – раньше, чем свернул за угол улицы.

Я не оглядывался, но и без этого знал, что Эмметт, Розали и Джаспер дружно уставились на Элис. Она пожала плечами. Видеть прошлое она не могла, только то, что еще предстояло.

На этот раз в будущее она заглянула по моей просьбе. Мы оба попытались осмыслить то, что она видела мысленным взором, и оба изумились.

– Уезжаешь? – шепотом спросила она.

Теперь остальные вытаращились на меня.

– Да ну? – огрызнулся я сквозь зубы.

После чего она увидела, как моя решимость поколебалась, и совсем другой выбор направил мое будущее по более темному пути.

– Ох.

Белла Свон – мертвая. Мои глаза, налитые багрянцем свежей крови. Поиски, а они непременно последуют. Время, которое нам придется старательно выждать, прежде чем будет безопасно покинуть Форкс и начать все заново…

– Ох… – повторила она. Картина обрастала подробностями. Я впервые увидел, как выглядит внутри дом начальника полиции Свона, увидел Беллу в тесной кухоньке с желтыми шка-

фами: я следил за ней из тени, она стояла, повернувшись ко мне спиной, и запах так и тянул меня к ней…

– Стоп! – тяжко вздохнул я, не в силах больше вынести ни секунды.

– Извини, – шепотом откликнулась Элис.

Чудовище возликовало.

Тем временем видения в голове снова сменились. Пустое ночное шоссе, вдоль него деревья в снегу, мелькающие на скорости под двести миль в час.

– Я буду скучать по тебе, – призналась Элис. – На какой бы короткий срок ты ни уехал.

Эмметт и Розали встревоженно переглянулись.

К тому времени мы уже приблизились к повороту на длинную подъездную дорожку, ведущую к нашему дому.

– Высади нас здесь, – распорядилась Элис. – Сообщить Карлайлу ты должен сам.

Я кивнул и резко остановил взвизгнувшую тормозами машину.

Эмметт, Розали и Джаспер вышли молча; объяснения из Элис они вытянут, когда я уеду. Элис тронула меня за плечо.

– Ты все сделаешь как надо, – пробормотала она. Это было не видение – приказ. – Она – единственный близкий человек Чарли Свона. Это убило бы и его.

– Да, – отозвался я, соглашаясь только с последними словами.

Элис выскользнула из машины вслед за остальными, тревожно сведя брови. Вчетвером они растворились в лесу, скрывшись из виду еще до того, как я успел развернуть машину.

Устремляясь обратно в Форкс и разгоняясь до девяноста, я знал, что видения в голове Элис, яркие, как вспышки стробоскопа, будут то и дело возникать и погружаться во мрак. Я не совсем представлял, куда еду. Попрощаться с отцом? Признать чудовище у меня внутри и подчиниться ему? Из-под моих шин улетало прочь шоссе.

Глава 2. Открытая книга

Я упал спиной в мягкий сугроб, вдавился в него, и под тяжестью моего тела в рыхлом сухом снегу появилась вмятина. Моя кожа охладилась до температуры воздуха, мельчайшие частицы льда казались бархатными на ощупь.

Небо надо мной было чистым, сверкающим от звезд, кое-где отливало синевой, в других местах – желтым светом. Звезды рисовали величественные вихри на черном фоне пустой вселенной – поразительное зрелище. Изысканно прекрасное. Вернее, ему следовало быть изысканным. И оно было бы таковым, если бы я мог как следует разглядеть его.

Лучше не становилось. Шесть дней прошло, шесть дней я скрывался в безлюдной глуши национального парка Денали, но от свободы был так же далек, как в первый же момент, когда уловил ее запах.

Я глазел в инкрустированное звездами небо, и мне все мерещилось, будто есть некое препятствие между моими глазами и его красотой. Этим препятствием было лицо, ничем не примечательное человеческое лицо, но казалось, что из головы мне его не выкинуть никогда.

Приближение чужих мыслей я услышал раньше, чем сопровождающие их шаги. Они вызывали лишь легкий шорох рыхлого снега.

Меня не удивило то, что Таня последовала за мной сюда. Я знал, над предстоящим разговором она размышляла последние несколько дней и откладывала его до тех пор, пока не поняла, что именно хочет сказать.

Она внезапно возникла в поле зрения на расстоянии шестидесяти ярдов, вспрыгнув на верхушку выступающего на поверхность черного скального пласта и балансируя там на подушечках босых ступней.

Ее кожа серебрилась при свете звезд, длинные белокурые с рыжинкой кудри отливали розовым. Поблескивая янтарными глазами, она высмотрела меня, наполовину зарывшегося в снег, и ее пухлые губы медленно растянулись в улыбке.

Изумительная красота. *Если бы* я в самом деле мог оценить ее. Я вздохнул.

Она оделась не для человеческих глаз; на ней были лишь тонкая ситцевая кофточка и шорты. Присев на корточки на выступе камня, она коснулась его пальцами рук, и ее тело сжалось, как пружина.

«*Пушечное ядро*», – подумала она.

И ввинтилась в воздух. Ее силуэт превратился в черную изогнутую тень, грациозно вращающуюся между мной и звездами. В клубок она свернулась прямо перед тем, как рухнула в соседний высокий сугроб.

Вокруг меня взвихрилась метель. Звезды померкли, меня накрыло толстым слоем ажурных кристалликов льда.

Я снова вздохнул, втягивая кристаллики вместе с воздухом, но не сделал попытки выбраться из-под снега. Темнота в сугробе не портила вид и не меняла его к лучшему. Я по-прежнему видел все то же лицо.

– Эдвард?..

Снег вновь взметнулся – Таня спешила откопать меня. Она смахнула с моей кожи снежную пудру, стараясь не встречаться со мной взглядом.

– Извини, – пробормотала она. – Это была шутка.

– Я понял. Смешно.

Уголки ее губ опустились.

– Ирина и Кейт считают, что я должна оставить тебя в покое. Думают, что я тебе навязываюсь.

– Нисколько, – заверил я ее. – Наоборот, это я веду себя невежливо – до отвращения невежливо. Мне очень жаль.

«*Домой едешь, да*?» – мысленно спросила она.

– Я еще… не решил окончательно.

«*Но здесь ты не останешься*», – в этой мысли читалась грусть.

– Не останусь. Похоже, это… не помогает.

Она надула губы.

– Все из-за меня, да?

– Нет, конечно.

Само собой, задачу она мне не облегчала, но единственным подлинным препятствием на пути к ней было лицо, которое неотступно преследовало меня.

«*Не строй из себя джентльмена*».

Я улыбнулся.

«*Я тебя смущаю*», – с упреком добавила она.

– Нет.

Она приподняла бровь, всем видом выразив такое недоверие, что я невольно рассмеялся. За кратким смешком последовал очередной вздох.

– Вообще-то да, – признался я. – Немного.

Она тоже вздохнула и подперла подбородок ладонями.

– Ты в тысячу раз красивее звезд, Таня. И ты, конечно, сама прекрасно знаешь об этом. Не дай моему упрямству подорвать свою уверенность в себе, – и я усмехнулся, *настолько* это было маловероятно.

– Я не привыкла к отказам, – капризным тоном отозвалась она и очаровательно надулась, выпятив нижнюю губку.

– Разумеется, – согласился я, почти безуспешно пытаясь отгородиться от ее мимолетных мыслей о тысячах былых побед. Таня предпочитала главным образом человеческих мужчин – прежде всего как гораздо более многочисленных и вдобавок более мягких и теплых. И неизменно пылких, это уж наверняка.

– Суккуб, – поддразнил я ее, надеясь прервать поток воспоминаний, мелькающих у нее в голове.

Она усмехнулась, сверкнув зубами.

– Своеобразный.

В отличие от Карлайла в Тане и ее сестрах сознательность просыпалась медленно. В конечном итоге пристрастие к человеческим мужчинам и отвратило их от кровопролития. Теперь мужчины, которых они любили… оставались в живых.

– Когда ты объявился здесь, – медленно заговорила Таня, – я подумала, что…

Я знал, о чем она подумала. И должен был догадаться, какая последует реакция. Но в тот момент мои способности к аналитическому мышлению были не на высоте.

– Ты подумала, что мои намерения изменились.

– Да. – Она насупилась.

– Мне ужасно неловко за то, что я обманул твои ожидания, Таня. Я не нарочно… я не подумал. Просто я уезжал… весьма спешно.

– И наверное, не объяснишь, почему?

Я сел, скрестил руки на груди и решительно распрямил плечи.

– Я предпочел бы это не обсуждать. Прошу простить мою скрытность.

Она притихла, продолжая мысленно строить догадки. Не прислушиваясь к ней, я тщетно пытался любоваться звездами.

После недолгого молчания она сдалась, ее мысли повернули в новом направлении.

«*И куда же ты отправишься, Эдвард, если уйдешь отсюда? Назад к Карлайлу*?»

– Вряд ли, – шепотом ответил я.

Куда мне теперь? На целой планете нет ни единого места, которое представляло бы интерес для меня. Ничего такого, что мне хотелось бы увидеть или чем заняться. Потому что, куда бы я ни направился, суть будет не в том, *к чему* я стремлюсь, а в том, *от чего* я бегу.

Ненавистное чувство. С каких это пор я стал таким трусом?

Таня закинула мне на плечи тонкую руку. Я замер, но не уклонился от ее прикосновения. Ведь она просто хотела утешить меня по-дружески. Почти.

– А по-моему, ты *все же* отправишься обратно, – заявила она, и в ее голосе послышался легкий намек на давно утраченный русский акцент. – В чем бы ни было дело… или в ком… но оно не дает тебе покоя. И ты встретишься с ним открыто. Так ты устроен.

В ее мыслях читалась та же убежденность, что и в ее словах. Я попытался взглянуть на себя ее глазами. Увидеть в себе того, кто способен встретиться с чем-либо открыто. Вновь думать о себе вот так было приятно. В своей отваге и умении не отступать перед испытаниями я не сомневался никогда прежде – до того ужасного часа в школе, до злополучного урока биологии, случившегося совсем недавно.

Я поцеловал Таню в щеку и быстро отстранился, когда она повернулась ко мне. Моя поспешность вызвала у нее грустную улыбку.

– Спасибо тебе, Таня. Мне было необходимо услышать это.

Ее мысли стали раздраженными.

– Да не за что вроде бы. Хотела бы я видеть тебя более благоразумным, Эдвард.

– Извини, Таня. Знаешь, ты заслуживаешь гораздо лучшей участи, чем я. Просто я… еще не нашел то, что ищу.

– Ну что ж, если уедешь до того, как мы снова увидимся… до свидания, Эдвард.

– До свидания, Таня, – с этими словами я увидел, что будет. Увидел, как уезжаю. Собравшись с духом настолько, чтобы вернуться в то единственное место, где мне хотелось быть. – Еще раз спасибо.

Она вскочила одним порывистым движением и побежала прочь, скользя по снегу так быстро, что он просто не успевал проваливаться под ее ступнями. Следов она не оставляла. И не оглядывалась. Мой отказ задел ее сильнее, чем прежде она позволяла себе расстроиться даже в мыслях. Новой встречи со мной до моего отъезда она не желала.

Мои губы скривились, уголки опустились. Я не хотел обидеть Таню, хотя чувства ее не отличались ни глубиной, ни чистотой, и в любом случае ответить на них я бы не смог. И все же понимал, что поступил отнюдь не как джентльмен.

Положив подбородок на колени, я снова загляделся на звезды, хотя мной вдруг овладело нетерпеливое и тревожное желание поскорее двинуться в путь. Я знал, что Элис увидит, как я возвращаюсь домой, и расскажет остальным. Они обрадуются, особенно Карлайл и Эсме. Но я медлил, рассматривая звезды и стараясь не замечать лицо перед моим мысленным взором. В растерянных шоколадно-карих глазах между мной и мерцающими в небе звездами словно застыл вопрос о моих мотивах и, кажется, еще один – что означает это решение для *нее*. Естественно, я не мог знать наверняка, что именно об этом спрашивают ее любопытные глаза. Даже в своем воображении я был не в силах читать ее мысли. Глаза Беллы Свон продолжали вопрошать, а ничем не заслоненное звездное небо – ускользать от меня. С тяжким вздохом я сдался и встал. Бегом я доберусь туда, где оставил машину Карлайла, меньше чем за час.

Спеша увидеться с семьей – и страстно желая быть тем Эдвардом, который не отступает перед испытаниями, – я помчался по освещенной звездами заснеженной равнине, не оставляя следов.

– Обойдется, – выдохнула Элис. Ее взгляд был невидящим, Джаспер одной рукой слегка придержал ее под локоть, направляя вперед, и мы вошли в обшарпанный кафетерий, плотно

сбившись в группу. Розали и Эмметт прокладывали путь. Эмметт имел нелепый вид телохранителя посреди вражеской территории. Роз тоже напряглась, но раздражения в ее настороженности было больше, чем стремления защитить.

– А как же иначе, – проворчал я. Их поведение выглядело смехотворно. Не будь я абсолютно уверен в том, что справлюсь с ситуацией, остался бы дома.

Внезапный переход от нашего нормального, даже озорного утра – ночью выпал снег, и Эмметт с Джаспером не постеснялись воспользоваться моей рассеянностью и закидать меня мокрыми снежками, а когда им наскучило отсутствие реакции с моей стороны, затеяли бой друг с другом, – к этой утрированной бдительности выглядел бы комично, если бы не так раздражал.

– Ее здесь еще нет, но судя по тому, с какой стороны она войдет… вряд ли она сядет так, чтобы ветер дул от нее, если мы займем наше обычное место.

– *Ну разумеется*, обычное, какое же еще. Элис, прекрати. Ты действуешь мне на нервы. Со мной все будет в полном порядке.

Она моргнула, пока Джаспер помогал ей сесть, и наконец сосредоточила взгляд на моем лице.

– Хмм… – ее голос звучал удивленно. – Похоже, ты прав.

– *Естественно*, – буркнул я.

Я терпеть не мог быть в центре их внимания и заботы. И внезапно посочувствовал Джасперу, вспомнив, сколько раз мы досаждали ему своей опекой. Коротко переглянувшись со мной, он ухмыльнулся.

«*Бесит, да?*»

Я метнул в него сердитый взгляд.

Неужели всего неделю назад эта длинная неряшливая комната казалась мне убийственно унылой? И пребывание в ней напоминало сон или коматоз?

Сегодня мои нервы были натянуты до предела – фортепианные струны в напряженной готовности запеть от легчайшего нажима. Перевозбуждение затронуло все чувства; я улавливал каждый звук, каждый зрительный образ, каждое движение воздуха, касающееся моей кожи, каждую мысль. Особенно мысли. Только одному чувству я не давал воли, отказывался пользоваться им. Обонянием, конечно. Я не дышал.

Я думал, что буду чаще встречать упоминания о Калленах во всех чужих мыслях, которые перебирал. Весь день я ждал, искал новых знакомых Беллы Свон, которым она могла довериться, пытался выяснить, какое направление примут новые сплетни. Но не узнал ничего. Никто не обращал особого внимания на пятерых вампиров в кафетерии – в точности как перед появлением новенькой. Несколько присутствующих здесь людей все еще думали о ней, и эти мысли были точно такими же, как на прошлой неделе. Однако теперь они уже не нагоняли на меня невыносимую скуку – я увлекся ими.

Неужели она ни с кем не говорила обо мне?

Она никак не могла не заметить мой зловещий, убийственный взгляд. Я почувствовал ее реакцию на него. Безусловно, я нанес ей травму. И был убежден, что она упомянет об этом кому-нибудь, может, даже для пущей выразительности слегка приукрасит случившееся. Припишет мне парочку угрожающих реплик.

А потом она услышала, как я пытался отвертеться от общих для нас с ней уроков биологии. Заметив выражение на моем лице, она наверняка даже принялась гадать, не она ли стала причиной моего решения. Нормальная девчонка начала бы расспросы, принялась сравнивать чужие впечатления с собственными, искать в них нечто общее, что объяснило бы мое поведение и вместе с тем избавило бы ее от ощущения, будто все дело в ней. Люди постоянно прилагают отчаянные усилия, чтобы чувствовать себя обычными, быть как все. Не выделяться среди окружающих, сливаться с толпой, как похожие друг на друга овцы в стаде. Эта потребность

особенно сильна в годы подростковой неуверенности в себе. И эта девушка никакое не исключение из общего правила.

Но никто не обращал внимания на то, что мы сидим рядом, за нашим обычным столом. Должно быть, Белла на удивление стеснительна, если не доверилась никому. Может, она поговорила с отцом, может, ее отношения с ним – прочнее всех остальных, хотя, пожалуй, маловероятно, если вспомнить, как мало времени она провела с отцом за свою жизнь. Скорее всего она более близка с матерью. И все же стоило бы пройти мимо начальника полиции Свона как-нибудь в ближайшее время и послушать, о чем он думает.

– Есть что-нибудь новое? – спросил Джаспер.

Я сосредоточился, вновь впустив в себя целый рой чужих мыслей. Среди них не было ничего примечательного; никто не думал о нас. Несмотря на мои недавние тревоги, по-видимому, я не утратил способности, вот только мысли молчаливой девушки прочитать не мог. После возвращения я поделился своим беспокойством с Карлайлом, но услышал в ответ, что ему известно лишь о том, как крепнут способности благодаря практике. Но не исчезают никогда.

Джаспер в нетерпении ждал.

– Ничего. Она, должно быть… ни о чем не проболталась.

От такого известия все наши дружно подняли брови.

– Или ты не настолько страшный, как тебе кажется, – хмыкнул Эмметт. – Держу пари, что я сумел бы запугать ее лучше, чем *некоторые*.

Я закатил глаза.

– Интересно все-таки, почему?.. – Он вновь озадачился, вспомнив мои откровения о непривычном молчании новенькой.

– Об этом мы уже говорили. Я *не знаю*.

– Она идет, – прошипела Элис, и я похолодел. – Постарайся выглядеть по-человечески.

– По-человечески, говоришь? – переспросил Эмметт.

Он поднял сжатую в кулак правую руку, разжал пальцы и показал принесенный с улицы снежок. Он не растаял, Эмметт превратил его в твердый ледяной комок. Смотрел он на Джаспера, но я видел направление его мыслей. И Элис, разумеется, видела тоже. И когда он вдруг кинул в нее ледяным комком, она отразила удар небрежным взмахом пальцев. Ледяной ком пролетел через весь кафетерий, слишком быстро, а потому и незаметно для человеческого глаза, и с хрустом рассыпался, ударившись о кирпичную стену. Кирпич тоже треснул.

Ученики, сидящие в том углу кафетерия, уставились на кучку битого льда на полу, потом обвели взглядом всех вокруг, разыскивая виновника. Но осматривали они лишь ближайшие столы. На нас никто не глядел.

– Очень по-человечески, Эмметт, – съязвила Розали. – Раз уж дело дошло до шалостей, почему бы тебе не проломить стену?

– Если это сделаешь ты, впечатление будет ярче. Шикарнее.

Я старался не отвлекаться от них, удерживал на лице приклеенную ухмылку, будто сам участвовал в их перепалке. И не позволял себе смотреть в сторону очереди, в которой, как уже успел заметить, стояла она. Но прислушивался на самом деле только к ее окружению.

Я слышал, что у Джессики не хватает терпения на новенькую, которая, кажется, тоже о чем-то задумалась, застыв столбом в движущейся очереди. В мыслях Джессики я прочитал, что щеки Беллы Свон вновь ярко порозовели от прилива крови.

Я сделал несколько быстрых неглубоких вдохов, готовясь перестать дышать вообще, если хотя бы намек на ее запах возникнет в воздухе рядом со мной.

Рядом с двумя девушками в очереди стоял Майк Ньютон. Я слышал оба его голоса – мысленный и обычный, когда он спрашивал Джессику, что это с Беллой. Неприятно было наблюдать, как его мысли вертятся вокруг нее, как затуманивает их мелькание уже укоренившихся

фантазий, пока он смотрел, как она вздрогнула, очнувшись от своих раздумий, будто совсем забыла, что он рядом.

– Ничего, – услышал я ответ Беллы. Ее чистый негромкий голос колокольчиком прозвенел в гомоне кафетерия, но я понимал, что это мне лишь показалось, потому что я старательно напрягал слух. – Возьму сегодня содовой, – продолжала она, догоняя убежавшую вперед очередь.

Не удержавшись, я бросил единственный взгляд в ее сторону. Она смотрела в пол, кровь постепенно отливала от ее лица. Я поспешил перевести взгляд с нее на Эмметта, который рассмеялся при виде улыбки на моем лице, похожей теперь на гримасу боли.

«*Нездоровый у тебя видок, братец мой*».

Я придал своему лицу беспечное и непринужденное выражение.

Джессика вслух удивилась отсутствию аппетита у спутницы:

– Совсем не хочешь есть?

– Тошнит немного, – она слегка понизила голос, но тот по-прежнему звучал совершенно отчетливо.

Почему оно задело меня, это беспокойное стремление опекать, внезапно проскользнувшее в мыслях Майка Ньютона? Какая разница, что в них появился собственнический оттенок? Не мое дело, если Майк Ньютон беспричинно переживает за нее. Может, такую реакцию она вызывает у всех и каждого. Разве у меня самого не возник инстинктивный порыв защитить ее? В смысле, еще до того, как мне захотелось ее убить…

А вдруг она *в самом деле* больна?

Судить трудно – со своей тонкой просвечивающей кожей она выглядит такой хрупкой… И тут я понял, что тревожусь точно так же, как этот недоумок, и запретил себе думать о ее здоровье.

Так или иначе, мне не нравилось наблюдать за ней посредством мыслей Майка. Я переключился на Джессику, исподтишка поглядывая, как они втроем выбирают, за какой бы стол сесть. На мою удачу, они присоединились к обычным соседям Джессики за одним из столов с другой стороны зала. Не так, чтобы ветер дул от нее, как Элис и предвидела.

Элис толкнула меня локтем. «*Она скоро посмотрит. Веди себя по-человечески*».

Удерживая на лице улыбку, я стиснул зубы.

– Да не напрягайся ты, Эдвард, – посоветовал Эмметт. – Право слово. Ну убил ты человека. Это еще не конец света.

– Тебе виднее, – шепотом отозвался я.

Эмметт рассмеялся.

– Пора бы уже тебе усвоить правило: пережил – и забыл. Как делаю я. Вечность – слишком долгий срок, чтобы предаваться угрызениям совести.

Тут-то Элис и швырнула в лицо ничего подобного не ожидавшему Эмметту припрятанную горсть снега.

Он растерянно заморгал, потом осклабился в предвкушении.

– Сама напросилась, – заявил он, наклонился над столом и тряхнул осыпанными снегом волосами в сторону Элис. С волос сорвался целый ливень подтаявшего в тепле снега вперемешку с водой.

– Фу! – поморщилась Роз, вместе с Элис уворачиваясь от потопа.

Элис рассмеялась, все мы поддержали ее. В мыслях Элис я увидел, как был подстроен этот безупречный момент, и понял, что она – надо бы перестать мысленно называть ее так, будто она единственная девушка в мире, – что Белла увидит, как мы смеемся, дурачимся, выглядим счастливыми, не отличающимися от людей и неправдоподобно идеальными, как иллюстрация Нормана Роквелла.

Продолжая смеяться, Элис заслонилась подносом, как щитом. Она – то есть Белла – наверняка все еще смотрит на нас.

«*..опять глазеет на Калленов*», – подумал кто-то, привлекая мое внимание.

Я машинально повернулся на этот невольный зов и сразу узнал голос, едва увидел, откуда он исходит, – за сегодня я уже наслушался его.

Но по Джессике я лишь скользнул глазами и встретился с пристальным взглядом ее соседки.

Она сразу потупилась, опять спрятавшись за завесой густых волос.

О чем она думает? Досада, вызванная ее молчанием, казалось, не притуплялась со временем, а обострялась. Я попытался – нерешительно, поскольку раньше никогда этого не делал, – силой мысли прощупать тишину вокруг нее. Мой особый слух всегда включался сам собой, без просьб; для этого мне не требовалось напрягаться. Но теперь я сосредоточился, силясь пробиться сквозь некий панцирь, окружающий ее.

Ничего, кроме молчания.

«*Да что в ней такого?*» – думала Джессика, эхом вторя моему раздражению.

– На тебя таращится Эдвард Каллен! – шепнула она на ухо этой девушке, то есть Белле Свон, и хихикнула. В ее голосе не было ни намека на зависть и досаду. Похоже, Джессика владела искусством притворной дружбы.

Полностью поглощенный происходящим, я прислушался к ответу.

– Он не злится? – шепнула она.

Так, значит, она все же *заметила* мою безумную реакцию на прошлой неделе. Не могла не заметить.

Вопрос озадачил Джессику. Я увидел в ее мыслях мое собственное лицо, к выражению на котором она стала присматриваться, но в тот момент я с ней взглядом не встречался. И все еще сосредотачивал внимание на ее соседке, надеясь услышать хоть *что-нибудь*. Но даже полная сосредоточенность нисколько не помогла.

– Нет, – ответила ей Джесс, и я понял, как ей хотелось бы сказать «да», как растравляет ей душу мой пристальный взгляд, но ни следа этих чувств не отразилось в ее голосе. – С какой стати?

– Мне кажется, я ему не нравлюсь, – шепнула ее собеседница и подперла голову ладонью, словно от внезапной усталости. Я попытался понять смысл ее жеста, но мог лишь строить догадки. Может, она и *впрямь* устала.

– Калленам никто не нравится, – заверила ее Джесс. – А может, они просто никого вокруг не замечают, – «*и не замечали никогда*», – обидчиво проворчала она про себя. – А Эдвард до сих пор смотрит на тебя.

– Отвернись! – встревожилась она и подняла голову, убеждаясь, что Джессика послушалась.

Джессика хихикнула, но сделала, как сказано.

Остаток часа ее соседка просидела, глядя в стол. Мне показалось – хотя, конечно, я не мог знать наверняка, – что она сдерживается намеренно. Ее как будто тянуло посмотреть на меня. Поерзав на месте, она поворачивалась было в мою сторону, начинала поднимать подбородок, а потом спохватывалась, глубоко вздыхала и устремляла неподвижный взгляд на того, с кем говорила.

Большей частью я пропускал мимо ушей чужие мысли, вертевшиеся вокруг нее, если в тот момент они к ней не относились. Майк Ньютон собирался затеять после уроков бой снежками на стоянке – видимо, не подозревая, что снег уже сменился дождем. Вместо шороха снежинок, оседающих на крышу, слышался более привычный стук дождевых капель. Неужели Майк его не слышит? По-моему, он довольно громкий.

Обеденный перерыв кончился, но я не двигался с места. Народ потянулся к выходу, а я поймал себя на попытке отличить звук ее шагов от остальных, будто в нем было нечто важное или особенное. Как глупо.

Мои близкие тоже не предпринимали попыток уйти. Они ждали, чтобы узнать, как поступлю я.

Пойду на урок и сяду с ней рядом, где мне придется вдыхать ее немыслимо дурманящий запах и всей кожей ощущать тепло ее сердцебиения? Хватит ли у меня для этого сил? Или на сегодня мне уже достаточно?

В кругу семьи мы обсудили этот момент со всех мыслимых сторон. Карлайл не одобрял риск, но не стал бы навязывать мне свою волю. Неодобрение Джаспера было почти так же велико, но объяснялось скорее страхом перед разоблачением, нежели заботой о человечестве. Розали беспокоилась лишь о том, в какой мере дальнейшее повлияет на ее жизнь. Элис видела столько вариантов туманного, противоречивого будущего, что ее видения на этот раз ничем не помогали. Эсме считала, что ничего плохого я не сделаю. А Эмметту просто хотелось сравнить подробности – у него тоже имелся опыт, связанный с особо притягательными запахами. В свои воспоминания он втягивал и Джаспера, хотя у того история умения владеть собой была такой короткой и продолжалась с настолько переменным успехом, что он не мог утверждать наверняка, приходилось ему так же бороться с собой или нет. В отличие от него Эмметт помнил два подобных случая. И его воспоминания о них совсем не обнадеживали. Но в то время он был моложе и хуже владел собой. Я определенно не настолько слаб.

– Я… мне *кажется*, все в порядке, – нерешительно произнесла Элис. – Ты настроился. *Пожалуй*, час ты продержишься.

Но Элис не хуже меня знала, как быстро могут меняться решения.

– Зачем нарываться, Эдвард? – спросил Джаспер. Хоть ему и не нравилось с чувством самодовольства думать о том, что на этот раз слабаком оказался я, мне было слышно, как он злорадствует, пусть и слегка. – Поедем домой. Не будем торопить события.

– А что такого-то? – не соглашался с ним Эмметт. – Или он прикончит ее, или нет. Вот и пусть все решится сразу так или иначе.

– А я пока не хочу переезжать, – пожаловалась Розали. – Не хочу начинать все заново. Мы же почти окончили школу, Эмметт. *Наконец-то*.

Я разрывался в равной мере между двумя решениями. Мне хотелось, причем хотелось нестерпимо, не убегать, а открыто встретить испытание и выстоять. Вместе с тем я не желал идти на излишний риск. На прошлой неделе Джаспер совершил ошибку, слишком долго обходясь без охоты; неужели и эта ошибка столь же бессмысленна?

Не хватало еще, чтобы из-за меня всей семье пришлось сорваться с обжитого места. Никто из близких не поблагодарит меня за это.

Но на урок биологии я хотел. И сознавал, что хочу снова увидеть ее лицо.

Вот оно и приняло решение за меня, это любопытство. А я разозлился на себя за то, что оно вообще у меня возникло. Ведь я же пообещал себе, что не допущу, чтобы тишина у нее в мыслях пробудила ничем не оправданный и чрезмерный интерес к ней – разве нет? И вот, пожалуйста: чрезмерно заинтересовался.

Меня не покидало желание узнать, о чем она думает. Ее мысли закрыты, зато глаза широко распахнуты. Возможно, я смогу читать по ним.

– Нет, Роз, мне кажется, все на самом деле обойдется, – вмешалась Элис. – Появляется… определенность. Я на девяносто три процента уверена, что если он пойдет на урок, ничего плохого не случится. – И она испытующе вгляделась в меня, гадая, какие перемены в моих мыслях сделали ее видение будущего более отчетливым.

Хватит ли моего любопытства для спасения жизни Беллы Свон?

Впрочем, Эмметт прав – почему бы не дать вопросу разрешиться так или иначе? Я встречусь с искушением лицом к лицу.

– Идите на урок, – распорядился я, оттолкнулся от стола, повернулся и зашагал прочь, не оглядываясь. Я слышал, как шлейфом тянутся за мной тревога Элис, осуждение Джаспера, одобрение Эмметта и досада Розали.

У двери класса я сделал последний глубокий вдох, задержал воздух в легких и вошел в тепло и тесноту помещения.

Я не опоздал: мистер Баннер все еще готовился к сегодняшней лабораторной. Она сидела за моим – то есть за *нашим* столом, – опять опустив голову и уставившись на тетрадь, на обложке которой рисовала каракули. Приближаясь, я разглядывал ее рисунок, меня заинтересовало даже это пустячное порождение ее разума, но смысла оно не имело. Просто путаница из петель, вписанных одна в другую. Может, она рисовала машинально, а думала о чем-то другом?

Свой стул я отодвинул излишне резко, царапнув ножками по линолеуму – люди чувствуют себя спокойнее, когда о чьем-то приближении возвещает шум.

Я понял, что она услышала: голову не подняла, но пропустила петлю на своем рисунке, нарушив его симметрию.

Почему она не взглянула на меня? Наверное, побоялась. Обязательно надо постараться на этот раз произвести на нее другое впечатление. Дать понять, что в прошлый раз ей все померещилось.

– Привет, – негромко произнес я тоном, которым пользовался, когда хотел, чтобы люди чувствовали себя рядом со мной непринужденно. И изобразил вежливую улыбку, не показывая зубов.

Только тогда она подняла голову, ее широко распахнутые карие глаза были полны удивления и безмолвных вопросов. Именно это выражение застыло на лице, которое я видел перед мысленным взором всю прошедшую неделю.

Заглядевшись в эти удивительно бездонные карие глаза – оттенка молочного шоколада, но по яркости сравнимые скорее с крепким чаем, обладающие глубиной и прозрачностью, с крошечными крапинками цвета зеленого агата и золотистой карамели, – я осознал, что моя ненависть, та самая ненависть, которой, как мне казалось, эта девушка заслуживает самим фактом своего существования, улетучилась. Не дыша и не ощущая привкуса ее запаха, я с трудом мог поверить, что настолько уязвимое существо могло вообще вызвать ненависть.

На ее щеках начал проступать румянец, она молчала.

Я по-прежнему смотрел ей в глаза, всецело сосредоточившись на их испытующих глубинах, и старался не обращать внимания на аппетитный оттенок ее щек. Воздуха мне пока хватало, я мог бы некоторое время поддерживать разговор, не делая вдохов.

– Я Эдвард Каллен, – сказал я, хотя это она уже знала. Вежливый способ начать разговор. – На прошлой неделе я не успел представиться. А ты, наверное, Белла Свон.

Она, кажется, растерялась: между бровей появилась морщинка. Ей понадобилось на полсекунды больше, чем следовало бы, чтобы ответить.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут? – спросила она чуть дрогнувшим голосом.

Должно быть, я не на шутку напугал ее, вместе с этой мыслью ко мне явились угрызения совести. Я негромко рассмеялся, зная, что этот звук помогает людям почувствовать себя свободнее.

– По-моему, это все знают. – Не могла же она не догадаться, что в этом скучном городке с его небогатой событиями жизнью привлекла всеобщее внимание. – Твоего приезда ждал весь город.

Она нахмурилась, словно услышала что-то неприятное. Пожалуй, при своей застенчивости она не видит во внимании окружающих ничего хорошего. В отличие от большинства

людей. Не желая выделяться, вместе с тем они рвутся обратить на себя внимание своей личной одинаковостью.

– Да нет же, – сказала она, – я о другом: почему ты назвал меня Беллой?

– А тебе больше нравится «Изабелла»? – спросил я, озадачившись и не понимая, к чему ведет этот вопрос. Я недоумевал: ведь она в первый же день несколько раз ясно дала понять, какое обращение предпочитает. Неужели все люди настолько непостижимы, если нельзя ориентироваться по их мыслям? Как же сильна, оказывается, моя зависимость от особых способностей. Неужели без них я был бы совершенно слепым?

– Нет, «Белла», – ответила она, чуть склонив голову набок. Если я правильно понял выражение ее лица, она колебалась между смущением и замешательством. – Но Чарли, то есть мой отец, скорее всего называет меня за спиной Изабеллой, поэтому все здесь, похоже, знают меня как Изабеллу. – Ее порозовевшая кожа стала на оттенок ярче.

– А-а, – протянул я и поспешно отвел взгляд от ее лица.

Только теперь я понял, что означал ее вопрос: я просчитался, допустил ошибку. Если бы я не подслушивал чужие мысли весь первый день, тогда в первый раз назвал бы ее полным именем. И она это заметила.

Я ощутил укол беспокойства. Слишком уж стремительно она среагировала на мой промах. Изрядная сообразительность, особенно для человека, которому полагалось быть насмерть перепуганным моим соседством.

Однако у меня возникли проблемы и посерьезнее подозрений насчет меня, надежно запертых у нее в голове, какими бы ни были эти подозрения.

У меня заканчивался воздух. Для того, чтобы вновь заговорить с ней, мне требовалось сделать вдох.

Избежать разговора было бы трудно. К несчастью для нее, сидя за одним столом со мной, она неизбежно становилась моей напарницей на лабораторных занятиях, и сегодня нам предстояла совместная работа. Мои попытки не замечать ее во время лабы могли показаться странностью и необъяснимой грубостью. И неизбежно пробудили бы в ней новые подозрения и страхи.

Я отклонился от нее так далеко, как только мог, не отодвигая свой стул, свесил голову в проход. Собрался с духом, напряг мышцы, а потом разом набрал полную грудь воздуха, сделав вдох одним только ртом.

А-ап!

Боль была жуткая, я словно сглотнул горящие угли. Даже в отсутствие запаха я почувствовал языком ее вкус. Жажда вспыхнула так же мощно, как в первый раз, когда я ощутил ее запах на прошлой неделе.

Я скрипел зубами и старался держать себя в руках.

– Начали! – скомандовал мистер Баннер.

Искусство владеть собой, отточенное за семьдесят четыре года упорного труда, понадобилось мне все до последней капли, чтобы снова повернуться к девушке, которая смотрела в стол перед собой, и улыбнуться.

– Сначала дамы, напарник? – предложил я.

Она подняла голову, посмотрела на меня, и ее лицо застыло. Что-то не так? Я видел, как отражается в ее глазах выражение лица, с которым я обычно изображал дружелюбие. Эта маска выглядела идеально. А она вновь испугалась? И молчала.

– Или я начну – как скажешь, – негромко добавил я.

– Нет, – ответила она, и ее бледное лицо вновь вспыхнуло. – Я первая.

Я уставился на инвентарь у нас на столе – потертый микроскоп, коробку с предметными стеклами, – лишь бы не видеть, как пульсирует кровь под ее прозрачной кожей. Сделал еще один быстрый вдох сквозь зубы и поморщился от привкуса, который обжег мне горло изнутри.

– Профаза, – сказала она, едва взглянув в микроскоп. И начала было вынимать стекло, которое толком не рассмотрела.

– Можно и мне взглянуть?

Непроизвольно – и глупо, будто мы с ней принадлежали к одному виду, – я протянул руку, чтобы помешать ей убрать предметное стекло. За долю секунды жар ее кожи успел обжечь мою. Словно электрический импульс, этот жар пронзил мне пальцы и стремительно взметнулся вверх по руке. Она выдернула свою ладонь из-под моей.

– Извини, – пробормотал я. В силу необходимости отвлечься хоть чем-нибудь я взялся за микроскоп и ненадолго заглянул в окуляр. Она оказалась права. – Профаза, – согласился я.

Я по-прежнему был слишком взбудоражен, чтобы смотреть на нее. Стараясь дышать как можно тише сквозь стиснутые зубы и не обращать внимания на жгучую жажду, я всецело сосредоточился на элементарной задаче – вписывании названия фазы в соответствующую графу лабораторной таблицы, а затем занялся сменой прежнего предметного стекла на новое.

О чем она думала в те минуты? Как восприняла прикосновение моей руки? Моя кожа наверняка была холодна как лед – вызывала отвращение. Неудивительно, что она притихла.

Я взглянул на предметное стекло.

– Анафаза, – сказал я себе под нос и записал название в следующую графу.

– Можно? – спросила она.

Подняв глаза, я с удивлением обнаружил, что она замерла в выжидательной позе, протянув руку к микроскопу. Испуганной она не *выглядела*. Неужели и вправду думала, что я дал неверный ответ?

Невольно улыбнувшись при виде полного надежд выражения ее лица, я придвинул к ней микроскоп.

Она заглянула в окуляр, и ее воодушевление сразу угасло. Уголки губ опустились.

– Третье стекло? – спросила она и протянула руку, не отрываясь от микроскопа. Я уронил следующее предметное стекло ей на ладонь, стараясь на этот раз не коснуться ее. Сидеть рядом с ней было все равно что с инфракрасной лампой. Даже я сам немного потеплел, нагревшись от нее.

И третье стекло она разглядывала недолго.

– Интерфаза, – объявила она небрежным тоном, но, пожалуй, чуточку перестаралась, изображая небрежность, и придвинула микроскоп ко мне. К таблице она не притронулась, ожидая, когда я впишу ответ. Я на всякий случай проверил – она опять определила фазу правильно.

Так мы и закончили работу, время от времени перебрасываясь словом и стараясь не встречаться взглядами. Справились единственные из класса – остальным лаба давалась с трудом. Майку Ньютону, похоже, никак не удавалось сосредоточиться – он все поглядывал на нас с Беллой.

«*Там бы лучше и сидел, куда он там умотал*», – думал Майк, испепеляя меня взглядом. Любопытно. Не знал, что этот малый питает ко мне какую-то особую неприязнь. И возникла она не так давно – видимо, с появлением новенькой. И что еще примечательнее, к своему удивлению, я обнаружил, что наши с Майком чувства взаимны.

Я снова взглянул на свою соседку, озадаченный масштабами потрясений, произведенных ею в моей жизни, несмотря на ее самую обычную, безобидную внешность.

Не то чтобы я не понимал, отчего завелся Майк. Вообще-то для человека она была довольно симпатичной, на свой необычный лад. Лучше, чем просто красивое, ее лицо выглядело… неожиданно. Не совсем соразмерное – с узким подбородком при широких скулах, резко-контрастное – с сочетанием светлой кожи и темных волос, да еще эти глаза – слишком большие для ее лица, до краев полные невысказанных секретов…

И эти глаза вдруг впились взглядом в мои.

Я уставился на нее в ответ, пытаясь разгадать хотя бы один ее секрет.

– Ты в контактных линзах? – вдруг выпалила она.

Какой странный вопрос.

– Нет. – Я чуть не улыбнулся этой шутке – надо же, с помощью линз улучшить *мое* зрение!

– А-а… – и она пробормотала: – Просто мне показалось, что у тебя глаза стали другими.

Меня вдруг снова зазнобило: я понял, что сегодня секреты выведываю не только я один.

Я пожал напряженными плечами и устремил взгляд вперед, туда, где расхаживал учитель.

Разумеется, мои глаза изменились с тех пор, как она в прошлый раз смотрела в них. Готовясь к сегодняшнему испытанию, к сегодняшнему искушению, я все выходные охотился, как можно полнее утоляя жажду, и не на шутку перестарался. Я буквально упился кровью животных, хотя это мало что меняло, когда в воздухе вокруг нее распространялся немыслимый аромат. В прошлый раз, когда я смотрел на нее в упор, мои глаза были черными от жажды. А теперь, с заполненным чужой кровью телом, мои глаза приобрели теплый золотистый оттенок светлого янтаря.

Еще один промах. Если бы я сразу понял, в чем смысл ее вопроса, я мог бы без колебаний ответить «да».

В этой школе бок о бок с людьми я просидел уже два года, и она первая принялась изучать меня настолько пристально, что заметила, как мои глаза меняют цвет. Остальные же, восхищаясь красотой всей моей семьи, старались поскорее потупиться, когда мы отвечали им взглядами. Они отстранялись, отгораживались от подробностей нашей внешности в инстинктивном стремлении уберечь себя от понимания. Для человеческого разума незнание было благом.

Почему именно *эта* девушка оказалась настолько наблюдательной?

Мистер Баннер подошел к нашему столу. Я с благодарностью вдохнул волну свежего, еще не смешанного с ее запахом воздуха, которую он пригнал.

– Эдвард, может, – заговорил он, просмотрев нашу таблицу, – стоило дать Изабелле возможность поработать с микроскопом?

– Белле, – на автомате поправил его я. – Вообще-то она определила три препарата из пяти.

Мысли мистера Баннера приобрели скептический оттенок, он повернулся к девушке.

– Ты уже выполняла эту работу?

Словно зачарованный, я смотрел, как она улыбнулась, судя по ее виду, слегка смутившись.

– Но не с препаратами лукового корня.

– С бластулой сига? – допытывался мистер Баннер.

– Да.

Это его удивило. Сегодняшнюю лабу он позаимствовал из программы старшего класса. Он задумчиво кивнул Белле:

– В Финиксе ты училась по программе повышенной сложности?

– Да.

Значит, обладала достаточно развитым – для человека – интеллектом. Этому я не удивился.

– Ну что же, – мистер Баннер поджал губы, – хорошо, что на лабораторных вы сидите вместе. – Он повернулся и отошел, бормоча себе под нос: «Так у остальных будет шанс хоть чему-то научиться самостоятельно». Вряд ли Белла его слышала. Она вновь принялась рисовать на обложке своей тетради.

Два промаха за каких-нибудь полчаса. Предельно низкий для меня результат. Я не имел ни малейшего представления о том, что думает моя соседка обо мне – насколько ей страшно, что она заподозрила, – однако я понимал, что должен приложить все старания, чтобы вновь

поразить ее воображение. И тем самым приглушить ее воспоминания о нашей ужасающей прошлой встрече.

– Обидно получилось со снегом, верно? – произнес я, повторяя треп, который уже слышал от десятка учеников. Нудная, заезженная тема для разговора. Обсуждать погоду всегда можно без опасений.

Девушка уставилась на меня с явным сомнением в глазах – ненормальная реакция на мои совершенно нормальные слова.

– Вообще-то нет.

Я попытался вновь направить разговор по шаблонному пути. Она приехала из таких солнечных и теплых краев – об этом, несмотря на светлый оттенок, свидетельствовала ее кожа, – что в прохладном климате наверняка чувствовала себя неуютно. А от моего ледяного прикосновения и подавно.

– Ты не любишь холод, – догадался я.

– И сырость тоже, – согласилась она.

– Тяжко тебе приходится в Форксе.

Вот и незачем было приезжать сюда, хотелось добавить мне. *Вот и надо было остаться там, где тебе самое место*.

Но в том, что я действительно этого хочу, я сомневался. Мне предстояло навсегда запомнить запах ее крови – и где гарантия, что рано или поздно я не брошусь по ее следу? И потом, если она уедет, ее мысли останутся для меня загадкой, извечной, неотвязной головоломкой.

– Еще как, – она понизила голос, бросив на меня быстрый взгляд.

Ее ответы всякий раз оказывались для меня неожиданностью. Они вызывали желание задавать новые вопросы.

– Зачем же ты сюда приехала? – потребовал ответа я и мгновенно осознал, насколько укоризненным и недостаточно непринужденным для нашего разговора получился мой тон. Вопрос прозвучал назойливо и грубо.

– Это… сложно объяснить.

Она заморгала, ограничившись кратким ответом, а я чуть не лопнул от любопытства – в ту секунду оно вспыхнуло и обожгло почти так же сильно, как жажда в моем горле. В сущности, я заметил, что дышать стало немного легче; пытка сделалась чуть более терпимой, стоило привыкнуть к ней.

– А ты попробуй, – настаивал я. Возможно, элементарная вежливость побудит ее отвечать на мои вопросы до тех пор, пока мне хватит наглости задавать их.

Она молча уставилась на свои руки. Мной овладело нетерпение. Захотелось взять ее за подбородок и заставить поднять голову, чтобы читать мысли по ее глазам. Но я, конечно, не смог бы вновь коснуться ее кожи.

Она вдруг подняла глаза. Каким облегчением было увидеть в них отражение чувств. Она выпалила скороговоркой:

– Моя мама снова вышла замуж.

А, это так по-людски, понять нетрудно. Грусть скользнула по ее лицу, вызвала появление складочки между бровями.

– Пока что все понятно, – отозвался я, и мой голос прозвучал мягко без каких-либо усилий с моей стороны. Как ни странно, при виде ее подавленности я растерялся, мне захотелось хоть чем-нибудь поднять ей настроение. Странный порыв. – Когда это случилось?

– В прошлом сентябре. – Ее выдох был тяжким, но все-таки не вздохом. Теплое дыхание овеяло мое лицо, и я на миг застыл.

– И ты его недолюбливаешь, – предположил я после краткой паузы, продолжая выуживать информацию.

– Нет, Фил хороший, – поправила мое предположение она. Теперь возле уголков ее полных губ возник намек на улыбку. – Может, слишком молодой, но славный.

Это обстоятельство не вписывалось в сценарий, который уже складывался у меня в голове.

– Почему же ты не осталась с ними?

Вопрос прозвучал слишком азартно, будто я лез не в свое дело. Чем я, собственно говоря, и занимался.

– Фил постоянно в разъездах. Он зарабатывает на жизнь бейсболом. – Легкая улыбка стала чуть шире: выбранная им карьера забавляла ее.

Я тоже улыбнулся, но не по своему выбору. И не для того, чтобы развеять ее напряжение. Просто при виде ее улыбки захотелось улыбнуться и мне, будто нас объединял общий секрет.

– Я мог слышать о нем? – Мысленно я пробежался по списку профессиональных бейсболистов, гадая, который из Филов ее отчим.

– Вряд ли. Фил играет *так себе*. – Еще улыбка. – Всего лишь в низшей лиге. И постоянно ездит куда-нибудь.

Списки в моей голове мгновенно перетасовались, возможные кандидатуры я собрал в них меньше чем за секунду. И за то же время успел придумать новый сценарий.

– И твоя мать отправила тебя сюда, чтобы самой ездить вместе с ним, – подытожил я. Предположениями вытягивать у нее информацию было легче, чем вопросами. Способ опять сработал. Она выпятила подбородок, ее лицо вдруг стало упрямым.

– Никуда она меня не отправляла, – заявила она новым, резким тоном. Мое предположение чем-то обидело ее, но я так и не понял чем. – Я сама.

Я не сумел ни понять, что она имеет в виду, ни догадаться, что ее уязвило. И совсем растерялся.

Раскусить эту девушку было просто невозможно. Она отличалась от других людей. Возможно, тишина ее мыслей и аромат крови – не единственное, что есть в ней необычного.

– Не понимаю, – признался я, нехотя смиряясь с поражением.

Она вздохнула, уставилась мне в глаза и смотрела в них дольше, чем выдерживало большинство обычных людей.

– Сначала мама оставалась со мной, но очень скучала по Филу, – с расстановкой объяснила Белла, и ее голос с каждым словом звучал все тоскливее. – Она была несчастна… вот я и решила, что пора пожить у Чарли.

Крошечная складочка между ее бровями стала глубже.

– И теперь несчастна ты, – пробормотал я, по-прежнему высказывая свои гипотезы вслух в надежде узнать что-нибудь еще, пока она будет опровергать их. Но эта, по-видимому, попала недалеко от истины.

– И что с того? – отозвалась она, как будто это вообще не стоило принимать во внимание.

Я по-прежнему смотрел ей в глаза – с таким чувством, словно наконец-то впервые заглянул ей в душу, хоть и мельком. Различить ее я смог в единственном коротком вопросе, которым она определила собственное место в списке приоритетов. В отличие от большинства людей она выносила свои потребности в самый конец этого списка.

Эгоизма в ней не было.

Как только я понял это, мне слегка приоткрылась личность, которую таили ее спокойный нрав и безмолвствующий разум.

– По-моему, несправедливо, – сказал я. И пожал плечами, стараясь, чтобы этот жест выглядел небрежно.

Она рассмеялась, но совсем не весело.

– А разве ты не знал? В жизни нет справедливости.

Мне захотелось засмеяться ее словам, хотя не до веселья было и мне. О несправедливости жизни я знал не понаслышке.

– Кажется, что-то в этом роде я *уже* слышал.

Она уставилась на меня и казалась вновь чем-то озадаченной. Ее взгляд метнулся в сторону, потом вновь нацелился в мои глаза.

– Вот, собственно, и все, – сказала она.

Завершить этот разговор я был не готов. Морщинка между ее бровями, напоминание о ее грусти, не давала мне покоя.

– Здорово у тебя получается, – произнес я медленно, все еще продолжая обдумывать очередное предположение. – Но готов поспорить, что ты страдаешь, хотя и не подаешь виду.

Она состроила гримасу – прищурила глаза, угрюмо скривила губы на одну сторону и отвернулась от меня в сторону класса. Правильность моей догадки ей не понравилась. В отличие от типичных мучеников в зрителях для своей боли она не нуждалась.

– Я ошибся?

Она слегка вздрогнула, ничем другим не давая понять, что слышала меня.

От этого я улыбнулся.

– Нет, вряд ли.

– А тебе-то что? – все еще глядя в сторону, резко отозвалась она.

– Вопрос в самую точку, – признал я, обращаясь скорее к себе, чем к ней.

Она оказалась проницательнее меня – умела заглянуть в самую суть, пока я блуждал вокруг да около, вслепую разбираясь в зацепках. Подробности ее совершенно человеческой жизни и вправду меня *не* касались. Ошибкой с моей стороны было интересоваться ее мыслями. Человеческие мысли несущественны, если речь не идет о защите моей семьи от подозрений.

К роли менее сообразительного из собеседников я не привык. Слишком во многом я полагался на свой дополнительный слух, и оказалось, что я не обладаю той силой восприимчивости, какую себе приписывал.

Девушка вздохнула и засмотрелась в сторону классной доски. В ее раздраженном выражении лица было что-то комичное. И вся ситуация, весь этот разговор тоже выглядели комично. Ни для кого другого я не представлял такую опасность, как для этой хрупкой человеческой девушки, – в любой момент я мог, забывшись в своей смехотворной увлеченности разговором, сделать вдох носом и напасть на нее, не успев опомниться, – а *она* досадовала на то, что я не ответил на ее вопрос.

– Я тебя раздражаю? – спросил я, улыбаясь от абсурдности ситуации в целом.

Она коротко посмотрела на меня и вдруг словно застряла глазами в ловушке моего взгляда.

– Не то чтобы ты, – ответила она. – Скорее, я сама себя раздражаю. У меня все написано на лице – мама говорит, что читает меня, как открытую книгу.

И она недовольно нахмурилась.

Я в изумлении уставился на нее. Стало быть, она расстроилась, считая, что я раскусил ее *чересчур легко*. Невероятно. Тратить так много усилий, чтобы понять кого-то, мне еще не доводилось за всю свою жизнь – или, скорее, существование, потому что *жизнью* это не назовешь. На самом деле нет у меня никакой *жизни*.

– Наоборот! – возразил я, ощущая странную… настороженность, словно где-то рядом таилась опасность, которую я не заметил. Помимо совершенно явной опасности было еще что-то… Я вдруг занервничал, предчувствие встревожило меня. – Тебя очень трудно читать.

– Ты, похоже, спец в этом деле, – высказала она предположение, и оно опять попало точно в цель.

– Ну, в общем, да, – согласился я.

И улыбнулся ей – широко, заворачивая губы и обнажая ряды блестящих, прочных, как сталь, зубов.

Дурацкий поступок, но внезапно, совершенно неожиданно для самого себя, я отчаянно захотел хоть как-нибудь предостеречь эту девушку. Теперь ее тело находилось ближе ко мне, чем раньше, – она невольно сменила позу за время разговора. Все мелкие знаки и метки, которых хватало, чтобы отпугнуть остальных представителей рода человеческого, на нее, казалось, не действовали. Почему она до сих пор не отшатнулась от меня в ужасе? Ведь темной стороны моей натуры она увидела достаточно, чтобы осознать опасность.

Дождаться, когда мое предостережение возымеет желаемое действие, я не успел. Как раз в эту минуту мистер Баннер потребовал тишины, и Белла сразу же отвернулась от меня. Кажется, она была только рада тому, что нас прервали, а может, что-то и впрямь подсознательно поняла.

Я рассчитывал на последнее.

Увлеченность нарастала во мне, я чувствовал это, хоть и пытался искоренить ее. Я просто не мог позволить себе заинтересоваться Беллой Свон. Или, скорее, этого не могла позволить себе *она*. А я уже с нетерпением ждал, когда мне снова представится шанс поговорить с ней. Хотел узнать подробнее про ее мать, про ее жизнь до приезда сюда, про ее отношения с отцом. Все те незначительные подробности, благодаря которым обрастет плотью стержень ее характера. Но каждая секунда, проведенная с ней, была ошибкой, риском, на который ей не следовало идти.

В задумчивости она встряхнула густыми волосами как раз в тот момент, когда я позволил себе сделать еще один вдох. Волна ее особо насыщенного запаха ударила мне в глотку.

Это было как в первый день, как взрыв гранаты. От боли, сухости и жжения меня замутило. Пришлось снова схватиться за край стола, чтобы удержаться на месте. На этот раз я владел собой чуть лучше. По крайней мере, ничего не раскрошил и не сломал. Чудовище рычало у меня внутри, но моя боль не доставляла ему удовольствия. Слишком крепко оно было скован. На данный момент.

Я полностью перестал дышать и отодвинулся от девушки так далеко, как только сумел.

Нет, мне никак нельзя было позволить себе заинтересоваться ею. Чем больше интереса она у меня вызывала, тем больше была вероятность, что я убью ее. Сегодня я уже допустил два мелких промаха. А если совершу третий, и на этот раз уже *не* мелкий?

Едва дождавшись звонка, я вылетел из класса – и, вероятно, разрушил все впечатление вежливости, которое почти создал за последний урок. И вновь принялся хватать ртом чистый влажный воздух возле здания, словно целительный аттар[1]. Я спешил, чтобы удалиться от этой девушки на максимальное расстояние.

Эмметт ждал меня у двери класса, где нам предстоял урок испанского. Некоторое время он вглядывался в мое безумное лицо.

«*Как все прошло?*» – настороженно подумал он.

– Никто не умер, – буркнул я.

«*Ну и ладно. Когда я увидел, как Элис рванула туда в конце, я уж думал…*»

Пока мы входили в класс, я успел просмотреть, как в воспоминаниях давностью несколько минут он, сидя на предыдущем уроке, видел в приоткрытую дверь Элис, с непроницаемым лицом быстро идущую в сторону корпуса естествознания. Ему помнилось, как он порывался вскочить и догнать ее, а потом передумал. Если бы Элис требовалась его помощь, она бы попросила.

Обмякнув на своем месте, я в ужасе и отвращении прикрыл глаза.

[1] Эфирное масло. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

– Я даже не сознавал, что был на волоске. Не подумал, что готов… Не видел, насколько все было скверно, – прошептал я.

«*Да не было*, – заверил он меня. – *Никто же не умер, верно?*»

– Верно, – сквозь зубы подтвердил я. – На этот раз – нет.

«*Может, дальше будет легче*».

– Само собой.

«*Или ты убьешь ее*. – Он пожал плечами. – *И будешь далеко не первым, кто накосячил. Никто не станет слишком строго судить тебя. Порой попадаются люди, которые просто чересчур вкусно пахнут. Я вообще поражен, что ты так долго продержался*».

– От этого не легче, Эмметт.

Меня возмутило то, как он смирился с мыслью, что я убью эту девушку, словно с чем-то неизбежным. Как будто это она виновата в том, что настолько вкусно пахнет.

«*Да уж, когда это случилось со мной…*» – пустился он в воспоминания, уводя меня за собой на полвека назад, на проселочную дорогу в сумерках, где женщина средних лет стаскивала свои высохшие простыни с веревки, протянутой между яблонями. Я уже видел прежде ее, эту самую памятную из двух встреч Эмметта, но теперь воспоминания казались особенно яркими – может быть, потому, что мое горло все еще горело, опаленное за последний час. Эмметту помнился густой аромат яблок, повисший в воздухе – урожай уже был собран, отбракованные плоды валялись на земле, источая запах помятыми боками. Гармоничным фоном для этого запаха служил свежескошенный луг. Посланный Розали с каким-то поручением, Эмметт шел по улице, не обращая ни малейшего внимания на женщину. Небо над головой было лиловым, а на западе над горами – оранжевым. Так он и продолжал бы путь по извилистой дороге и навсегда забыл бы этот вечер, если бы внезапный порыв вечернего ветерка не раздул белые простыни, словно паруса, и не обдал запахом женщины лицо Эмметта.

– О-о… – тихонько застонал я, как будто мне было мало воспоминаний о собственной жажде.

«*Так что я-то знаю. Я не продержался и полсекунды. И даже не подумал сопротивляться*».

Его воспоминания стали слишком откровенными, чтобы я мог выдержать их.

Я вскочил, крепко сцепив зубы.

– *Estás bien*[2], Эдвард? – спросила миссис Гофф, вздрогнув от моего внезапного движения. Увидев собственное лицо ее глазами, я понял, что мой вид хорошим не назовешь.

– *Perdóname*[3], – пробормотал я, рванувшись к двери.

– Эмметт, *por favor, puedes ayudar a tu hermano*?[4*] – спросила она, беспомощно указав на меня, выбегающего из класса.

– Конечно, – услышал я голос Эмметта. И он сразу же бросился за мной.

Он проследовал за мной в дальний конец корпуса, где догнал и схватил за плечо.

Я оттолкнул его руку, приложив больше силы, чем требовалось. Такой удар раздробил бы кости не только в человеческой кисти, но и во всей руке.

– Извини, Эдвард.

– Да ладно, чего там. – Я глубоко втягивал воздух, стараясь прочистить голову и легкие.

– Было так же плохо? – спросил он, стараясь не думать о том запахе и не вызывать его в памяти, но безуспешно.

– Хуже, Эмметт, хуже.

На минуту он притих.

---

[2] Ты в порядке? *(исп.)*

[3] Извините (*исп.*).

[4] Пожалуйста, ты можешь помочь своему брату? *(исп.)*

«*Может быть…*»

– Нет, если я разом покончу со всем, лучше не станет. Иди в класс, Эмметт. Я хочу побыть один.

Не сказав и не подумав больше ни слова, он повернулся и быстро ушел. Учительнице испанского он скажет, что я заболел, или решил прогулять урок, или я опасный вампир, который не в состоянии держать себя в руках. Да какая разница, что он ей объяснит? Может, я вообще не вернусь. Может, мне придется уехать.

Я ушел в машину, дожидаться, когда закончатся уроки. Спрятался. Опять.

Мне следовало потратить это время, чтобы принять решение или подкрепить решимость, но я, как наркоман, вдруг обнаружил, что вслушиваюсь в гул чужих мыслей, исходящий от школьных корпусов. Знакомые голоса выделялись в этой мешанине, но в эту минуту мне было неинтересно прислушиваться к видениям Элис или жалобам Розали. Джессику я отыскал без труда, но Беллы с ней не было, и я продолжил поиски. Мысли Майка Ньютона привлекли мое внимание, и я наконец-то обнаружил ее в спортивном зале вместе с ним. Майк был недоволен тем, что я разговорился с ней сегодня на биологии. И как раз вспоминал, как она отреагировала на его попытку поднять эту тему.

«*Никогда не видел, чтобы он с кем-нибудь перебросился больше чем парой слов. А тут вдруг решил поболтать с Беллой. Не нравится мне, как он на нее глазеет. Но она, похоже, от него не в восторге. Как это она сказала мне? «Интересно, что с ним стряслось в прошлый понедельник». Как-то так. Нет, все-таки ей, кажется, все равно. Не могло быть в том разговоре ничего особенного…*»

Он утешался мыслью о том, что Белле было неинтересно общаться со мной. Это меня слегка задело, и я перестал слушать его.

Я поставил диск с какой-то агрессивной музыкой и прибавлял громкость, пока не заглушил все остальные звуки. Пришлось изо всех сил сосредоточиться на музыке, чтобы не вслушиваться в мысли Майка Ньютона в попытке пошпионить за ничего не подозревающей Беллой.

До окончания урока я несколько раз смошенничал. И вовсе я не шпионю, пытался я убедить себя. Просто готовлюсь. Мне хотелось точно знать, когда она выйдет из спортивного зала и окажется на стоянке. Не хватало еще, чтобы она застала меня врасплох.

Когда ученики потянулись один за другим из дверей спортзала, я вышел из машины – сам не знаю зачем. Накрапывал дождь, я не обращал внимания, как он постепенно пропитывал мои волосы влагой.

Неужели я хотел, чтобы она увидела меня здесь? И надеялся, что она подойдет поговорить со мной? Чем я вообще занимался?

Я не двигался с места, хотя и убеждал себя вернуться в машину, понимая, что своим поведением заслуживаю всяческих упреков. Руки я держал скрещенными на груди и стал дышать совсем неглубоко, едва завидел, как она медленно бредет в мою сторону, опустив уголки губ. На меня она не смотрела. Только пару раз хмуро взглянула на тучи, будто их вид оскорблял ее.

К моему разочарованию, до своей машины она дошла раньше, чем миновала меня. А если бы прошла мимо, заговорила бы со мной? Или я с ней?

Она села в выцветший красный пикап «шеви» – ржавую махину старше ее отца. Я смотрел, как она заводит ее – древний двигатель ревел громче, чем у всех тачек на стоянке, вместе взятых, – затем подносит ладони к решеткам обогревателя. Холод был ей неприятен, она не любила его. Она принялась перебирать густые волосы, подставляя пряди под струю горячего воздуха, словно пыталась высушить их. Я представил себе, как пахнет в пикапе, и сразу же поспешно отогнал эту мысль.

Она оглянулась, готовясь сдать назад, и наконец посмотрела в мою сторону. Ее взгляд задержался на мне всего на полсекунды, и я успел прочесть в ее глазах лишь удивление, прежде

чем она отвернулась и рывком переключила передачу. И тут же резко затормозила, чудом не въехав задом пикапа в «компакт» Николь Кейси.

С приоткрытым ртом она уставилась в зеркало заднего вида, ужасаясь тому, что чуть не стала причиной столкновения. Когда другая машина проехала мимо, она дважды проверила все слепые зоны и выехала со своего места на парковке так опасливо, что я невольно усмехнулся. Как будто считала, что ее развалина в самом деле представляет *опасность*.

Думая о Белле Свон как угрозе для кого бы то ни было, независимо от того, какую машину она водит, я рассмеялся, а тем временем она проехала мимо, устремив взгляд прямо перед собой.

Глава 3. Риск

Сказать по правде, жажда меня пока не мучила, но я решил в ту ночь вновь выйти на охоту. В качестве меры предосторожности, хоть я и понимал, что ее в любом случае недостаточно.

Карлайл составил мне компанию. Мы с ним еще не оставались вдвоем с тех пор, как я вернулся из Денали. Пока мы мчались по черному лесу, я слышал, как он вспоминает наше поспешное прощание неделей раньше.

В его воспоминаниях я увидел собственное лицо, искаженное яростью и отчаянием. Вновь ощутил его удивление и внезапную вспышку тревоги.

«*Эдвард?..*»

«*Мне надо уехать, Карлайл. Надо уехать* сейчас же».

«*Что случилось?*»

«*Ничего. Пока ничего. Но случится обязательно, если я останусь*».

Он потянулся к моей руке. И я увидел, какую боль причинил ему, когда отпрянул.

«*Не понимаю*».

«*Тебе когда-нибудь… когда-нибудь случалось?..*»

Я увидел самого себя будто сквозь призму его тревоги: как я тяжело вздохнул, как в моих глазах вспыхнул дикий огонь.

«*Бывало так, чтобы запах какого-то человека казался тебе лучше всех?* Гораздо *лучше?*»

«*А-а*».

Как только я убедился, что он меня понял, на моем лице отразился стыд. Он вновь потянулся ко мне, и хотя я опять отшатнулся, все же положил мне руку на плечо.

«*Делай, что должен, лишь бы устоять, сынок. Я буду скучать по тебе. Вот, возьми мою машину. Бак полный*».

Потом он задумался, правильно ли поступает, отсылая меня. И не обидел ли меня своим недоверием.

– Нет, – прошептал я на бегу. – Именно это мне и было нужно. Если бы ты велел мне остаться, я вполне мог бы не оправдать такого доверия.

– Мне жаль, что ты страдаешь, Эдвард. Но ты должен сделать все, что в твоих силах, чтобы эта девочка Свон осталась жива. Даже если для этого ты будешь вынужден вновь расстаться с нами.

– Знаю, знаю.

– Но почему ты *все-таки* вернулся? Ты знаешь, как я рад, что ты снова здесь, но если это настолько трудно…

– Не люблю чувствовать себя трусом, – признался я.

Мы сбавили темп и теперь бежали почти трусцой в темноте.

– Это лучше, чем подвергать ее опасности. Через год-другой она уедет.

– Ты прав, я понимаю. – Но от его слов мне, наоборот, захотелось остаться. Ведь она через год-другой уедет…

Карлайл остановился, и я тоже. Он повернулся и вгляделся в мое лицо.

«*Но бежать ты не намерен, так?*»

Я повесил голову.

«*Из гордости, Эдвард? Нет ничего постыдного в том, чтобы…*»

– Нет, здесь меня удерживает вовсе не гордость. Только не теперь.

«*Некуда податься?*»

Я издал короткий смешок.

– Нет. И это меня не остановило бы, если бы я мог заставить себя уехать.

– Мы уедем с тобой, разумеется, если тебе это нужно. Только попроси. Ты ведь переезжал ради других, не жалуясь. И они не станут злиться на тебя.

Я поднял бровь.

Он рассмеялся.

– Да, Розали могла бы, но она перед тобой в долгу. В любом случае гораздо лучше, если мы уедем сейчас, пока ущерб еще не нанесен, чем потом, когда прервется чья-то жизнь.

К тому времени, как он договорил, от недавнего веселья не осталось и следа.

От его слов я вздрогнул.

– Да, – согласился я. Мой голос прозвучал хрипло.

«*Но ведь ты не уезжаешь?*»

Я вздохнул.

– А должен.

– Что удерживает тебя здесь, Эдвард? Никак не пойму…

– Не знаю, смогу ли я объяснить. – Даже мне самому это казалось бессмыслицей.

Долгую минуту он вглядывался в меня.

«*Нет, все-таки не понимаю. Но вторгаться в твою личную жизнь не стану, если ты предпочитаешь промолчать*».

– Спасибо. Очень великодушно с твоей стороны, тем более что скрыть от меня свою личную жизнь не удается никому.

С единственным исключением. И я всеми силами старался лишить ее этого права – разве не так?

«*У каждого свои странности*. – Он снова рассмеялся. – *За дело?*»

Он только что учуял небольшое стадо оленей. Непросто было изобразить воодушевление от запаха, который даже при наилучших обстоятельствах особого аппетита не вызывал. А теперь, когда запах крови той девушки был еще свеж в моей памяти, от оленьего меня чуть не вывернуло наизнанку.

Я вздохнул.

– Давай, – согласился я, хотя и знал, что, сколько бы я ни заливал жажду оленьей кровью, это не поможет.

Мы оба приняли охотничью стойку, припав к земле, и отнюдь не соблазнительный запах безмолвно поманил нас вперед.

* * *

К тому времени, как мы вернулись домой, началось похолодание. Растаявший снег подмерз, и казалось, все вокруг покрылось тонким слоем стекла – каждая сосновая иголка, каждая ветка папоротника, каждая травинка заледенела.

Карлайл ушел переодеваться к утреннему дежурству в больнице, а я остался у реки ждать, когда взойдет солнце. Сам себе я казался прямо-таки… *распухшим* от выпитой крови, но понимал, что утоленная таким способом жажда мало что изменит, когда я вновь окажусь рядом с той девушкой.

Холодный и неподвижный, как камень, я сидел и смотрел на темную воду, бегущую вдоль ледяных берегов, смотрел будто сквозь нее.

Карлайл прав. Мне надо уехать из Форкса. Остальные пустят какой-нибудь слух, чтобы объяснить мое отсутствие. Закрытая школа в Европе. Визит к дальним родственникам. Подростковый побег. Не важно, что именно. Никто не станет докапываться.

Всего год-два, а потом эта девушка уедет. Займется своей жизнью – ведь у нее-то она *есть*, эта жизнь. Поступит в какой-нибудь колледж, начнет строить карьеру, может, выйдет

замуж. Мне представилась эта картина: она сама, вся в белом, размеренным шагом идущая под руку со своим отцом.

Она была странной – боль, вызванная у меня этим видением. Я не мог ее понять. Неужели я завидовал ее будущему, потому что сам был его лишен? Но это же бессмысленно. У каждого из людей, которые меня окружали, впереди имелись те же возможности – целая жизнь, – а я тем не менее редко удостаивал их завистью.

Что я должен сделать, так это оставить ее в покое вместе с ее будущим. Перестать подвергать риску ее жизнь. Так будет правильно. Карлайл всегда выбирает верные решения. И мне следует прислушиваться к нему. Что я и сделаю.

Солнце выглянуло из-за туч, слабый свет заблестел на замерзшей траве.

Еще один день, решил я. Увижу ее еще раз. Я справлюсь. Может, упомяну вскользь о своем предстоящем исчезновении, подготовлю почву.

Будет трудно. Я чувствовал это по острому нежеланию, уже вынуждающему меня изобретать предлоги, чтобы остаться, отодвинуть срок отъезда на два дня, три, четыре… Но я поступлю так, как будет правильно. Советам Карлайла можно доверять – это мне известно. Как и то, что сейчас я слишком взвинчен, чтобы самому принять верные решения.

Чересчур взвинчен. В какой мере мое нежелание уезжать объясняется одержимостью и любопытством, а в какой – моим ненасытным аппетитом?

Я направился в дом, переодеваться в чистую одежду к школе.

Элис ждала меня, сидя на верхней ступеньке лестницы на третьем этаже.

«*Опять уезжаешь*», – упрекнула она.

Я вздохнул и кивнул.

«*Никак не могу увидеть, куда ты едешь на этот раз*».

– Пока еще сам не знаю, – шепотом объяснил я.

«*Хочу, чтобы ты остался*».

Я покачал головой.

«*Может, нам с Джаззом поехать с тобой?*»

– Остальным вы понадобитесь, ведь меня не будет рядом, чтобы присмотреть за ними. И еще, подумай об Эсме. Ты готова одним махом лишить ее половины семьи?

«*Ты так расстроишь ее*».

– Сам знаю. Вот потому-то вы и должны остаться.

«*Мы тебя не заменим, и ты это понимаешь*».

– Да. Но я должен поступить так, как будет правильно.

«*Но ведь поступить правильно можно по-разному, и неправильно тоже, – разве нет?*»

На краткий миг ее затянуло в одно из ее странных видений, и я вместе с ней смотрел, как вспыхивают и вертятся размытые образы. Видел самого себя среди непонятных теней, которые не смог различить – смутные, расплывчатые фигуры. А потом вдруг моя кожа засияла под ярким солнцем на небольшом открытом лугу. Это место я знал. Со мной на лугу был кто-то еще, но опять неявно, не настолько *там*, чтобы я его узнал. Образы задрожали и рассыпались, миллионы мизерных решений и выборов вновь сложились в будущее.

– Я мало что уловил, – признался я, когда видение померкло.

«*Вот и я тоже. Твое будущее настолько переменчиво, что я не успеваю следить за ним. Но по-моему…*»

Она умолкла и пересмотрела специально для меня обширную коллекцию воспоминаний о других недавних видениях. Все они были одинаковые – туманные и неясные.

– *По-моему*, что-то меняется, – сказала она вслух. – Похоже, твоя жизнь на перепутье.

Я мрачно засмеялся.

– Ты ведь понимаешь, что выразилась сейчас как ярмарочная гадалка?

Она показала мне узкий язычок.

– Но сегодня-то все в порядке, так? – спросил я голосом, в котором вдруг зазвенела тревога.

– Я не вижу, чтобы ты сегодня кого-нибудь убил, – заверила она.

– Спасибо, Элис.

– Иди одеваться. Я ничего не скажу остальным – сам объяснишь, когда будешь готов.

Она вскочила и ринулась вниз по лестнице, слегка ссутулив плечи. «*Буду скучать по тебе. Честно*».

Да, и я тоже буду очень скучать по ней.

До школы ехали молча. Джаспер чувствовал, что Элис чем-то расстроена, но знал: если бы она хотела поговорить об этом, то уже завела бы разговор. Эмметт и Розали, не замечая ничего вокруг, переживали один из тех моментов, когда только и делали, что глядели друг другу в глаза как зачарованные, – смотреть на это со стороны было довольно противно. Все мы прекрасно знали, что они безумно влюблены. А может, мне просто было горько, потому что одиноким среди них оставался лишь я. Порой жить в окружении трех идеальных пар оказывалось труднее, чем обычно. Видимо, день выдался как раз из таких.

Может, им будет даже лучше, если я не стану отираться поблизости, вспыльчивый и раздражительный, как старик, каким мне уже полагается быть по возрасту.

Разумеется, в школе я первым делом занялся поисками той самой девушки. Просто чтобы подготовиться.

Вот именно.

Неловко было сознавать, что мой мир вдруг стал казаться без нее совершенно пустым.

Впрочем, довольно легко понять почему. После восьмидесяти лет одинаковых дней и ночей любое изменение приковывало к себе все внимание целиком.

Она еще не приехала, но я уже слышал вдалеке громовой рев двигателя ее пикапа. И в ожидании привалился к боку машины. Элис осталась со мной, остальные направились прямиком в класс. Им уже наскучила моя зацикленность – их пониманию было недоступно, как человеческое существо, как бы приятно оно ни пахло, могло заинтересовать меня на такое длительное время.

Ее машина показалась вдалеке, девушка не сводила глаз с дороги, вцепившись в руль. Она казалась чем-то озабоченной. Мне понадобилась секунда, чтобы понять, в чем дело, и вспомнить, что то же выражение я видел сегодня на всех человеческих лицах. А, вот оно что: дорога стала скользкой от льда, и все люди пытались вести машину как можно осторожнее. Сразу было видно, как серьезно эта девушка относится к дополнительному риску.

Эта черта соответствовала тому немногому, что я уже успел узнать о ее характере. Я внес ее в небольшой список: она серьезный и ответственный человек.

Она припарковалась неподалеку от меня, но еще не успела заметить, что я стою и смотрю на нее. Интересно, что она сделает, когда меня увидит? Покраснеет и уйдет? Таким стало мое первое предположение. А может, ответит взглядом в упор. Или подойдет поболтать.

Я сделал глубокий вдох, с надеждой наполняя легкие – просто на всякий случай.

Из пикапа она выбиралась осторожно, с опаской опустила ноги на скользкую землю, прежде чем перенесла на них вес тела. И не поднимала головы, чем раздосадовала меня. Пожалуй, стоило бы подойти к ней, чтобы поговорить…

Нет, это было бы неправильно.

Вместо того чтобы сразу направиться к школе, она обошла вокруг пикапа, забавно цепляясь за его кузов, будто не доверяла собственным ногам. Я невольно улыбнулся и почувствовал на своем лице пристальный взгляд Элис. Прислушиваться к ее мыслям я не стал, слишком уж увлекся, наблюдая, как эта девушка проверяет противоледные цепи на колесах своей машины. Она и вправду рисковала упасть, так скользили и разъезжались под ней ноги. Остальные передвигались без проблем, неужели ее угораздило припарковаться на самой скользкой наледи?

Она помедлила, глядя вниз со странным выражением лица. На нем читалась… нежность. Как будто вид шин пробудил в ней… *чувства*?

И опять любопытство вызвало боль, как жажда. Как будто я *должен* был узнать, о чем она думает, – как будто ничто иное не имело значения.

Подойти бы к ней поговорить. Ей, судя по всему, не помешала бы помощь, по крайней мере, чтобы сойти со скользкой проезжей части. Но я, разумеется, никак не мог ее предложить, ведь так? Я медлил, разрываясь надвое. При всей ее неприязни к снегу она вряд ли обрадуется прикосновению моей холодной белой руки. Надо было надеть перчатки…

– НЕТ! – ахнула Элис.

Я мгновенно просмотрел ее мысли, поначалу предположив, что чуть не сделал неверный выбор и она увидела, как я совершил нечто недопустимое. Но оказалось, что я тут ни при чем.

Тайлеру Кроули вздумалось свернуть на парковку на рискованной скорости. В результате этого неудачного выбора его занесло на обледенелом пятачке.

Видение опередило реальность всего на полсекунды. Фургон Тайлера вывернул из-за угла, пока я досматривал событие, вызвавшее у Элис возглас ужаса.

Нет, это видение не имело ко мне никакого отношения и вместе с тем имело, причем *самое* прямое, потому что фургону Тайлера, шины которого коснулись льда под самым неудачным углом из всех возможных, предстояло завертеться, продвигаясь по парковке, и сбить девушку, которая стала непрошеным средоточием моего мира.

Даже без дара предвидения Элис было бы несложно проследить траекторию фургона, управление которым Тайлер безнадежно потерял.

Белла, стоя в самом неподходящем месте за своим пикапом, подняла голову, озадаченная визгом шин. Посмотрела прямо в мои полные ужаса глаза и обернулась к своей надвигающейся смерти.

«*Только не ее!*» Эти слова прокричал у меня в голове словно кто-то другой.

Все еще застряв в мыслях Элис, я увидел, как видение вдруг переменилось, но было уже некогда смотреть, каким окажется исход.

Я рванулся через всю стоянку, бросился между вращающимся фургоном и замершей девушкой. Так стремительно, что все вокруг видел как размытые полосы, – кроме единственного объекта, на котором сосредоточил внимание. Она меня не видела – человеческие глаза были не в состоянии проследить за моим рывком, – и по-прежнему не сводила взгляда с надвигающейся громадины, готовой расплющить ее об металлический кузов пикапа.

Я обхватил ее за талию, в спешке обходясь с ней не так бережно, как следовало бы. На протяжении сотой доли секунды между тем, как я выдернул ее тонкую фигурку с пути смерти, и тем, как с ней в объятиях рухнул на землю, я остро ощущал прикосновение к ее хрупкому, слабому телу.

И когда я услышал глухой стук, с которым об лед ударилась ее голова, я сам, казалось, обратился в лед.

Но чтобы выяснить, в каком она состоянии, у меня не было ни единой секунды. Я услышал, как фургон позади нас скрежещет и скрипит, огибая прочный стальной корпус ее пикапа. Он менял курс и по дуге вновь надвигался на нее – будто она, как магнит, притягивала этот фургон к нам.

Слово, которое я никогда прежде не произносил в присутствии дамы, вырвалось у меня сквозь стиснутые зубы.

Я и так слишком много натворил. Буквально рассекая воздух, чтобы оттащить ее в сторону, я прекрасно сознавал, что совершаю ошибку. Это осознание не остановило меня, однако я ни на миг не забывал, чем рискую – и не только я сам, но и вся моя семья.

Разоблачением.

И от *этого* легче не становилось, но я ни в коем случае не собирался допускать, чтобы вторая предпринятая фургоном попытка отнять у нее жизнь увенчалась успехом.

Отпустив девушку, я выбросил руки вперед, успев задержать фургон до того, как он коснулся ее. От удара меня отбросило назад, к машине, припаркованной рядом с ее пикапом, и я почувствовал, как кузов этой машины прогнулся под моими плечами. Фургон содрогнулся, затрясся, натолкнувшись на неподдающееся препятствие моих рук, и покачнулся, неустойчиво балансируя на двух дальних колесах.

Стоило мне убрать руки, и заднее колесо фургона рухнуло бы ей на ноги.

Во имя *всего святого*, придет ли бедам когда-нибудь конец? Пойдет ли еще что-нибудь наперекосяк? Не мог же я просто сидеть здесь, удерживать фургон на весу и ждать, когда подоспеет помощь. Не мог и отбросить фургон в сторону – следовало подумать и о водителе, мысли которого путались в панике.

Внутренне застонав, я толкнул фургон так, что на миг он качнулся в противоположную от нас сторону. А когда снова стал падать на меня, я подхватил его снизу под кузов правой рукой, левой вновь обнял девушку за талию, вытащил из-под нависшего колеса и рывком притянул к своему боку. Ее тело казалось безвольным, когда я развернул ее, чтобы уберечь от удара ноги, – она в сознании? Насколько серьезный вред я причинил ей своей спонтанной попыткой спасения?

Зная, что фургон уже не придавит ее, я бросил его. Он грохнулся на твердое покрытие стоянки, и сразу во всех окнах задрожали стекла.

Я понимал, что нахожусь в отчаянном положении. Что она успела заметить? Были ли другие свидетели, видевшие, как я вдруг возник рядом с ней, а потом удерживал на весу фургон и одновременно оттаскивал ее в сторону? Этими вопросами мне *следовало бы* озаботиться в первую очередь.

Но я был слишком встревожен, чтобы уделить должное внимание угрозе разоблачения. Слишком поддался панике, опасаясь, что причинил ей вред, пока старался спасти ей жизнь. Слишком сильно перепугался, видя ее так близко и зная, какой запах почувствую, если позволю себе сделать вдох. Слишком остро ощущал тепло ее нежного тела, прижатого к моему, – это тепло я чувствовал даже сквозь наши куртки.

Первый приступ страха подействовал сильнее всех. Под визг и вопли очевидцев вокруг нас я наклонился, чтобы осмотреть ее, убедиться, что она в сознании, и при этом всем сердцем горячо надеялся, что у нее нет кровоточащих ран.

Ее глаза были открытыми, взгляд – неподвижным от шока.

– Белла! – настойчиво позвал я. – Ты жива?

– Со мной все хорошо, – машинально и растерянно отозвалась она.

От звуков этого голоса изощренное, почти болезненное облегчение окатило меня. Я втянул воздух сквозь зубы, в кои-то веки не имея ничего против жжения в горле, которым сопровождался вдох. Как ни странно, я почти обрадовался ему.

Она поерзала, пытаясь сесть, но я был еще не готов отпустить ее. Казалось, так будет… безопаснее? Пусть уж лучше остается прижатой к моему боку.

– Осторожно! – предостерег я. – Кажется, ты сильно ударилась головой.

Запаха свежей крови я не чувствовал – неслыханная удача! – но это еще не означало отсутствия внутренних повреждений. Во внезапно вспыхнувшей тревоге мне не терпелось отвезти ее к Карлайлу, в полностью оборудованный рентгенкабинет.

– Ой… – произнесла она, с забавным удивлением обнаружив, что насчет ее головы я был прав.

– Так я и думал. – Вместе с облегчением ко мне явилась смешливость, почти *эйфория*.

– Но как?.. – ее голос оборвался, веки затрепетали. – Как ты очутился здесь так быстро?

Облегчение испарилось, от веселья не осталось и следа. Слишком уж многое она *все-таки* заметила.

Теперь, когда выяснилось, что девушка в порядке, тревога за мою семью обострилась.

– Я же стоял рядом с тобой, Белла. – По опыту я знал: чем увереннее я держусь, когда вру, тем больше сомневается в истине тот, кто задает вопрос.

Она снова попыталась отодвинуться, и на этот раз я отпустил ее. Мне требовалось дышать, чтобы убедительно играть свою роль. Требовалось отстраниться от нее, теплокровной и жаркой, чтобы тепло, смешиваясь с ее запахом, не одержало надо мной верх. Я отодвинулся от нее так далеко, как только мог в тесном пространстве между двумя побитыми машинами.

Она уставилась на меня, я ответил ей пристальным взглядом. Отвести глаза первым – ошибка, которую допускают только неопытные лжецы, а я к их числу не принадлежу. Выражение моего лица было спокойным и доброжелательным. Оно, кажется, смутило ее. Тем лучше.

Вокруг места аварии уже собралась толпа. В основном ученики заглядывали, толкаясь, в просветы между машинами со всех сторон, проверяли, не видно ли в них изувеченных трупов. Слышались мешанина криков и потоки потрясенных мыслей. Я просмотрел мысли, убеждаясь, что подозрений пока еще не возникло ни у кого, потом отключился от них и сосредоточился только на девушке.

Гвалт отвлек ее. Она огляделась по сторонам, еще не успев толком прийти в себя, и попыталась встать.

Я легонько положил ладонь ей на плечо, чтобы удержать.

– Подожди пока.

Хоть с виду и *казалось*, что с ней все в порядке, стоит ли ей двигать шеей? Я вновь пожалел, что рядом нет Карлайла. Мои годы изучения теоретической медицины не шли ни в какое сравнение с его столетиями интенсивной врачебной практики.

– Холодно, – возразила она.

Ее чуть не раздавило насмерть, да еще два раза, а ее беспокоил холод. Смешок вырвался у меня сквозь зубы, прежде чем я вспомнил, что в сложившейся ситуации нет ничего забавного.

Белла заморгала, потом сосредоточила взгляд на моем лице.

– Ты стоял вон там.

Этим она вновь отрезвила меня.

Она кивнула в южном направлении, хотя теперь там был виден только помятый бок фургона.

– Возле своей машины.

– Нет, не там.

– Но я же видела! – настаивала на своем она. Ее упрямый голос звучал совсем по-детски, она выпятила подбородок.

– Белла, я стоял рядом с тобой и оттолкнул тебя в сторону.

И я впился в нее взглядом, мысленно приказывая ей согласиться с моей версией событий – единственной разумной из имеющихся.

Она сжала зубы.

– Нет.

Я пытался сохранять спокойствие, не поддаваться панике. Если бы только удалось убедить ее помолчать несколько минут, у меня появился бы шанс уничтожить улики… и вызвать недоверие к ее словам, сообщив, что она ударилась головой.

Казалось бы, что тут сложного – уговорить помолчать немногословную, скрытную девушку? Если бы она только послушалась меня, всего на несколько минут…

– Прошу тебя, Белла! – воскликнул я со всей настойчивостью, потому что мне вдруг *захотелось*, чтобы она доверилась мне. Захотелось отчаянно, и не только в том, что связано с аварией. Глупое желание. Какой ей смысл доверять *мне*?

– Но почему? – все еще настороженно спросила она.

– Доверься мне, – взмолился я.

– Обещаешь потом все объяснить?

Я разозлился, вынужденный соврать ей снова, как раз когда мне хотелось хоть чем-нибудь заслужить ее доверие. Мой ответ получился резким:

– Ладно.

– Ладно, – повторила она тем же тоном.

Пока предпринимались попытки спасти нас – подоспели взрослые, вызвали начальство, вдалеке слышались сирены, – я старался, не обращая внимания на девушку, правильно расставить свои приоритеты. Просмотрел мысли всех, кто находился на парковке, как очевидцев, так и тех, кто прибыл с опозданием, но не заметил ничего опасного. Многие удивлялись, видя меня рядом с Беллой, но за неимением других возможных объяснений приходили к выводу, что просто не заметили, как я подошел к ней еще до аварии.

Только она одна не удовлетворилась самым простым из объяснений, но вместе с тем входила в число наименее надежных свидетелей. Она испугалась, получила психологическую травму, не говоря уже о том, что ударилась головой. Возможно, была в состоянии шока. Путаница в ее рассказе неудивительна, разве не так? Никому и в голову не придет поверить ей в большей мере, чем остальным, таким многочисленным свидетелям.

Я поморщился, уловив мысли только что прибывших Розали, Джаспера и Эмметта. Сегодня вечером ожидалась нешуточная взбучка.

Мне хотелось выправить вмятины, оставленные моими плечами на бежевой машине, но девушка находилась слишком близко. Требовалось дождаться, когда она отвлечется.

Ожидание раздражало, особенно под множеством пристальных взглядов, тем временем люди бились над фургоном, пытаясь оттащить его от нас. Я мог бы помочь им, хотя бы для того, чтобы ускорить процесс, но и без того здорово влип, а девушка оказалась внимательной. Наконец фургон удалось отодвинуть настолько, чтобы к нам пробрались санитары из «скорой» с носилками.

Надо мной нависло знакомое лицо с седеющей щетиной.

– Эй, Эдвард, – позвал меня медбрат Бретт Уорнер, которого я хорошо знал по больнице. Мне повезло – единственный раз за весь день, – что он первым пробрался к нам. Мысленно он отметил, что я выгляжу спокойным и нахожусь в ясном сознании. – Ты в порядке, сынок?

– В полном, Бретт. Меня даже не задело. А вот у Беллы, наверное, сотрясение. Она здорово ударилась головой, когда я оттащил ее в сторону.

Бретт занялся девушкой, от которой за предательство мне достался обжигающий взгляд. Догадка была верна: она принадлежала к тихим мученикам – предпочитала страдать молча.

Но опровергать мои слова сразу же она не стала, и от этого мне полегчало.

Еще один санитар прицепился ко мне и попытался было настоять на осмотре, но переубедить его я сумел без труда. Я заверил, что меня осмотрит отец, и он отстал. На большинство людей действовала холодная уверенность. На большинство – но не на эту девушку, разумеется. Соответствует ли она норме хоть в чем-то?

Пока на нее надевали фиксирующий воротник – причем она раскраснелась от смущения, – я дождался, когда все отвлеклись, и потихоньку выправил краем стопы вмятину на бежевой машине. Только мои близкие заметили, чем я занят, и я услышал мысленное обещание Эмметта попозже проверить, не пропустил ли я еще какие-нибудь следы.

Благодарный ему за помощь и еще больше за то, что хотя бы Эмметт уже простил мне рискованный выбор, я почти успокоился к тому времени, как сел на переднее сиденье «скорой» рядом с Бреттом.

Шеф полиции прибыл еще до того, как Беллу погрузили в «скорую».

Несмотря на всю бессвязность мыслей отца Беллы, в могучих волнах паники и тревоги, которые исходили от него, потонуло почти все, о чем думали окружающие. Тревога, какую не выразить словами, и чувство вины хлынули от него во все стороны, едва он увидел свою единственную дочь на носилках.

Элис не преувеличивала, предупреждая меня, что убить дочь Чарли Свона значит убить и его самого.

Виновато склонив голову, я прислушался к его перепуганному голосу.

– Белла! – воскликнул он.

– Все хорошо, Чар… папа. – Она вздохнула. – Ничего со мной не случилось.

Ее заверения Чарли не успокоили. Он сразу же потребовал подробного отчета у ближайшего из санитаров.

Лишь когда я услышал, как он изъясняется связными фразами, несмотря на всю свою панику, я понял, что его тревога и озабоченность отнюдь *не* бессловесны. Просто… в его мыслях слов я не различал.

Хм. Чарли Свон не настолько молчалив, как его дочь, но теперь ясно, откуда она унаследовала эту черту. Любопытно.

Мне ни разу не случалось подолгу находиться рядом с шефом городской полиции. И я привык считать его тугодумом, а теперь понял, что если кто здесь и соображает туговато, так это я. Его мысли скрыты особым образом, а не отсутствуют как таковые. Мне удавалось уловить только общее настроение, их оттенок.

Я прислушался, проверяя, сумею ли найти в этой новой, менее сложной головоломке ключ к тайнам Беллы. Но ее уже погрузили в машину, и «скорая» тронулась с места.

Было непросто отвлечься от возможной разгадки тайны, которая не давала мне покоя. Но мне предстояло о многом подумать, всесторонне рассмотреть все события этого дня. И вдобавок прислушиваться, продолжая убеждаться, что я не подверг нас всех такой серьезной опасности, из-за которой нам придется уехать немедленно. Требовалось сосредоточиться.

В мыслях санитаров я не нашел никаких причин для беспокойства. Насколько они могли судить, девушка почти не пострадала. А сама Белла пока придерживалась версии событий, на которой настоял я.

В больнице первым делом мне надо было разыскать Карлайла. Я бросился чуть ли не бегом в автоматически раздвинувшиеся двери, но прекратить наблюдения за Беллой полностью так и не смог. И если можно так выразиться, приглядывал за ней одним глазом, читая мысли санитаров.

Отыскать знакомые мысли отца было несложно. Я застал его одного в кабинете – вторая удача за этот злополучный день.

– Карлайл.

Он слышал мое приближение и, едва увидев мое лицо, встревожился. Вскочил, подался вперед над письменным столом с идеальным порядком на нем.

«*Эдвард… ты не?..*»

– Нет-нет, дело в другом.

Он испустил глубокий вздох.

«*Ну разумеется, нет. Извини, что мне такое в голову пришло. Конечно, надо было сразу догадаться – по твоим глазам*». Он с облегчением убедился, что глаза у меня все еще золотистые.

– Но она пострадала, Карлайл, может, и не опасно, но…

– Что произошло?

– Нелепая авария. Она оказалась не в том месте и не в то время. Не мог же я просто стоять столбом… и смотреть, как ее раздавят…

«*Давай по порядку, я не понимаю. Как вышло, что ты вмешался?*»

– Какой-то фургон занесло на льду, – шепотом начал я. Объясняясь, я смотрел в стену за его спиной. Вместо дипломов в рамках у него висела простая картина маслом – неизвестный Гассам. – Она стояла у него на пути. Элис видела, что произойдет, но времени осталось лишь на то, чтобы *пронестись* через всю стоянку и оттащить ее в сторону. Никто не заметил… кроме нее. Пришлось еще останавливать фургон, но и этого никто не видел, только она одна. Я… я виноват, Карлайл. Я не хотел подвергать нас опасности.

Он обошел вокруг стола, на краткий миг обнял меня и отступил.

«*Ты все сделал правильно. Тебе наверняка было нелегко. Я горжусь тобой, Эдвард*».

Только тогда я смог взглянуть ему в глаза.

– Она понимает, что со мной… что-то не так.

– Это не имеет значения. Если понадобится уехать, мы уедем. Что она сказала?

С легкой досадой я покачал головой:

– Пока ничего.

«*Пока?*»

– Она согласилась с моей версией событий, но ждет объяснений.

Он нахмурился, обдумывая мои слова.

– Она ударилась головой – в общем-то по моей вине, – поспешно добавил я. – Я с силой толкнул ее на землю. Вроде бы с ней все в порядке, но… Думаю, вызвать недоверие к ее словам будет несложно.

Произнося эти слова, я чувствовал себя негодяем.

Карлайл уловил омерзение в моем голосе.

«*Возможно, этого не понадобится. Посмотрим, что будет дальше, хорошо? А мне, похоже, надо осмотреть пациентку*».

– Будь так добр, – попросил я. – Боюсь, что я ей навредил.

Лицо Карлайла прояснилось. Он пригладил свои светлые волосы, всего несколькими оттенками светлее его золотистых глаз, и рассмеялся.

«*Занятный у тебя выдался день, верно?*» По его мыслям я видел, что он усматривает в случившемся иронию и юмор – по крайней мере, со своей точки зрения. Та еще смена ролей. За краткую бездумную секунду, пока я несся по обледеневшей парковке, я превратился из убийцы в защитника.

И я рассмеялся вместе с ним, вспоминая свою недавнюю уверенность в том, что Беллу если и нужно защищать, то прежде всего от меня. Смех прозвучал резковато: что бы там ни случилось с фургоном, насчет необходимости защиты я все еще был совершенно прав.

Я ждал, сидя один в кабинете Карлайла – самый длинный и нудный час за всю мою жизнь – и прислушиваясь к больничному гулу мыслей.

Тайлер Кроули, сидевший за рулем того фургона, пострадал, кажется, сильнее, чем Белла, и пока она ждала рентгена, все внимание медики переключили на него. Карлайл держался в стороне, доверив помощникам провести диагностику и убедиться, что девушка в порядке. Я беспокоился, но понимал, что он действует правильно. Едва взглянув ему в глаза, она неизбежно вспомнила бы обо мне, о том, что с моей семьей что-то не так, в итоге могла разговориться.

Между тем разговорчивый собеседник для нее уже нашелся. В приступе раскаяния за то, что чуть не угробил ее, Тайлер болтал без умолку. Я видел его глазами выражение ее лица и понимал, как ей хочется, чтобы он наконец заткнулся. Как он мог этого не замечать?

Напряженный для меня момент возник, когда Тайлер спросил, как ей удалось увернуться.

Я замер в ожидании, она медлила с ответом.

«*Эмм…* – услышал я ее голос. Пауза так затянулась, что Тайлер уж решил, что смутил ее вопросом. Наконец она договорила: – *Меня Эдвард оттащил*».

Я выдохнул. А потом мое дыхание стало учащенным. Я впервые услышал от нее мое имя. И мне понравилось, как оно прозвучало, хоть я и слышал его всего лишь в мыслях Тайлера. Как бы мне хотелось услышать самому…

«*Эдвард Каллен*», – пояснила она, заметив, что Тайлер, кажется, не понял, кого она имеет в виду, и я вдруг обнаружил, что стою на пороге, взявшись за дверную ручку. Желание увидеть ее нарастало. Пришлось напомнить себе о том, как важно соблюдать осторожность.

«*Он стоял рядом со мной*».

«*Каллен?» – «Хм. Странно». – «А я его не заметил…» – «Готов поклясться, что…» – «Ого, вот это реакция! Как он, ничего?»*

«*Кажется, да. Он где-то здесь, но пришел сам, не на носилках*».

Я увидел, как ее лицо стало задумчивым, как усилились подозрения в ее глазах, но эти незначительные перемены прошли незамеченными для Тайлера.

«*Симпатичная*, – думал он чуть ли не с удивлением. – *Хоть и растрепанная. Не из тех, какие мне обычно нравятся, но… Надо бы куда-нибудь пригласить ее. Загладить вину за сегодняшнее*».

К тому времени я был уже в коридоре и на полпути к палате экстренной помощи, ни на секунду не задумавшись о том, что делаю. К счастью, медсестра опередила меня – пришла очередь Беллы отправляться на рентген. Я прижался к стене в темной нише за углом и постарался взять себя в руки, пока Беллу увозили в кресле.

Дело было вовсе не в том, что Тайлер счел ее симпатичной. Это замечали все. Не по этой причине меня охватило чувство… но *какое* именно? Раздражение? Или «*злость*» ближе к истине? Но это же бред.

На своем месте я оставался так долго, как только мог, но нетерпение все же победило, и я двинулся в рентгенкабинет другим путем. Беллу уже увезли обратно в палату, но пока сестра отвлеклась, мне удалось мельком взглянуть на ее снимки.

И я немного успокоился. С головой у нее все было в порядке. Значит, я все-таки не навредил ей.

Там меня и разыскал Карлайл.

«*Выглядишь лучше*», – мысленно отметил он.

Я молча смотрел перед собой. Мы были не одни: в коридорах толпились сотрудники больницы и посетители.

«*А, да*. – Он прикрепил ее снимки к световому щиту, но я и без того уже успел все разглядеть. – *Ясно. С ней все в полном порядке. Молодчина, Эдвард*».

Отцовская похвала вызвала у меня смешанную реакцию. Я был доволен и вместе с тем понимал: он не одобрит то, что я собирался сделать дальше. По крайней мере, не одобрил бы, если бы знал мои истинные мотивы.

– Пожалуй, схожу поговорить с ней – пока она не увиделась с тобой, – еле слышно пробормотал я. – Естественный поступок, будто ничего и не было. Сглажу впечатление.

Вполне весомые причины.

Карлайл рассеянно кивнул, продолжая изучать снимки:

– Хорошая мысль. Хмм…

Я присмотрелся, пытаясь понять, что вызвало его интерес.

«*Ты только посмотри на все эти перенесенные сотрясения! Сколько же раз мать роняла ее?*» – Карлайл засмеялся собственной шутке.

– Мне уже кажется, что этой девчонке просто не везет по жизни. Вечно она оказывается в неподходящем месте не в то время.

«*Форкс – определенно неподходящее место для нее, пока ты здесь*».

Я вздрогнул.

«*Иди первым. Смягчи впечатление. А я подойду через минуту*».

Я быстро и виновато удалился. Наверное, я наловчился слишком умело врать, если сумел провести даже Карлайла.

Когда я вошел в палату, Тайлер все еще что-то мямлил, продолжая извиняться. Белла, чтобы не выслушивать его раскаяния, притворялась спящей. Ее глаза были закрыты, но дыхание не выровнялось и пальцы время от времени нетерпеливо подрагивали.

Долгую минуту я вглядывался в ее лицо. Пока не подумал, что вижу ее в последний раз. При этой мысли грудь пронзила острая боль. Может, потому, что я терпеть не могу головоломки, оставшиеся неразгаданными? Объяснению недоставало убедительности.

Наконец я сделал глубокий вдох и подошел ближе.

Увидев меня, Тайлер что-то попытался сказать, но я приложил палец к губам.

– Она спит? – шепотом спросил я.

Белла вдруг открыла глаза и уставилась мне в лицо. Сначала ее глаза были широко раскрыты, потом она прищурилась – сердито или подозрительно. Я вспомнил, что должен придерживаться своей роли, поэтому улыбнулся, будто этим утром не случилось ничего особенного, разве что она ударилась головой и у нее слегка разыгралось воображение.

– Слушай, Эдвард, – заговорил Тайлер, – ты извини…

Я вскинул руку, прерывая его извинения.

– «Нет крови – нет фола», – иронично произнес я. И, не подумав, слишком широко улыбнулся шутке, весь смысл которой был понятен только мне.

Тайлер передернулся и отвел глаза.

Оказалось на удивление просто не обращать внимания на Тайлера, который лежал на расстоянии пары шагов от меня, и его глубокие раны все еще сочились кровью. Раньше я никак не мог понять, как Карлайлу это удается – не замечать крови пациентов, чтобы лечить их. Не может быть, чтобы этот постоянный соблазн не отвлекал его и не подвергал опасности. Но теперь… мне стало ясно: стоит только сосредоточиться на чем-нибудь *по-настоящему*, соблазн перестает действовать.

Даже свежая кровь Тайлера, оказавшаяся на самом виду, не шла ни в какое сравнение с кровью Беллы.

Сохраняя дистанцию между нею и мной, я присел на кровать в ногах Тайлера.

– Ну, каков вердикт? – спросил я у нее.

Она чуть выпятила нижнюю губу.

– Все хорошо, а они меня не отпускают. А тебя почему не привязали к носилкам?

Ее нетерпеливость вновь вызвала у меня улыбку.

Я слышал, что Карлайл уже в коридоре.

– Меня здесь знают, – беззаботно объяснил я. – Не бойся, я пришел освободить тебя.

Пока мой отец входил в палату, я наблюдал за реакцией Беллы. Ее глаза округлились, рот удивленно приоткрылся. Я внутренне застонал. Да, она несомненно заметила сходство.

– Итак, мисс Свон, как вы себя чувствуете? – спросил Карлайл. Благодаря своему удивительному умению находить подход к пациентам ему моментально удавалось расположить их к себе. Но как оно подействовало на Беллу, я так и не понял.

– Замечательно, – негромко ответила она.

Карлайл прицепил ее снимки к световому щиту у койки.

– Снимки хорошие. Голова не болит? Эдвард сказал, что вы сильно ударились головой.

Она вздохнула и повторила, что «с головой все замечательно», на этот раз в голосе проскользнуло раздражение. В мою сторону она бросила сердитый взгляд.

Карлайл шагнул к ней и осторожно прощупывал череп, пока не обнаружил шишку под волосами.

Эмоции обрушились на меня лавиной и застали меня врасплох.

Я тысячи раз видел, как Карлайл работает с людьми. Много лет назад я даже неофициально ассистировал ему – правда, лишь в тех случаях, когда не приходилось иметь дело с кровью. Поэтому для меня было не в новинку наблюдать, как он общается с пациентами, словно он такой же человек, как и они. Много раз я завидовал его самообладанию, но нынешние эмоции были совсем другими. Я завидовал не только его умению владеть собой. Почти физическую боль вызывала разница между Карлайлом и мной, его способность прикасаться к ней так бережно, без страха, и твердо знать, что он ни в коем случае не причинит ей вред.

Она поморщилась, я вздрогнул. Пришлось сосредоточиться, чтобы вновь принять непринужденную позу.

– Болит? – спросил Карлайл.

Она чуть заметно вскинула голову.

– Почти нет.

Еще одна деталь из головоломки ее характера встала на свое место: она смелая. И не любит показывать слабость.

Пожалуй, более уязвимого существа я не видел за всю свою жизнь, а она не желала казаться слабой. Я невольно усмехнулся.

И удостоился еще одного негодующего взгляда.

– Ну что же, – сказал Карлайл, – можете ехать домой – ваш отец ждет в приемном покое. Но если закружится голова или появятся проблемы со зрением, немедленно приезжайте.

Ее отец здесь? Я бегло просмотрел мысли тех, кто ждал в переполненной приемной, но так и не успел различить среди них его негромкий мысленный голос, прежде чем она заговорила. Ее лицо стало озабоченным.

– А в школу можно?

– Сегодня вам лучше остаться дома, – посоветовал Карлайл.

Она стрельнула глазами в мою сторону.

– А *ему*, значит, можно в школу?

Веди себя нормально, сглаживай впечатление… не подавай виду, каково это – когда она смотрит тебе прямо в глаза…

– Кто-то же должен передать остальным, что мы живы, – подал голос я.

– Между прочим, – сообщил Карлайл, – почти вся школа здесь, в приемном покое.

На этот раз я предвидел, какой будет ее реакция, – вспомнил, как неприятно ей излишнее внимание окружающих. И она меня не разочаровала.

– О нет, – застонала она и закрыла лицо ладонями.

Приятно было наконец-то сделать верную догадку. Наконец-то начать понимать ее.

– Хотите остаться в палате? – спросил Карлайл.

– Нет-нет! – поспешно отозвалась она, сбросила ноги с кровати и соскользнула с нее на пол. И тут же потеряла равновесие, чуть не упав прямо в руки Карлайла. Он поддержал ее и помог выпрямиться.

И меня вновь захлестнула зависть.

– Все замечательно, – заверила она прежде, чем он успел высказаться, и на ее щеках проступил слабый розовый румянец.

Разумеется, Карлайл на него и внимания не обратил. Убедился, что она твердо стоит на ногах, и опустил руки.

– Выпейте тайленол от боли, – порекомендовал он.

– Боли почти нет.

Карлайл улыбнулся, расписываясь в ее карте.

– Похоже, вы на редкость удачливы.

Она слегка повернула голову и впилась в меня взглядом.

– Это Эдвард удачливый.

– А, да, – сразу же согласился Карлайл, различив в ее голосе то же, что и я. Списывать со счетов свои гипотезы как игру воображения она не торопилась. Пока еще нет.

«*У меня все*, – мысленно обратился ко мне Карлайл. – *Действуй, как сочтешь нужным*».

– Премного благодарен, – быстро и тихо шепнул в ответ я. Никто из людей меня не слышал. От моего саркастического тона губы Карлайла слегка дрогнули, пока он поворачивался к Тайлеру.

– А вам, к сожалению, придется у нас задержаться, – сказал ему Карлайл, приступая к осмотру неглубоких порезов, оставленных разбитым ветровым стеклом.

Что ж, я заварил кашу, значит, по всей справедливости мне ее и расхлебывать.

Белла решительно направилась ко мне и остановилась только когда подошла вплотную и от такой близости ей стало неуютно. Я вспомнил, как раньше, еще до того, как разразился хаос, хотел, чтобы она подошла ко мне. Желание сбылось, но в виде пародии на него.

– Поговорим? – шепотом спросила она.

Ее теплое дыхание овеяло мое лицо, мне пришлось отступить на шаг. Притягательность она не утратила нисколько. Каждый раз, оказываясь рядом, она пробуждала во мне самые худшие и низменные инстинкты. Во рту ощущался прилив яда, тело подбиралось для удара, готовилось сжать ее в объятиях и впиться ей в горло зубами.

Разум был сильнее тела, но ненамного.

– Тебя ждет отец, – напомнил я ей сквозь зубы.

Она оглянулась на Карлайла с Тайлером. Тайлер не вспоминал про нас, а Карлайл прислушивался к каждому моему вздоху.

«*Осторожнее, Эдвард*».

– Мне бы хотелось поговорить с тобой наедине, если не возражаешь, – понизив голос, настаивала она.

А мне хотелось сказать, что я решительно возражаю, но я понимал, что все равно придется. Лучше уж сразу покончить с этим разговором.

Переполненный противоречивыми чувствами, я вышел из палаты. За моей спиной слышались ее спотыкающиеся шаги, она пыталась не отставать.

Мне предстояло закатить сцену. Я знал, какую роль себе выберу, каким персонажем прикинусь – злодеем. Буду лгать, издеваться, проявлять жестокость.

Это противоречило моим лучшим порывам – тем человеческим порывам, за которые я цеплялся столько лет. Никогда еще мне не хотелось завоевать доверие так, как в этот момент, когда предстояло уничтожить все шансы на него.

Еще хуже было осознавать, что именно таким она меня и запомнит. Эта сцена должна стать прощальной.

Я обернулся к ней.

– Ну, чего тебе? – холодно спросил я.

От моей враждебности она чуть заметно сжалась. Взгляд стал растерянным, на лице возникло то самое выражение, которое неотступно преследовало меня.

– Ты обязан объясниться, – слабым голосом выговорила она. Вся кровь отхлынула от ее бледного лица.

Сохранить резкость тона было непросто.

– Я спас тебе жизнь и больше ничем не обязан.

Она вздрогнула, и смотреть, как ранят ее мои слова, было мучительно.

– Ты же обещал!

– Белла, у тебя ушиб головы. Ты сама не понимаешь, что говоришь.

Она вскинула голову.

– С головой у меня все в порядке.

Теперь она злилась и этим облегчила мне задачу. Я выдержал ее возмущенный взгляд, придав лицу холодное и жесткое выражение.

– Чего ты от меня хочешь, Белла?

– Хочу знать правду. Знать, зачем ты заставил меня врать.

Ее желание было совершенно законным, и необходимость отказывать ей вызывала у меня досаду.

– Ну и что, *по-твоему*, случилось? – чуть не рявкнул я.

Слова полились из нее потоком:

– Я помню только, что рядом со мной тебя не было, и Тайлер тоже тебя не видел, и не надо твердить, что это у меня от ушиба, голова тут ни при чем! Тот фургон должен был раздавить нас обоих, но не раздавил, а на боку у него остались вмятины от твоих ладоней и еще одна вмятина от тебя, на другой машине, а ты цел и невредим! И еще тот фургон должен был наехать мне на ноги, но ты задержал его и поднял… – Она вдруг судорожно стиснула зубы, и ее глаза заблестели от непролитых слез.

Я глядел на нее, всем видом выражая насмешливое пренебрежение, хотя на самом деле был восхищен: от нее ничто не ускользнуло.

– По-твоему, я поднял фургон?! – уточнил я, добавив в голос сарказма.

Она ответила кратким кивком.

Я продолжал еще более издевательским тоном:

– Ты же понимаешь: никто тебе не поверит.

Она попыталась сдержать чувства – кажется, это был гнев. А когда ответила, то намеренно отчеканила каждое слово:

– А я и не собираюсь никому об этом рассказывать.

Она не шутила – я видел это по ее глазам. Даже возмущенная предательством и разъяренная, она будет хранить мою тайну.

Но почему?

Потрясение подпортило тщательно продуманное выражение моего лица на целых полсекунды, но потом я опомнился.

– Тогда не все ли равно? – спросил я, стараясь говорить жестко.

– Мне – нет, – с жаром возразила она. – Не люблю врать, и ты должен привести очень убедительные аргументы для того, чтобы я сделала это.

Она просила меня довериться ей. Точно так же, как я хотел доверия от нее. Но эту черту я никак не мог переступить.

Мой голос звучал все так же непреклонно:

– Неужели нельзя просто сказать мне «спасибо» и покончить с этим?

– Спасибо, – бросила она, продолжая ждать и кипеть от ярости.

– Значит, не успокоишься?

– Нет.

– Ничего не поделаешь… – Я не мог сказать ей правду, даже если бы захотел… а я *не* хотел. Пусть лучше выдумает свою версию, чем узнает, кто я такой, потому что хуже этой правды не могло быть ничего: я – неупокоенный кошмар, прямо со страниц романа ужасов. – Вынужден тебя разочаровать.

Мы нахмурились, уставившись друг на друга.

Она вспыхнула, снова сжала зубы.

– Ну если так, зачем вообще было утруждаться?

Такого вопроса я не ждал и к ответу не подготовился. И выпал из роли, которую играл. Почувствовал, как маска соскальзывает с моего лица, и ответил правду – на этот раз:

– Не знаю.

Я в последний раз запечатлел в памяти ее лицо – оно все еще было гневным, кровь не успела отхлынуть от щек, – потом повернулся и зашагал прочь от нее.

Глава 4. Видения

Я вернулся в школу. Это был правильный поступок, наименее возбуждающий подозрения.

К концу учебного дня почти все вернулись на уроки. Отсутствовали только Тайлер, Белла и еще несколько человек – видимо, воспользовались аварией как предлогом, чтобы прогулять занятия.

Казалось бы, не должно быть ничего сложного в том, чтобы поступить правильно. Но весь день я скрипел зубами, сдерживая порывы, которые звали сорваться с уроков и меня – чтобы отыскать эту девушку.

Будто я сталкер. Одержимый сталкер. Одержимый сталкер-вампир.

В школе сегодня было еще скучнее, чем неделю назад, хотя вроде бы скучнее уже некуда. Прямо коматоз. Будто все краски смыли с кирпичных стен, деревьев, неба, лиц вокруг меня… И я глазел на трещины в стенах.

Было еще кое-что, что мне следовало предпринять… а я не стал. Конечно, это было неправильно. Но это смотря на чей взгляд.

С точки зрения Каллена – не вампира, а просто *Каллена*, принадлежащего к семье, такой редкости в нашем мире, – правильно было бы действовать примерно так:

«*Не ожидал увидеть тебя на уроке, Эдвард. Я слышал, ты попал сегодня утром в ту жуткую аварию*».

«*Да, попал, мистер Баннер, но мне повезло, – приветливая улыбка. – Я ничуть не пострадал. Жаль, что про Тайлера и Беллу этого не скажешь*».

«*Как там они?*»

«*Кажется, с Тайлером все в порядке… несколько неглубоких порезов осколками ветрового стекла. А вот насчет Беллы не уверен, – озабоченно нахмуренные брови. – У нее, кажется, сотрясение. Я заметил, какой бессвязной стала ее речь, ей даже что-то мерещилось. И врачи, насколько мне известно, тревожатся…*»

Вот что следовало бы сказать. Ради моей семьи.

– Не ожидал увидеть тебя на уроке, Эдвард. Я слышал, ты попал сегодня утром в ту жуткую аварию.

Никаких улыбок.

– Я не пострадал.

Мистер Баннер смущенно переступил с ноги на ногу.

– Ты не знаешь, как там Тайлер Кроули и Белла Свон? Я слышал, у них травмы…

Я пожал плечами:

– Откуда мне знать.

Мистер Баннер прокашлялся.

– Эмм, ну да… – пробормотал он, и под моим ледяным взглядом его голос прозвучал чуть натянуто.

Он торопливо прошел в переднюю часть класса и начал урок.

Вот этот поступок был неправильным. Если только не смотреть на него с менее очевидной точки зрения.

Просто слишком уж… непорядочно было оговаривать девушку за ее спиной, особенно потому, что она, как оказалось, заслуживала доверия в гораздо большей мере, чем я мог мечтать. Она ничем не выдала меня, несмотря на веские причины сделать это. И я должен ее предать, хотя она ничего не сделала мне – кроме как сохранила мою тайну?

Почти такой же разговор состоялся у меня с миссис Гофф – только не на английском, а на испанском, – и Эмметт удостоил меня внимательным взглядом.

«*Надеюсь, тебе есть чем объяснить все, что сегодня было. Роз готова рвать и метать*».

Я закатил глаза и отвернулся.

Вообще-то я уже продумал более чем убедительное объяснение. Предположим, я пальцем *не* шевельнул, чтобы остановить тот фургон, и он смял девушку в лепешку. При этой мысли я сжался. Но в этом случае, если бы ее изувечило, пролилась бы кровь, красная жидкость растекалась бы по асфальту, пропадая зря, запах свежей крови разносился бы в воздухе…

Меня снова передернуло, но не только от ужаса. Отчасти я содрогался от вожделения. Нет, я просто не смог бы смотреть, как она истекает кровью, и неизбежно выдал бы нас всех – гораздо более чудовищным и шокирующим образом.

Предлог выглядел идеально… но пользоваться им я бы не стал. Было слишком стыдно.

Так или иначе, мне в голову он пришел только спустя долгое время, постфактум.

«*Остерегайся Джаспера*, – продолжал Эмметт, не подозревая о моих раздумьях. – *Он не настолько зол… но настроен куда решительнее*».

Я увидел, что он имеет в виду, и на миг класс поплыл перед моими глазами. Вспышка ярости была настолько всепоглощающей, что мой мысленный взор заслонил красный туман. Я думал, что задохнусь в нем.

«*ЭДВАРД! ОСТЫНЬ!*» – закричал мне Эмметт мысленно. Его ладонь легла мне на плечо, удержав на месте прежде, чем я успел вскочить. Он редко пускал в ход всю свою силу, в этом почти никогда не было необходимости, так как он неизменно оказывался намного сильнее любого вампира, какого мы только встречали, – но теперь все-таки пустил. И стиснул мою руку, а не придавил меня к стулу. Иначе стул развалился бы подо мной.

«*ТИХО!*» – велел он.

Я попытался успокоиться, но это было непросто. Ярость пылала у меня в голове.

«*Джаспер ничего не станет предпринимать, если его не поддержим все мы. Я просто подумал, тебе следует знать, к чему он клонит*».

Я сосредоточился на расслаблении и вскоре почувствовал, как разжимаются пальцы Эмметта.

«*Постарайся больше не привлекать к себе внимания. Тебе и без того хватает проблем*».

Я глубоко вздохнул, Эмметт отпустил меня.

Привычно просмотрев мысли окружающих, я убедился, что наш краткий и безмолвный разговор заметили лишь несколько человек, сидящих позади Эмметта. Никто из них так ничего и не понял, поэтому они вскоре забыли об увиденном. У Калленов свои причуды – об этом все уже знали.

«*Черт возьми, парень, ну и влип же ты*», – сочувственно добавил Эмметт.

– Выкуси, – буркнул я и услышал его приглушенный смешок.

Эмметт злопамятным не был, и мне, вероятно, следовало с благодарностью принимать его покладистый нрав и доброжелательность. Но я видел, что он признает логику в намерениях Джаспера и сам задается вопросом, как было бы лучше их осуществить.

Еле обузданная ярость во мне продолжала бурлить. Да, Эмметт сильнее меня, но в поединке ему еще не удавалось одержать надо мной победу. Он утверждал, что я жульничал, но умение слышать чужие мысли – просто свойство, присущее мне, такое же, как его чудовищная сила. Так что мы с ним были на равных.

Поединок? Вот, значит, к чему идет дело? Мне предстоит драться с кем-то из моей *семьи* из-за человека, который мне едва знаком?

Я задумался об этом на минуту, вспомнил, каким хрупким казалось тело девушки в моих руках – по сравнению с Джаспером, Роз и Эмметтом, сверхъестественно сильными и быстрыми, убийцами по натуре.

Да, я бы сразился за нее. Против моей семьи. Я содрогнулся.

Но ведь это же несправедливо – оставить ее без защиты, если опасность ей грозит из-за меня!

Однако рассчитывать победить в одиночку я не мог, особенно против трех таких противников, и я прикинул, кто выступит на моей стороне.

Карлайл – безусловно. Ни с кем драться он не станет, но решительно выступит против замысла Роз и Джаспера. Именно это мне и требуется.

Эсме – вряд ли. Но не станет выступать и против меня, тем более что она терпеть не может возражать Карлайлу. Вместе с тем она поддержит любой план, который поможет ей сохранить всю семью. В приоритете у нее – не то, что правильно, а *я*. Если Карлайл – душа нашей семьи, то Эсме – ее сердце. Благодаря ему у нас есть лидер, за которым стоит следовать, благодаря ей это следование за лидером становится проявлением любви. Все мы любим друг друга: несмотря на всю ярость, мои чувства к Джасперу и Роз никуда не исчезли; собираясь вступить с ними в схватку ради спасения этой девушки, я понимал, что люблю их.

Элис… без понятия. Все зависит, наверное, от того, какой исход она увидит. Мне казалось, она встанет на сторону победителя.

Так что придется мне обходиться без помощи. Троим сразу я не соперник, но не допущу, чтобы эта девушка пострадала из-за меня. Значит, придется прибегнуть к маневру уклонения.

Внезапная вспышка черного юмора слегка притупила мою ярость. Я попытался представить, как отреагирует эта девушка, если я попробую похитить ее. Да, прогнозируя ее реакцию, я обычно ошибался, – но как еще она может воспринять происходящее, если не с ужасом?

Впрочем, я понятия не имел, как провернуть это похищение. Рядом с ней я все равно долго не продержусь. Может, стоило бы просто отвезти ее обратно к матери. И даже это решение чревато опасностью. Для нее.

И для меня тоже, вдруг осознал я. Если по неосторожности я убью ее… я не знал точно, сколько боли это мне причинит, но понимал, насколько она будет острой и многогранной.

Я и не заметил, как пролетело время, пока обдумывал предстоящие сложности: спор, ждущий меня дома, конфликт с близкими, насколько далеко мне придется зайти потом.

Ну что ж, по крайней мере, на скуку жизни *за пределами* школы посетовать я не мог. С появлением этой девушки многое изменилось.

После звонка мы с Эмметтом направились к машине молча. Он тревожился и за меня, и за Розали. Понимал, что выбора у него не будет, когда придется решать, на чьей он стороне, и это его беспокоило.

Остальные ждали нас в машине – тоже молча. Со стороны мы казались слишком молчаливой группой. Мысленные вопли слышал я один.

«*Кретин! Псих! Болван! Осел! Эгоист, безответственный дурак!*» – Розали осыпала меня потоком оскорблений во всю мощь внутреннего голоса. Она заглушала голоса остальных, но я старался пропускать ее крики мимо ушей.

Насчет Джаспера Эмметт оказался прав. В правильности своего решения он был уверен.

Элис волновалась, тревожилась за Джаспера, перебирала образы из будущего. С какой бы стороны Джаспер ни пытался подобраться к этой девушке, Элис всякий раз видела, как я преграждаю ему путь. Любопытно… ни Розали, ни Эмметта в этих видениях не было. Значит, Джаспер решил действовать в одиночку. Это уравнивало шансы.

Джаспер был самым лучшим и, безусловно, самым опытным бойцом из нас. Мое единственное преимущество заключалось в умении предвидеть его действия еще до того, как он совершит их.

С братьями я никогда не боролся иначе, чем в шутку, – ради разминки. При мысли о том, чтобы всерьез причинить вред Джасперу, меня замутило.

Нет, не так. Просто надо блокировать его удары. Вот и все.

Я занялся просмотром памяти Элис, запоминая направления, выбранные Джаспером для атаки.

Чем дольше я смотрел, тем чаще менялись видения, уводя все дальше и дальше от дома Свонов. Я перехватывал его еще на подступах.

«*Прекрати сейчас же, Эдвард!* – прикрикнула она. – *Этого не будет. Я не позволю*».

Не отвечая ей, я продолжал просмотр.

Она заглянула еще дальше вперед – в туманные, неопределенные сферы отдаленных возможностей. Здесь все было мутным и расплывчатым.

Напряженное молчание продлилось всю дорогу до дома. Я поставил машину в большой гараж. Рядом с «мерседесом» Карлайла в нем помещался огромный джип Эмметта, «М3» Роз и мой «ванкуиш». Хорошо, что Карлайл уже дома: это молчание грозило завершиться взрывом, и мне хотелось, чтобы Карлайл при этом присутствовал.

Мы направились прямиком в столовую.

Этой комнатой, разумеется, никогда не пользовались в тех целях, для которых она предназначалась. Но в ней стоял стол красного дерева – большой, в виде вытянутого овала, окруженный стульями: мы придирчиво следили за тем, чтобы обстановка выглядела как полагается. Карлайлу нравилось пользоваться столовой как конференц-залом. В группе, состоящей из таких сильных и разных личностей, порой было просто необходимо сесть и обсудить что-нибудь в спокойной обстановке.

Но меня не покидало ощущение, что сегодня пользы от этой обстановки будет немного.

Карлайл занял свое обычное место, у восточной оконечности стола. Эсме рядом с ним, оба сложили руки на столе.

Эсме не сводила с меня глаз, их золотистые глубины были полны тревоги.

«*Останься*». Только об этом она и думала. Она понятия не имела, что вот-вот должно начаться, просто беспокоилась за меня.

Как бы мне ни хотелось улыбнуться женщине, которую я искренне считал матерью, утешить ее пока мне было нечем.

Я сел по другую сторону от Карлайла.

Тот лучше представлял себе, что нас ждет. Его губы были плотно сжаты, лоб прорезали морщины. Выражение казалось слишком старческим для моложавого лица.

Пока все рассаживались, я видел, что границы уже проведены.

Розали села прямо напротив Карлайла, на другом конце длинного стола. И смотрела на меня в упор, не отводя глаз.

Эмметт устроился рядом с ней, с ироничным недовольством на лице и в мыслях.

Джаспер помедлил, затем остался стоять у стены за спиной Розали. Он уже принял решение независимо от того, чем кончится наш разговор. Я сжал зубы.

Элис вошла последней, сосредоточив взгляд на чем-то далеком – на будущем, все еще слишком неопределенном, чтобы она могла им воспользоваться. Не задумываясь, она села рядом с Эсме. Потерла ладонью лоб, будто ее мучила головная боль. Джаспер беспокойно дернулся, подумывая, не сесть ли рядом с ней, но остался на месте.

Я сделал глубокий вдох. С меня все началось – мне и говорить первым.

– Сожалею, – произнес я и посмотрел сначала на Роз, потом на Джаспера и на Эмметта. – Я не хотел подвергать риску никого из вас. Это было неосмотрительно, и я беру на себя всю полноту ответственности за свои опрометчивые действия.

Розали свирепо уставилась на меня.

– «Всю полноту ответственности» – то есть? Ты намерен все исправить?

– Не тем способом, который имеешь в виду ты. – Я старался, чтобы голос звучал ровно и негромко. – Еще до того, как все случилось, я собирался уехать. Вот теперь и уеду… – «*Если*

буду уверен, что этой девушке ничего не угрожает, – мысленно поправился я. – *Если буду знать, что никто из вас к ней не притронется*». – Ситуация разрешится сама собой.

– Нет, – пробормотала Эсме. – Нет, Эдвард.

Я похлопал ее по руке.

– Всего-то на несколько лет.

– Кстати, Эсме права, – заговорил Эмметт. – Уезжать тебе нельзя. Пользы это не принесет – совсем *напротив*. Теперь как никогда нам необходимо знать, о чем думают люди.

– Все самое важное заметит Элис, – возразил я.

Карлайл покачал головой:

– По-моему, Эмметт прав, Эдвард. Если ты исчезнешь, девушка с большей вероятностью проболтается. Уезжать надо либо всем нам, либо никому.

– Ничего она не скажет, – быстро заявил я. Роз была готова взорваться, и я хотел опередить ее, выложив свой козырь.

– Ты не знаешь, что у нее на уме, – напомнил мне Карлайл.

– Уж это я точно знаю. Элис, поддержи меня.

Элис устало подняла на меня глаза.

– Я не вижу, что будет, если мы просто сделаем вид, будто ничего не было. – Она переглянулась с Роз и Джаспером.

Да, разглядеть такое будущее она не могла – тем более что Розали и Джаспер уже твердо решили не оставлять случившееся без внимания.

Розали громко хлопнула по столу ладонью.

– Мы не можем допустить, чтобы у человека появился шанс хоть что-нибудь разболтать! Карлайл, ты-то *должен* это понимать. Даже если мы решим исчезнуть все вместе, оставлять за собой след из подобных историй небезопасно. Наша жизнь и так слишком отличается от жизни нам подобных, и вам известно, что они рады любому поводу направить на нас обвиняющий палец. Мы обязаны быть осторожными, как никто другой!

– Нам и раньше случалось оставлять за собой слухи, – напомнил я ей.

– Только слухи и подозрения, Эдвард. А не свидетелей и улики!

– Улики! – фыркнул я.

Но Джаспер согласно кивал, его взгляд стал жестким.

– Роз… – начал Карлайл.

– Дай мне договорить, Карлайл! Особых усилий даже не понадобится. Сегодня девчонка ударилась головой. Значит, травма вполне могла быть более серьезной, чем казалось поначалу. – Розали пожала плечами. – У каждого смертного, который ложится спать, есть шанс больше не проснуться. От нас ждут, что мы постараемся убирать за собой. Строго говоря, это работа Эдварда, но он с ней явно не справится. Вы же знаете, я умею владеть собой. И не оставляю улик.

– Да, Розали, все мы знаем, какой ты умелый убийца, – огрызнулся я.

Она зашипела на меня, на миг растеряв слова. Жаль, что ненадолго.

– Эдвард, прошу тебя, – вмешался Карлайл и повернулся к Розали. – Розали, в Рочестере я не стал вмешиваться, потому что понимал: тебе необходимо свершить правосудие. Те люди, которых ты убила, обошлись с тобой чудовищно. Но на этот раз дело обстоит иначе. Эта девочка Свон ни в чем не виновата.

– Ничего личного, Карлайл, – процедила сквозь зубы Розали. – Только чтобы защитить всех нас.

Ненадолго воцарилось молчание, Карлайл обдумывал ответ. А когда кивнул, у Розали загорелись глаза. Ей следовало быть умнее. Даже не имея возможности читать мысли Карлайла, я предвидел, какими будут его следующие слова. Карлайл никогда не поступался принципами.

– Я понимаю, что ты хочешь как лучше, Розали, но… Мне бы очень хотелось, чтобы наша семья была *достойна* защиты. Отдельные… инциденты или временная утрата контроля – прискорбное свойство нашей сущности. – Как ему было свойственно, он говорил обо всех, включая и себя, хотя сам никогда не терял самообладания даже на время. – Но хладнокровное убийство безвинного ребенка – совсем другое дело. Я считаю, что риск, который она для нас представляет – не важно, заговорит о своих подозрениях или нет, – не идет ни в какое сравнение с другим, гораздо более серьезным риском. Делая исключения ради самозащиты, мы рискуем кое-чем намного более важным. Рискуем потерять саму суть того, кто мы такие.

Я бдительно следил за выражением собственного лица. Усмешки сейчас были бы неуместны. И аплодисменты, как бы мне их ни хотелось.

Розали помрачнела.

– Это всего лишь ответственность.

– Это черствость, – мягко поправил Карлайл. – Каждая жизнь драгоценна.

Розали тяжело вздохнула и выпятила нижнюю губу. Эмметт потрепал ее по плечу.

– Все обойдется, Роз, – обнадежил он негромко.

– Вопрос в следующем, – продолжал Карлайл, – стоит ли нам переезжать.

– Не-ет, – застонала Розали. – Мы же только-только освоились! Не хочу снова начинать учебу со второго года в старших классах!

– Ты, конечно, могла бы остаться в нынешнем возрасте, – сказал Карлайл.

– А это обязательно – снова переезжать так сразу? – возразила она.

Карлайл пожал плечами.

– Мне здесь *нравится*! Солнца так мало, что мы почти как *нормальные*.

– Что ж, нам незачем принимать решение прямо сейчас. Можно подождать и посмотреть, появится необходимость в переезде или нет. По-видимому, Эдвард уверен, что эта девочка Свон будет молчать.

Розали фыркнула.

Но Роз меня больше не тревожила. Я видел, что она смирится с решением Карлайла, как бы ни злилась на меня. Разговор между ними перешел на несущественные подробности.

А вот Джаспер остался непреклонным.

И я понимал почему. До встречи с Элис он жил в зоне боевых действий, в условиях непрекращающейся войны. И знал, чем чревато нарушение правил – видел страшные последствия собственными глазами.

То, что он не пытался успокоить Розали, ссылаясь на свои возможности, и теперь даже не пробовал завести ее, о многом говорило. Он держался в стороне от обсуждения – был выше его.

– Джаспер, – произнес я.

Он встретился со мной взглядом, его лицо не выражало ничего.

– Она не поплатится за мою ошибку. Я этого не допущу.

– Значит, от этой ошибки она выиграет? Ей было суждено погибнуть сегодня, Эдвард. Я просто все исправлю.

Я повторил, отчеканивая каждое слово:

– *Я этого не допущу*.

Он вскинул брови. Такого он не ожидал, ему в голову не приходило, что я решу остановить его.

Он покачал головой:

– А я не допущу, чтобы Элис жила в постоянной опасности, какой бы незначительной она ни была. Ты ни к кому не относишься так, как я отношусь к ней, Эдвард, тебе не случалось пройти то, через что прошел я, и не важно, видел ты мои воспоминания или нет. Ты просто не понимаешь.

– Речь сейчас не об этом, Джаспер. Просто вот что я тебе скажу: я не позволю тебе причинить вред Изабелле Свон.

И мы воззрились друг на друга – не злясь, а оценивая меру сопротивления. Я чувствовал, как он проверяет мое настроение, мою решимость.

– Джазз, – прервала нас Элис.

Он не сводил с меня глаз еще некоторое время, потом повернулся к ней:

– Не трудись уверять меня, что сама сможешь за себя постоять, Элис. Это я уже знаю. И это ничего не меняет…

– Я не то хотела сказать, – перебила Элис. – Я собиралась попросить тебя об одолжении.

Я увидел, что у нее в мыслях, и разинул рот, громко ахнув. И потрясенно вытаращился на нее, лишь смутно осознавая, что остальные, кроме Элис и Джаспера, устремили на меня настороженные взгляды.

– Я знаю, что ты любишь меня. Спасибо. Но я была бы очень признательна, если бы ты не пытался убить Беллу. Во-первых, Эдвард настроен серьезно, а я не хочу, чтобы вы двое подрались. Во-вторых, она мой друг. По крайней мере, *будет* им.

Картинка у нее в голове виделась отчетливо, как сквозь стекло: улыбающаяся Элис ледяной белой рукой обнимала Беллу за теплые хрупкие плечи. И Белла тоже улыбалась, обняв Элис за талию.

Видение было прочным и устойчивым, вот только его время оставалось неопределенным.

– Но… Элис… – выговорил Джаспер. Я был не в силах повернуть голову, чтобы увидеть выражение на его лице. Не мог оторваться от образа в видениях Элис, чтобы услышать, о чем он думает.

– Когда-нибудь я буду любить ее, Джазз. И очень рассержусь на тебя, если ты не дашь этому случиться.

Я все еще был прикован к мыслям Элис. Смотрел, как дрожит и мерцает будущее по мере того, как слабеет решимость Джаспера от такой неожиданной просьбы.

– А-ах! – Она вздохнула: его нерешительность создала новое будущее. – Видишь? Белла и не собиралась ничего никому рассказывать. Беспокоиться незачем.

Имя этой девушки она произнесла так… будто отношения между ними уже были близкими и доверительными.

– Элис… – выдохнул я. – Что… все это?..

– Я же говорила тебе, что грядут перемены. Не знаю, Эдвард. – Она сжала зубы, и я понял, что она недоговаривает. Старается не думать о чем-то еще. Вдруг она старательно сосредоточилась на Джаспере, хотя тот был еще слишком растерян, чтобы принять окончательное решение.

К такому способу она прибегала, когда пыталась что-нибудь утаить от меня.

– Что там, Элис? Что ты скрываешь?

Я услышал, как заворчал Эмметт. Он всегда раздражался, когда мы с Элис заводили разговоры такого рода.

Она потрясла головой, стараясь не впускать меня.

– Это насчет нее? – допытывался я. – Насчет Беллы?

В предельной сосредоточенности она скрипела зубами, но когда я произнес имя Беллы, отвлеклась. Правда, всего на крошечную долю секунды, но и этого хватило.

– НЕТ! – выкрикнул я, услышал, как опрокинулся на пол мой стул, и только тогда понял, что вскочил.

– Эдвард! – Карлайл тоже был на ногах и сжимал мое плечо. Я не сразу заметил это.

– Оно закрепляется, – прошептала Элис. – С каждой минутой твоя решимость растет. Для нее осталось всего два пути. Тот или другой, Эдвард.

Я видел все то же, что и она… но не мог с этим смириться.

– Нет, – повторил я, но на этот раз в моем отрицании не было силы. Ноги подкосились, пришлось схватиться за край стола. Рука Карлайла повисла.

– *Так* бесит, – пожаловался Эмметт.

– Я должен уехать, – прошептал я Элис, не слушая его.

– Эдвард, мы ведь об этом уже говорили, – отозвался Эмметт. – Это верный способ побудить девчонку разговориться. И потом, если ты уедешь, мы не будем знать наверняка, проболталась она или нет. Тебе придется остаться и уладить дело.

– Я не вижу, чтобы ты куда-нибудь уехал, Эдвард, – сказала мне Элис. – И не знаю, *способен* ли ты еще.

«*Думай об этом*, – мысленно добавила она. – *Думай об отъезде*».

Я понял, что она имеет в виду. Да, мысль о том, чтобы расстаться с этой девушкой навсегда, оказалась… мучительной. Я уже ощущал эту боль – в больничном коридоре, где так грубо попрощался с ней. Но теперь отъезд был необходим как никогда. Я не мог примириться с будущим, на которое, по-видимому, обрек ее.

«*Я не совсем уверена насчет Джаспера, Эдвард*, – мысленно добавила Элис. – *Если ты уедешь, а он решит, что она опасна для нас…*»

– Этого я не слышу, – возразил я, лишь смутно осознавая присутствие остальных. Джаспер все еще колебался. Но он не решился бы на то, что причинит боль Элис.

«*Не прямо сейчас. Ты готов рискнуть ее жизнью, оставив ее беззащитной?*»

– Зачем ты так со мной? – Я застонал, уронив голову на руки.

Я Белле не защитник. Я просто не могу быть им. Неужели мало такого доказательства, как два варианта будущего, которые увидела Элис?

«*Я тоже ее люблю. Или полюблю. Это не одно и то же, но из-за этого мне хочется, чтобы она была рядом*».

– Любишь ее? *Тоже?* – прошептал я, не веря своим ушам.

Она вздохнула.

«*Какой же ты слепой, Эдвард. Неужели не видишь, куда идешь? Не видишь, к чему уже пришел? Это же неизбежность – такая же, как восход солнца завтра утром. Посмотри, что вижу я…*»

Ужаснувшись, я потряс головой:

– Нет, – и попытался отогнать видения, которыми она делилась со мной. – Мне незачем идти этим путем. Я уеду. Я *все же* изменю будущее.

– Попробуй, – скептически откликнулась она.

– Ой, *да хватит уже*! – взвыл Эмметт.

– Не отвлекай, – зашипела на него Роз. – Элис видит, как он влюбляется в *человека*! Эдвард в своем репертуаре! – И она изобразила приступ рвоты.

Но я почти не слушал ее.

– Что? – вскинулся Эмметт. И его рокочущий хохот разнесло по комнате эхо. – Так, значит, вот что происходит? – Он снова засмеялся. – Вот так облом, Эдвард.

Я почувствовал, как он взял меня за руку, но машинально оттолкнул ее, не в силах отвлекаться на него.

– В *человека*? – ошеломленно повторила Эсме. – В ту девушку, которую он спас сегодня? *Влюбляется* в нее?

– Что ты видишь, Элис? Конкретно? – спросил Джаспер.

Она повернулась к нему. Я продолжал оцепенело глазеть на ее профиль.

– Все зависит от того, окажется ли он достаточно сильным. Или он убьет ее сам… – она повернулась и встретилась со мной негодующим взглядом, – и этим *страшно* разозлишь меня, Эдвард, не говоря уже о том, каково будет *тебе*… – и она продолжала, обращаясь к Джасперу: – Или когда-нибудь она станет одной из нас.

Кто-то ахнул. Я не обернулся, чтобы посмотреть кто.

– Этого не будет! – Я опять сорвался на крик. – Ни того ни другого!

Элис словно не слышала меня.

– Все зависит от того, – повторила она, – окажется ли он настолько сильным, чтобы не убить ее – может, *и так*, но удержится чудом. Понадобится поразительная выдержка, – задумчиво продолжала она, – даже лучше, чем у Карлайла. Если же он недостаточно силен, ему останется только держаться подальше от нее. А это гиблое дело.

У меня пропал дар речи. И остальные, видимо, тоже не знали, что сказать. В столовой стало тихо.

Я не сводил глаз с Элис, а вся семья – с меня. И я видел ужас на своем лице с пяти разных точек.

После долгого молчания Карлайл вздохнул:

– Ну что ж, это… осложняет положение.

– Да уж, – согласился Эмметт. Судя по голосу, его все еще тянуло расхохотаться. Только Эмметт умел усмотреть повод для смеха в крушении моей жизни.

– Впрочем, планы, полагаю, остаются прежними, – задумчиво продолжал Карлайл. – Подождем и посмотрим. Безусловно, никто не станет… причинять девушке вред.

Я окаменел.

– Да, – негромко подтвердил Джаспер. – С этим я могу согласиться. Если Элис видит всего два пути…

– Нет! – Я издал не вопль, не рык и не стон отчаяния, а нечто среднее между ними. – Нет!

Мне требовалось уйти, отдалиться от шума их мыслей – праведного негодования Розали, веселья Эмметта, неиссякающего терпения Карлайла…

И от кое-чего похуже: уверенности Элис. И веры Джаспера в ее уверенность.

И от самого худшего: *радости* Эсме.

Я двинулся прочь из комнаты, Эсме потянулась к моей руке, когда я проходил мимо, но я сделал вид, что не заметил.

На бег я перешел еще раньше, чем покинул дом. Одним прыжком перелетел через газон вместе с рекой и устремился в лес. Снова начался дождь, и такой сильный, что я промок за считаные секунды. Мне нравилась плотная водяная завеса, стеной отгораживающая меня от остального мира. Она смыкалась вокруг меня, давала побыть одному.

Я бежал на восток, через горы и дальше, никуда не сворачивая, и так продолжалось, пока впереди, по другую сторону залива, не показались призрачные огни Сиэтла. Я остановился, не приближаясь к границам цивилизованного человеческого мира.

Окутанный дождем, совершенно один, я наконец заставил себя взглянуть на то, что натворил, – на то, как изувечил будущее.

Прежде всего – на видение Элис и этой девушки, которые гуляли в обнимку по лесу у школы: этот образ прямо-таки излучал доверие и дружбу. Взгляд огромных шоколадных глаз Беллы в этом видении был хоть и не смущенным, но все еще полным тайн, и в этот момент ее тайны казались радостными. От прикосновения холодной руки Элис она не вздрагивала.

Что это означает? Что ей известно? В этой застывшей картинке из будущего что она думает обо *мне*?

Затем появился другой образ, удивительно похожий, но на этот раз окрашенный ужасом. Элис и Белла на передней веранде нашего дома, по-прежнему обнявшиеся жестом доверия и дружбы. Но теперь их руки были одинаковыми – белыми, гладкими, как мрамор, твердыми, как сталь. А глаза Беллы уже не имели оттенка шоколада. Радужки ошеломляли насыщенным багрянцем. Тайны в этих глазах казались непостижимыми – приятие или опустошенность? Невозможно определить. Ее лицо было холодным и бессмертным.

Я содрогнулся. И не смог удержаться от вопросов – схожих, но других: что это значит, когда это произойдет? И что она думает обо мне теперь?

На последний вопрос я мог ответить. Если это я втянул ее в такое пустое полусуществование, втянул своей слабостью и эгоизмом, она наверняка ненавидит меня.

Но было и другое видение, еще ужаснее предыдущего, хуже, чем все, что мне доводилось держать в памяти.

Мои глаза, густо-багровые от человеческой крови, глаза чудовища. Обмякшее тело Беллы в моих руках – пепельно-белое, обескровленное, безжизненное. Такой отчетливый, такой ясный образ.

Видеть его было невыносимо. Я не мог на него смотреть. Пытался изгнать его из памяти, увидеть хоть что-нибудь другое. Силился снова разглядеть выражение на ее живом лице, заслонившем картину последней главы моего существования. Все напрасно.

Мрачное и тоскливое видение Элис вставало передо мной, и я внутренне корчился от вызванной им агонии. А тем временем чудовище во мне переполнялось злорадством, ликовало при виде вероятности своего успеха. Внушало мне отвращение.

Этого никак нельзя допустить. Должен быть способ избежать такого будущего. Я не дам видениям Элис направлять меня. Я могу выбрать другой путь. Выбор есть всегда.

Его не может не быть.

Глава 5. Приглашения

Школа. Уже не чистилище, а самое пекло. Адские муки и пламя… да, мне досталось и то и другое.

Теперь я все делал как полагается. Расставлял все точки над «i», выписывал каждую букву. Никто не смог бы посетовать, что я уклоняюсь от своих обязанностей.

Для того чтобы порадовать Эсме и защитить остальных, я остался в Форксе. Вернулся к прежнему распорядку. Охотился не больше остальных. Каждый день ездил в школу и изображал человека. Каждый день внимательно прислушивался, не говорят ли чего-нибудь нового о Калленах, – и ничего нового не замечал. Эта девушка ни словом не обмолвилась о своих подозрениях. Только повторяла одно и то же – я стоял рядом с ней и успел ее оттащить, – пока даже самым любопытным слушателям это не наскучило и они не перестали выспрашивать подробности. Опасность отсутствовала. Мои необдуманные поступки никому не причинили вреда.

Никому, кроме меня самого.

Я был полон решимости изменить будущее. Не самая легкая задача, какую можно поставить перед собой, но другого выхода, с которым я мог бы примириться, у меня не было.

Элис говорила, что мне может не хватить силы, чтобы держаться в стороне от этой девушки. Я решил доказать, что она ошиблась.

Я думал, труднее всего будет в первый день. К его завершению я в этом уже не сомневался. И все-таки ошибся.

Мучительно было осознавать, что придется ранить ее чувства. В утешение я твердил себе, что эта боль – не что иное, как булавочный укол, легкий укус уязвленного самолюбия по сравнению с моей. Белла – человек, ей известно, что я – нечто иное, нечто неправильное, нечто пугающее. Вероятнее всего, она не обидится, а вздохнет с облегчением, увидев, что я отвернулся с таким видом, будто ее вообще не существует.

– Привет, Эдвард, – поздоровалась она со мной в первый день после возвращения в школу, на биологии. Ее голос звучал приветливо и вежливо – поворот на все сто восемьдесят по сравнению с нашим предыдущим разговором.

Но почему? Что означали эти перемены? Неужели она забыла? Решила, что ей привиделось? И смогла простить меня, хоть я и не сдержал обещания?

Вопросы кололи и корежили меня, мучили, как жажда, нападающая с каждым вдохом.

Всего один раз взглянуть ей в глаза. Просто выяснить, смогу ли я прочесть в них ответы…

Нет. Даже этого мне нельзя себе позволить. Нельзя, если я намерен изменить будущее.

Я коротко кивнул, лишь слегка повернув подбородок в ее сторону и продолжая смотреть прямо перед собой. И сразу же отвернулся.

Больше она со мной не заговаривала.

Тем днем, как только уроки закончились и моя роль была сыграна, я пробежал полпути до Сиэтла, как днем раньше. Казалось, с болью справиться чуть легче, когда летишь над землей, так что все вокруг сливается в зеленоватую дымку.

Эти ежедневные пробежки вошли у меня в привычку.

Любил ли я ее? В этом я сомневался. Еще нет. Но проблески будущего, увиденного Элис, были еще свежи в моей памяти, и я понимал, насколько легко было бы влюбиться в Беллу. Это чувство напоминало бы падение – свершилось бы без всяких усилий. А не давать себе влюбиться в нее было все равно что удерживаться от падения, карабкаться по отвесной скале, переставлять одну руку за другой, – напряженная задача, как если бы я обладал лишь силой смертных.

Прошло больше месяца, и с каждым днем становилось труднее. Я ничего не понимал и все ждал, когда наконец свыкнусь, когда борьба будет даваться легче или хотя бы так же, как прежде. Должно быть, именно это подразумевала Элис, предсказывая, что я не смогу держаться в стороне от этой девушки. Она видела нарастание боли.

Но с болью я справлялся.

Я не разрушу будущее Беллы. Если мне суждено любить ее, значит, избегать ее – самое меньшее, что я могу сделать, разве не так?

Однако выяснилось, что избегать ее – значит почти достигать предела моих возможностей. Я мог делать вид, будто игнорирую ее, и не смотреть в ее сторону. Мог притворяться, что она меня не интересует. Но все-таки ловил каждый ее вздох, каждое сказанное ею слово.

Я не мог смотреть на нее собственными глазами, поэтому смотрел глазами всех, кто находился вокруг. Подавляющее большинство моих мыслей вращалось вокруг нее, будто она служила им центром притяжения.

Пока продолжался этот ад, я разделил свои муки на четыре вида.

Первые два были наиболее знакомыми. Ее запах и ее молчание. Или, скорее – чтобы взять всю ответственность на себя, как и подобало, – моя жажда и мое любопытство.

Жажда была самой примитивной из моих мук. В привычку у меня вошло просто не дышать весь урок биологии. Разумеется, всегда находились исключения – когда мне надо было ответить на вопрос учителя. Каждый раз воздух вокруг этой девушки оказывался точно таким же, как в первый день: огонь, потребность и грубая сила отчаянно рвались на волю. В такие моменты было трудно сдерживаться или хотя бы цепляться за здравый рассудок. И как в первый день, чудовище во мне ревело, едва не вырываясь на поверхность.

Любопытство было самой постоянной из мук. Меня почти неотступно преследовал вопрос: *о чем она думает* сейчас? Когда я слышал ее тихий вздох. Когда она в рассеянности навивала на палец прядь своих волос. Когда швыряла книги резче обычного. Когда опаздывала на урок. Когда нетерпеливо постукивала ступней по полу. Каждое ее движение, которое я улавливал периферическим зрением, превращалось в сводящую с ума загадку. Когда она говорила с другими учениками, с людьми, я подвергал анализу каждое ее слово, каждую интонацию. Говорит ли она то, что думает, или то, что должна? Мне часто казалось, что она пытается говорить то, чего ждут от нее слушатели, и это напоминало мне мою семью и иллюзию нашей повседневной жизни – она удавалась нам лучше, чем ей. Но ей-то зачем играть роль? Ведь она одна из них, человеческий подросток.

Вот только… порой она вела себя не так, как они. К примеру, когда мистер Баннер задал нам групповой проект по биологии. Обычно он разрешал ученикам самим выбирать себе напарников. Как всегда при раздаче групповых проектов самые смелые из учеников с амбициями, Бет Доуз и Николас Лагари, сразу позвали меня в свою группу. Я только пожал плечами, принимая приглашение. Они знали, что я безукоризненно выполню свою часть работы, а если они не справятся, то и не только свою.

Неудивительно было и то, что Майк объединился с Беллой. Но Белла неожиданно настояла, чтобы третьей в их группу вошла Тара Галвас.

Обычно мистеру Баннеру приходилось самому решать, к какой группе отнести Тару. Потому она скорее удивилась, чем обрадовалась, когда Белла похлопала ее по плечу и смущенно спросила, не хочет ли она поработать с ней и Майком.

– Без разницы, – отозвалась Тара.

Когда Белла вернулась на свое место, Майк зашептал ей:

– Да она вообще никакая. Не будет она ничего делать. По-моему, вообще завалит биологию.

Белла покачала головой и шепотом отозвалась:

– Об этом не беспокойся. Если она не будет успевать, подключусь я.

Майка это не успокоило.

– Зачем ты это сделала?

Я умирал от желания задать ей тот же вопрос, хоть и другим тоном.

Тара и вправду рисковала завалить биологию. Как раз об этом сейчас думал мистер Баннер, удивленный и тронутый выбором Беллы.

«*Этой ученице никто ни разу не дал ни единого шанса. Молодец, Белла – она добрее большинства здешних каннибалов*».

Неужели Белла заметила, что в классе Тара вечно оказывается изгоем? Я представить себе не мог другой причины, кроме душевной доброты, которая побудила Беллу к такому поступку, тем более при ее застенчивости. Интересно, насколько неловко ей было: видимо, в отличие от нее любой другой из присутствующих подошел бы к незнакомому человеку не задумываясь.

Зная, как Белла разбирается в биологии, я предположил, что оценка за этот проект спасет Тару от полного завала – по крайней мере, в этом учебном году. Так и получилось.

А тот случай в обеденный перерыв, когда Джессика и Лорен разговорились о самой заветной мечте из своего списка путешествий, которые надо успеть совершить за всю жизнь. Джессика выбрала Ямайку и сразу поняла, что проиграла, когда Лорен назвала в ответ Французскую Ривьеру. Тайлер влез с Амстердамом, имея в виду знаменитый район красных фонарей, и тут остальные начали высказываться наперебой. Я с нетерпением ждал, когда ответ даст Белла, но прежде чем Майк (который мечтал о Рио) задал ей вопрос, Эрик восторженно назвал «Комиккон», и все вокруг взорвались хохотом.

– Вот придурок, – прошипела Лорен.

Джессика заржала.

– Тот еще, да?

Тайлер закатил глаза.

– Девушки тебе не видать как своих ушей, – сказал Майк Эрику.

Сквозь шум вдруг послышался голос Беллы – не робкий, как обычно, а громкий.

– Нет, это круто, – заявила Белла. – Вот и я туда хочу.

Майк сразу дал задний ход.

– В смысле, бывают, конечно, крутые костюмы. Вроде рабыни Леи.

«*Вот кто меня за язык тянул?*»

Джессика и Лорен переглянулись и нахмурились.

«*Фу, нет уж*», – подумала Лорен.

– Обязательно надо будет съездить, – воодушевился Эрик, обращаясь к Белле. – Ну, то есть когда подкопим, чтоб хватило.

«*На «Комиккон» с Беллой! Еще лучше, чем на «Комиккон» одному…*»

Белла на секунду смутилась, но, заметив выражение на лице Лорен, подхватила:

– Ага, было бы неплохо. Но дорога, наверное, обойдется недешево, да?

Эрик пустился в перечисление цен на билеты и отели и объяснения, насколько выгоднее спать в машине. Джессика и Лорен вернулись к прерванному разговору, а Майку осталось только недовольно слушать Эрика и Беллу.

– Как думаешь, на машине туда добираться дня два или три? – спросил Эрик.

– Не представляю, – ответила Белла.

– Ну а сколько езды отсюда до Финикса?

– Можно и за пару дней добраться, – со знанием дела объяснила она. – Если готов проводить за рулем по пятнадцать часов в сутки.

– А до Сан-Диего вроде бы ближе, так?

Похоже, один я заметил, как над головой Беллы вспыхнула воображаемая лампочка.

– О да, Сан-Диего определенно ближе. Но все равно два дня точно уйдет.

Было ясно, что она даже не знала, где проводится «Комиккон». И вмешалась только для того, чтобы избавить Эрика от насмешек. Приоткрыла еще одну сторону своего характера – я не переставал пополнять свой список, – но теперь я никогда не узнаю путешествие ее мечты. Майк был почти так же разочарован, но об истинных мотивах Беллы даже не догадывался.

Такое часто случалось с ней: из своей тихой зоны комфорта она выходила лишь в тех случаях, когда замечала, что кому-то нужна помощь; переводила разговор, когда люди в кругу ее друзей проявляли жестокость друг к другу; благодарила учителя за урок, если он выглядел грустно и устало; меняла свой шкафчик на менее удобный, лишь бы две лучшие подруги разместились по соседству; особую улыбку приберегала не для своих самодовольных знакомых, а для тех, кого обижали. Мелочи, которые никогда не замечали ее воздыхатели и те, с кем она обычно общалась.

Благодаря всем этим мелочам я смог внести в свой список самое важное качество, самое значимое из всех, столь же простое, как и редкое. Белла была *хорошей*. Все остальное дополняло образ: и доброта, и скромность, и бескорыстие, и смелость, – но хорошей она была целиком и полностью. И никто, видимо, не подозревал об этом, кроме меня. Хотя Майк наблюдал за ней почти так же часто.

И вот еще одна самая неожиданная моя мука: Майк Ньютон. Кто бы мог подумать, что этот заурядный, скучный смертный способен привести в бешенство? Справедливости ради, мне следовало быть благодарным ему: он чаще других занимал Беллу разговорами. Слушая их, я многое узнал о ней, и тем не менее помощь Майка в этом проекте постоянно раздражала меня. Мне не хотелось, чтобы именно он выведывал ее секреты.

Хорошо еще, он никогда не замечал ее маленькие откровения, небольшие промахи. Он ничего не знал о ней. И создал у себя в воображении Беллу, которой не существовало в природе: девушку такую же заурядную, как он сам. Он не замечал бескорыстия и смелости, отличавших ее от других людей, не слышал удивительной зрелости ее высказанных мыслей. Не понимал, что о своей матери она говорит так, как родитель о ребенке, а не наоборот: с любовью, снисходительностью, легкой усмешкой и яростным стремлением оберегать. И не различал терпения в ее голосе, когда она изображала интерес к его бессвязным историям, и даже не догадывался, что за этим терпением скрывается сострадание.

Однако все эти полезные открытия так и не помогли мне проникнуться к этому малому симпатией. Он смотрел на Беллу таким взглядом собственника – как на приобретение, которое предстоит сделать, – что бесил меня им так же, как пошлыми фантазиями о ней. Со временем он чувствовал себя в ее присутствии все более уверенно, потому что она, казалось, предпочитала его тем, в ком он видел соперников, – Тайлеру Кроули, Эрику Йорки и даже временами моей персоне. Он повадился садиться на наш стол с ее стороны перед уроком биологии и болтал с ней, поощряемый ее улыбками. Она улыбается ему только из вежливости, уверял я себя. И все равно нередко развлекался, представляя, как ударом наотмашь отбрасываю его через весь класс к дальней стене. Пожалуй, травм, несовместимых с жизнью, такой удар ему все равно не нанесет…

Майк редко воспринимал меня как соперника. После той аварии он опасался, что мы с Беллой будем связаны узами пережитого, но вскоре понял, что общий опыт скорее рассорил нас. В то время его еще беспокоило, что именно Беллу из всех сверстниц я удостоил вниманием. Но теперь я игнорировал ее так же всецело, как и остальных, и Майк успокоился.

О чем она думает сейчас? Радуется его вниманию?

И наконец, последняя из моих мук ощущалась особенно болезненно: равнодушие Беллы. Как я игнорировал ее, так и она меня. И больше ни разу не попыталась заговорить со мной. Насколько мне было известно, она вообще обо мне не вспоминала.

Это свело бы меня с ума – или хуже того, сломило мою решимость, – если бы время от времени она не вглядывалась в меня так, как раньше. Сам я этого не видел, так как не позво-

лял себе смотреть на нее, но Элис всегда предупреждала нас; остальных все еще тревожила осведомленность этой девушки.

Боль немного приглушали ее периодические взгляды издалека. Разумеется, скорее всего она гадала, что я вообще за диво.

– Белла через минуту посмотрит на Эдварда. Постарайтесь выглядеть обычно, – предупредила Элис однажды в марте, во вторник, и остальные старательно принялись ерзать на своих местах.

Я обратил внимание на то, как часто Белла поглядывает в мою сторону. Ее взглядам я радовался, хотя и не следовало бы, и их частота со временем не снижалась. Я не знал, что это значит, но почему-то мне становилось легче, когда я об этом думал.

Элис вздохнула. «*Если бы…*»

– Лучше не начинай, Элис, – еле слышно шепнул я. – Этого не будет.

Она надулась. Элис не терпелось завязать с Беллой дружбу, которая представилась ей в видении. Как ни странно, она скучала по девушке, с которой даже не была знакома.

«*Признаться, держишься ты лучше, чем я думала. Ты добился, чтобы будущее снова стало туманным и бессмысленным. Надеюсь, ты доволен*».

– Для меня оно исполнено смысла.

Она тихонько фыркнула.

Я попытался заставить ее умолкнуть, на болтовню мне не хватало терпения. Вдобавок я был не в настроении, чересчур взвинченным, хоть и не подавал виду. Только Джаспер заметил, как я напряжен, чувствовал исходящий от меня стресс благодаря своей уникальной способности улавливать душевное состояние окружающих и влиять на него. Но причин моего состояния он не понимал, и поскольку в те дни я постоянно пребывал в дурном расположении, он редко обращал на это внимание.

Сегодня предстоял трудный день. Как повелось, труднее предыдущего.

Майк Ньютон собирался пригласить Беллу на свидание.

Не за горами был весенний бал, на который девушки обычно приглашали парней, и Майк всерьез рассчитывал, что Белла позовет его. Но так и не дождался, и это подорвало его уверенность в себе. Теперь же он очутился в щекотливом положении – его дискомфорту я радовался больше, чем следовало бы, – потому что Джессика Стэнли недавно пригласила его. Он не хотел соглашаться, все еще надеясь, что Белла выберет его (и тем самым подтвердит, что он победил прочих претендентов на ее внимание), но не хотел и отказывать, чтобы в конечном итоге не остаться совсем без приглашения. Уязвленная его замешательством, Джессика, догадавшись, в чем дело, мысленно метала молнии в Беллу. И опять-таки у меня возникло невольное желание оградить ее от гневных мыслей Джессики. Теперь-то я понимал, чем оно вызвано, но лишь сильнее досадовал, потому что не мог поступить, как подсказывал мне внутренний голос.

Подумать только, до чего я докатился! Зациклился на мелких школьных драмах, к которым раньше относился с полным презрением.

Майк собрался с духом, пока направлялся вместе с Беллой на биологию. В ожидании, когда они придут в класс, я следил за его беспомощными попытками. Каким же он оказался слабаком! Он давно ждал этот бал, но боялся, как бы она не узнала о его чувствах, пока не выкажет явное предпочтение ему. И вместе с тем чувствовал себя настолько уязвимым и не готовым к отказу, что право сделать первый шаг предоставлял ей.

Трус.

Он опять уселся на наш стол, успев за долгое время освоиться, а я вообразил, с каким звуком его тело шмякнется о противоположную стену так, что переломанным окажется большинство костей.

– Знаешь, – начал он, глядя в пол, – Джессика пригласила меня на весенний бал.

– Здорово, – сразу же с воодушевлением откликнулась Белла. Трудно было сдержать улыбку, пока Майк обдумывал ее тон. Он-то рассчитывал, что она расстроится. – С Джессикой тебе будет весело.

Скрипя мозгами, он подыскивал верный ответ.

– Мда… – Он замялся и уже готов был сбежать. Потом нашелся: – Я сказал ей, что подумаю.

– О чем же здесь думать? – откликнулась она. Тон был укоризненным, но с еле уловимым намеком на облегчение.

И что *это* значит? От неожиданно вспыхнувшей ярости мои пальцы сами собой сжались в кулаки.

Майк облегчения не уловил. Он густо покраснел – в приступе злости я воспринял эту вспышку как открытое приглашение, – снова уставился в пол и промямлил:

– Я просто подумал… а вдруг меня пригласишь ты.

Белла замялась.

В этот момент я увидел будущее отчетливее, чем когда-либо видела Элис.

Не важно, что сейчас ответит Белла на невысказанный вопрос Майка: рано или поздно она все равно скажет кому-нибудь «да». Она интересная, милая, и самцы человеческого рода это замечают. Удовлетворится она кем-нибудь из этой унылой толпы или дождется, когда покинет Форкс, – все равно настанет день, когда она *скажет* «да».

Я видел ее жизнь, как когда-то раньше, – колледж, работа… любовь, замужество. Видел ее под руку с отцом, в тонком белом платье, с разрумянившимся от радости лицом, идущую под звуки вагнеровского «Свадебного хора».

Боль, которую я ощущал, представляя себе это будущее, напомнила мне агонию трансформации. Она поглотила меня.

И не только боль, но и неприкрытая *ярость*.

Это бешенство жаждало выплеснуться хоть как-нибудь. Несмотря на то что этот ничтожный, не заслуживающий внимания малый никак не мог быть тем, кому Белла скажет «да», меня так и подмывало размозжить ему череп кулаком, сорваться на нем вместо того, другого, кем бы он ни был.

Этот взрыв эмоций я не понимал – так в нем смешались боль и бешенство, желание и отчаяние. Ничего подобного я еще никогда не чувствовал и даже не мог подобрать ему названия.

– Майк, ты должен принять приглашение Джессики, – мягко произнесла Белла.

Все надежды Майка улетучились. В других обстоятельствах я бы возликовал, но теперь мне не дали потрясение и угрызения совести за то, что сделали со мной боль и ярость.

Элис оказалась права. Я на самом деле *недостаточно* силен.

В эту минуту она наверняка следила, как раскручиваются и свиваются линии будущего, вновь становясь запутанными. Теперь она довольна?

– Ты уже пригласила кого-то? – надувшись, спросил Майк. И метнул взгляд в меня, заподозрив впервые за много недель. Только тогда я заметил, что невольно выдал свой интерес, склонив голову в сторону Беллы.

Неистовая зависть в его мыслях – зависть к тому, кого эта девушка предпочла ему, – внезапно дала название моим чувствам.

Я был одержим ревностью.

– Нет, – ответила Белла с чуть заметной усмешкой в голосе, – на бал я вообще не пойду.

Сквозь все мои терзания проступило облегчение от этих ее слов. Было неправильно и даже опасно считать соперниками, интересующимися Беллой, Майка и других смертных, но мне пришлось признать, что именно соперниками они для меня и стали.

– Почему? – резко спросил Майк. Его тон, обращенный к ней, показался мне оскорбительным. Я чуть не зарычал.

– В ту субботу я еду в Сиэтл, – ответила она.

Любопытство теперь уже не казалось мне настолько порочным, как прежде, – теперь, когда я твердо решил разобраться во всем. Скоро я узнаю причины нового откровения.

Голос Майка стал неприятно вкрадчивым:

– А в другие выходные съездить нельзя?

– К сожалению, нет, – теперь Белла говорила отрывисто. – Так что не заставляй Джесс ждать, это невежливо.

Ее забота о чувствах Джессики раздула во мне пламя ревности. Эта поездка в Сиэтл явно была предлогом для отказа – неужели только из преданности подруге? Она и без того более чем альтруистична. Неужели на самом деле ей хотелось согласиться? Или оба предположения ошибочны? И она заинтересована в ком-то другом?

– Ага, верно, – промямлил Майк, настолько приунывший, что я почти пожалел его. Почти.

Он отвел взгляд от Беллы, чем помешал мне смотреть на нее сквозь его мысли.

Мириться с этим я не собирался.

И повернулся, чтобы посмотреть на нее сам – в первый раз за месяц с лишним. Позволив себе это, я испытал острое облегчение. И представил себе, что то же чувство вызвал бы лед, прижатый к горящему ожогу. Внезапное прекращение боли.

Ее глаза были закрыты, ладони прижаты к щекам. Она сутулилась, будто старалась защититься. И еле заметно покачивала головой, будто пыталась вытеснить из нее какие-то мысли.

Раздражала. Завораживала.

Голос мистера Баннера вывел ее из задумчивости, глаза медленно открылись. И она сразу уставилась на меня, наверное, почувствовав мой взгляд. Вгляделась мне в глаза с тем же растерянным выражением, которое так долго не давало мне покоя.

В ту секунду я не чувствовал ни раскаяния, ни вины, ни ярости. Я знал, что они еще вернутся, притом скоро, но в тот момент переживал странный, беспокойный душевный подъем. Будто одержал победу вместо того, чтобы проиграть.

Она не отводила взгляда, хотя я глазел на нее с неуместной пристальностью, тщетно пытаясь прочесть отголоски ее мыслей в этих прозрачных карих глазах. Но их переполняли не ответы, а вопросы.

Я видел отражение своих глаз, черных от жажды. В прошлый раз я выходил на охоту почти две недели назад: не самый подходящий день, чтобы позволить силе воли подвести меня. Но чернота, похоже, не отпугнула ее. Она все еще не отворачивалась, и на ее коже начал проступать нежный, катастрофически притягательный румянец.

«*О чем ты думаешь сейчас?*»

Я чуть не задал этот вопрос вслух, но в этот момент мистер Баннер назвал меня по фамилии. Я выудил верный ответ из его головы, коротко взглянув в его сторону и успев сделать быстрый вдох.

– Цикл Кребса.

Жажда опалила мне горло, напрягла мускулы, наполнила рот ядом, и я закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться, несмотря на вожделение к ее крови, бушующее во мне.

Чудовище окрепло, набралось сил и ликовало. Приветствовало двойное будущее, в котором ему представлялись шансы пятьдесят на пятьдесят – на то, к чему влекла его яростная алчность. Третье, неопределенное будущее, которое я пытался построить с помощью одной только силы воли, рухнуло – было погублено не чем-нибудь, а заурядной ревностью, – и теперь чудовище подступило еще ближе к своей цели.

Теперь меня сжигала не только жажда, но и вина с раскаянием, и если бы я мог вырабатывать слезы, сейчас мои глаза были бы полны ими.

Что же я натворил?

Зная, что битва уже проиграна, я не видел причин отказываться от желаемого. И я повернулся, чтобы снова посмотреть на эту девушку.

Она спряталась за завесой волос, но я разглядел, что ее щека ярко пылает.

Чудовищу это понравилось.

Она не ответила мне взглядом, но нервно затеребила пальцами прядь своих темных волос. Тонкие пальцы, узкое запястье – такие ломкие, непрочные, кажется, способные сломаться от одного моего дыхания.

Нет, нет, нет. Я так не могу. Она слишком хрупкая, слишком хорошая, слишком драгоценная, она этого не заслуживает. Я не допущу, чтобы моя жизнь пересеклась с ее жизнью и разрушила ее.

Но и держаться от нее в стороне я тоже не мог. В этом Элис была права.

Чудовище во мне шипело от досады, а я продолжал борьбу.

Мой краткий час рядом с ней прошел слишком быстро, пока я терзался между двух огней. Прозвучал звонок, она принялась собирать книги, не глядя на меня. Я был разочарован, но едва ли мог рассчитывать на что-то другое. За то, как я обращался с ней после аварии, я не заслуживал прощения.

– Белла! – не сумев сдержаться, позвал я. От моей силы воли остались жалкие осколки.

Она помедлила, прежде чем взглянуть на меня. А когда повернулась, ее лицо было подозрительным и настороженным.

Пришлось напомнить себе, что у нее есть все причины не доверять мне. Так мне и надо.

Она ждала продолжения, а я только смотрел на нее, вчитываясь в ее лицо. И время от времени понемногу втягивал воздух ртом, борясь с жаждой.

– Ну что? – наконец спросила она резковатым тоном. – Мы снова разговариваем?

Я не знал, как ей ответить. И вправду, разговаривал ли я с ней снова в том смысле, который имела в виду она?

Нет, если у меня получится. И я постараюсь сделать так, чтобы получилось.

– Вообще-то нет, – сказал я.

Она прикрыла глаза, и от этого стало труднее. Я лишился лучшего из возможных доступа к ее чувствам. Она медленно и протяжно вздохнула, не открывая глаз, и спросила:

– Тогда что тебе нужно, Эдвард?

Нет, нормальным человеческим разговором это не назовешь. Почему она так себя ведет?

И как ей ответить?

Сказать правду, решил я. Отныне я буду с ней настолько откровенным, насколько смогу. Не хочу вызвать у нее недоверие, даже если заслужить ее доверие невозможно.

– Извини, – произнес я. Она вряд ли могла понять, каким виноватым я в самом деле чувствовал себя. Увы, извиняться за что-нибудь еще, кроме мелочей, было небезопасно. – Понимаю, я веду себя грубо. Но так будет лучше.

Она открыла глаза, они все еще смотрели настороженно.

– Не понимаю, о чем ты.

Я попытался предостеречь ее так убедительно, как только мог:

– Нам лучше держаться друг от друга подальше. – Наверняка она уже поняла это сама. Ведь она неглупа. – Просто поверь мне.

Она зажмурилась, и я вспомнил, что уже говорил ей нечто подобное – прямо перед тем, как нарушил обещание. И поморщился, услышав, как звучно щелкнули, сжимаясь, ее зубы: она тоже вспомнила.

– Какая жалость, что ты додумался до этого так поздно, – сердито откликнулась она. – А то не пришлось бы сожалеть.

Я потрясенно смотрел на нее. Откуда она знает о моих сожалениях?

– Сожалеть? Сожалеть о чем? – потребовал ответа я.

– Что не дал этому дурацкому фургону размазать меня по стоянке! – выпалила она.

Я замер в изумлении.

Как она могла подумать *такое*? Спасение ее жизни было единственным приемлемым поступком, какой я совершил с тех пор, как встретил ее. Единственным, чего я не стыдился, – наоборот, радовался тому, что вообще существую. Я боролся за ее жизнь с того самого момента, как впервые уловил ее запах. Как же она могла сомневаться в единственном добром деянии, которое я совершил во всей этой сумятице?

– Думаешь, я сожалею о том, что спас тебе жизнь?

– Я не думаю, я *знаю*, – возразила она.

Меня возмутила ее оценка моих намерений.

– Ничего ты не знаешь.

Насколько непостижима и запутанна работа ее разума! Наверняка она мыслит совсем не так, как другие люди. Должно быть, этим и объясняется тишина в ее мыслях. Она совершенно иная.

Она резко отвернулась, снова скрипнула зубами. Ее щеки раскраснелись – на этот раз от гнева. Стукнув книгами по столу, чтобы подровнять стопку, она схватила их в охапку и широкими шагами направилась к двери, больше не взглянув на меня.

Несмотря на все мое раздражение, чем-то ее гневная вспышка смягчила меня. Я так и не понял, чем именно, но в ее возмущении было что-то… милое.

Она шагала скованно, не глядя под ноги, и зацепилась за выступ порога. Все, что она держала в руках, разлетелось по полу. Но вместо того чтобы наклониться и подобрать свои книги, она застыла, даже не смотрела на них, словно сомневалась, стоит ли их собирать.

Рядом не было никого, кто бы мог наблюдать за мной. Подскочив к ней, я сложил ее книги в стопку еще до того, как она успела понять, что произошло.

Она наклонилась, увидела меня и застыла. Я вручил ей книги, стараясь, чтобы моя ледяная кожа не коснулась ее.

– Спасибо, – резко и холодно произнесла она.

– Пожалуйста, – мой голос все еще звучал раздраженно после недавнего разговора, но прокашляться и повторить попытку я не успел: она рывком выпрямилась и широкими шагами направилась на следующий урок.

Я смотрел ей вслед, пока фигурка, всем видом выражающая возмущение, не скрылась из вида.

Испанский прошел как в тумане. Миссис Гофф никогда не обращала внимания на то, что я отвлекаюсь, – она знала, что мой испанский значительно лучше ее, поэтому предоставляла мне свободу действий, не мешая размышлять.

Итак, игнорировать эту девушку я не в состоянии. Это очевидно. Но значит ли это, что у меня нет другого выхода, кроме как уничтожить ее? Это будущее никак *не* могло быть единственно возможным. Должен быть какой-то другой выход, некое трудно-достижимое равновесие. Вот я и пытался понять какое.

На Эмметта я почти не обращал внимания, пока час не истек. Ему стало любопытно: Эмметт не слишком тонко разбирается в оттенках чужих настроений, но явную перемену во мне не заметить не мог. И он гадал, что могло случиться, если с моего лица исчезла прежняя неотступная мрачность. В мучительных попытках определить суть перемены он наконец решил, что вид у меня *обнадеженный*.

Обнадеженный? Значит, так я выгляжу со стороны?

Эту мысль я обдумывал, пока мы возвращались к «вольво». На что же именно я надеюсь?

Но мои размышления были недолгими. Как всегда, чутко настроенный на мысли об одной-единственной девушке, я насторожился, услышав имя Беллы, произнесенное мысленными голосами тех людей, которых мне вообще-то не следовало считать соперниками. Эрик и Тайлер, узнав с нескрываемым злорадством о провале Майка, готовились сами сделать решительный шаг.

Эрик был уже на месте – стоял, прислонившись к ее пикапу, где избежать разговора с ним она бы не смогла. Тайлер задержался на уроке, получая задание, и теперь отчаянно спешил догнать Беллу, пока она не уехала.

А я был вынужден все это наблюдать.

– Подождем остальных здесь, ладно? – пробормотал я, обращаясь к Эмметту.

Он окинул меня подозрительным взглядом, пожал плечами и кивнул.

«*У парня совсем поехала его чертова крыша*», – внутренне усмехаясь, подумал он.

Белла выходила из спортивного зала, и я остановился там, где она не увидела бы меня. Пока она приближалась к месту засады, устроенной Эриком, я тоже двинулся вперед, соразмеряя шаг, чтобы появиться в нужный момент.

Я заметил, как она напряглась, заметив ждущего ее парня. На миг замерла, потом перевела дыхание и двинулась вперед.

– Привет, Эрик, – услышал я ее приветливый голос.

Меня вдруг охватила тревога, которую ничто не предвещало. А если этот нескладный и прыщавый дылда чем-то пришелся ей по душе? Вдруг ее доброта, проявленная по отношению к нему недавно, вовсе не была бескорыстной?

Эрик громко сглотнул, на шее дрогнул кадык.

– Привет, Белла.

Она словно не замечала, как он нервничает.

– Что-нибудь не так? – спросила она, отпирая свою машину и стараясь не смотреть в его перепуганное лицо.

– Я тут подумал… может, пойдем на весенний бал вместе? – У него сорвался голос.

Она наконец подняла голову. Растеряна или довольна? Эрик старался не встречаться с ней взглядом, поэтому я не мог увидеть ее лицо у него в мыслях.

– А мне казалось, на него девушки приглашают, – ее голос звучал смущенно.

– Ну… да, – вяло согласился он.

Этот жалкий пацан раздражал меня не так сильно, как Майк Ньютон, но я так и не смог найти в себе сочувствие к нему, пока Белла не ответила мягким тоном:

– Спасибо за приглашение, но в тот день я уезжаю в Сиэтл.

Об этом он уже слышал, но все-таки был разочарован.

– Аа, – протянул он, еле осмелившись поднять взгляд вровень с ее носом. – Может, в другой раз.

– Конечно, – согласилась она и сразу прикусила губу, словно раскаиваясь, что оставила ему лазейку. Это меня порадовало.

Эрик, сутулясь, потащился прочь, но не к своей машине, а в другую сторону, по единственному пути к бегству, какой смог найти.

Проходя мимо Беллы в тот момент, я услышал, как она вздыхает с облегчением. И рассмеялся, не удержавшись.

Она вскинула голову на этот звук, но я смотрел прямо перед собой, стараясь, чтобы губы не вздрагивали в попытках сдержать усмешку.

Тайлер следовал за мной по пятам, почти бежал, чтобы догнать ее, пока она не укатила. В отличие от других двоих он был посмелее и держался увереннее. И так долго выжидал возможность подойти к Белле только потому, что уважал право первенства Майка.

Мне хотелось, чтобы он успел догнать ее, по двум причинам. Если все это внимание, как я уже начинал подозревать, докучает Белле, я был бы не прочь насладиться ее реакцией. Но если нет, если она ждет приглашения именно от Тайлера, тогда мне хотелось бы знать об этом.

Я оценил Тайлера Кроули как соперника, хоть и понимал, что это недостойно. Мне он казался до отвращения серым и ничем не примечательным, но что я знаю о предпочтениях Беллы? Может, ее тянет как раз к посредственностям.

При этой мысли я поморщился. Обычным мне никогда не стать. Как глупо было строить из себя претендента на ее внимание. Разве могла она заинтересоваться тем, кто по умолчанию является злодеем?

Для злодея она слишком хороша.

Мне следовало дать ей сбежать, но непростительное любопытство помешало мне поступить правильно. Уже в который раз. Что, если Тайлер упустит свой шанс сейчас и обратится к ней позднее, а я не узнаю, чем кончился их разговор? И я вывел «вольво» в узкий проход между рядами, загородив ей выезд.

Эмметт и остальные уже приближались, но он, видимо, сообщил им о том, как странно я себя веду, и они шагали медленно, пристально глядя на меня и стараясь сообразить, чем я занят.

Я взглянул на девушку в зеркало заднего вида. Она смотрела на мою машину, стараясь не встречаться со мной взглядом, и, судя по виду, жалела, что сидит за рулем ржавого «шеви», а не в танке.

Тайлер добежал до своей машины и встал в очередь на выезд за Беллой, благодарный мне за необъяснимый поступок. Он помахал девушке, пытаясь привлечь ее внимание, но она не ответила. Выждав минуту, он выбрался из машины, перешел на рысцу, подскочил к ее пикапу с пассажирской стороны и постучал в окно.

Она вздрогнула, растерянно повернулась к нему. Потом вручную опустила окно, которое поддалось с трудом.

– Извини, Тайлер, – раздраженно произнесла она, – Каллен меня запер.

Мою фамилию она произнесла отчетливо и твердо.

– Да вижу я, – ответил Тайлер, не обескураженный ее настроением, – просто хотел спросить кое-что, пока мы тут застряли.

Он нахально ухмыльнулся.

Я был вознагражден выражением ужаса, мелькнувшего на ее лице, как только его намерения стали очевидными.

– Пригласишь меня на весенний бал? – спросил он, не допуская даже мысли, что ему откажут.

– Меня не будет в городе, Тайлер, – сообщила она, не скрывая досады.

– Ага, Майк говорил мне.

– Ну и зачем тогда?.. – начала она.

Он пожал плечами.

– Я подумал, ты просто не хотела его обидеть.

Ее глаза вспыхнули и погасли.

– Извини, Тайлер, – судя по голосу, она не чувствовала за собой никакой вины, – но я на самом деле уезжаю.

Помня о том, как часто она ставит чужие потребности выше собственных, я слегка удивился этой непреклонной решимости, когда речь зашла о танцах. Откуда она взялась?

Тайлер принял ее объяснение, его самолюбие осталось незадетым.

– Ничего. Еще выпускной впереди.

И он отвалил к своей машине.

Правильно я сделал, дождавшись этого разговора.

Ужасу на ее лице не было цены. Он поведал мне то, что не следовало выяснять так настойчиво: она не питает никаких чувств к этим человеческим самцам, которым вздумалось приударить за ней.

И вместе с тем ее выражение было, пожалуй, самым забавным зрелищем из всех, какие мне довелось повидать.

Подоспели мои близкие и растерялись, увидев, как я вместо того, чтобы со зловещим видом озираться по сторонам, покатываюсь со смеху.

«*Чему радуемся?*» – пожелал узнать Эмметт.

Я только покачал головой, а в это время Белла сердито завела взревевшую двигателем колымагу. Похоже, она опять жалела, что сидит не в танке.

– Да поезжай уже! – нетерпеливо прошипела Розали. – Кончай вести себя по-идиотски. Если *можешь*, конечно.

Ее слова не задели меня – слишком уж я развеселился. Но ее просьбу выполнил.

По пути домой со мной никто не разговаривал. Время от времени я усмехался, вспоминая лицо Беллы.

Когда я свернул на дорожку к дому – и прибавил скорость, ведь вокруг никого не было, – Элис испортила мне настроение.

– Так теперь я поговорю с Беллой? – внезапно спросила она.

– Нет, – отрезал я.

– Нечестно! Чего я вообще жду?

– Я еще не решил, Элис.

– Да без разницы, Эдвард.

В голове у нее две судьбы Беллы снова просматривались со всей отчетливостью.

– Ну и какой смысл знакомиться с ней? – пробурчал я, вдруг помрачнев. – Если я все равно убью ее?

Элис помедлила.

– Ты прав, – признала она.

Последний крутой поворот я прошел на скорости за девяносто и с визгом тормозов остановился на расстоянии дюйма от задних ворот гаража.

– Приятной пробежки, – надменно напутствовала меня Розали, пока я выскакивал из машины.

Но сегодня устраивать пробежку я не стал. Вместо этого я отправился на охоту.

Остальные запланировали охоту на завтра, а я сейчас не мог позволить себе мучиться от жажды. И перестарался, выпил больше, чем следовало, прямо-таки упился свежей кровью небольшого стада оленей-вапити и одного черного медведя. Мне повезло натолкнуться на всю эту добычу в такое раннее время года. Я переполнился до состояния дискомфорта. Почему этого недостаточно? С какой стати ее запах действует на меня намного сильнее, чем любой другой?

И дело было не только в запахе, но и в некой печати бедствий, которой она отмечена. В Форксе она пробыла считаные недели, но уже дважды успела очутиться на волосок от насильственной смерти. Мало ли, вдруг в эту самую минуту ее опять занесло на путь, ведущий к очередному смертному приговору. Но какому на этот раз? Может, метеорит пробьет крышу ее дома и прикончит ее прямо в постели?

Охотиться дальше я был не в силах, а до восхода солнца оставались еще долгие часы. После того как мне в голову пришла мысль о метеорите и обо всем, что с ним могло быть связано, отмахнуться от нее не удалось. Я пытался рассуждать разумно, прикинуть вероятность всех стихийных бедствий, какие только мог себе вообразить, но и это не помогло. В конце концов, какова была вероятность для этой девушки поселиться в городе, среди постоянных

жителей которого насчитывается изрядный процент вампиров? И какова вероятность, что она покажется настолько притягательной одному из них?

А если что-нибудь случится с ней прямо сейчас, среди ночи? И я приду завтра в школу, всеми помыслами и чувствами устремившись к тому месту, где полагается сидеть ей, а оно окажется пустым?

Внезапно оказалось, что примириться с таким риском невозможно.

А *уверенным* в ее безопасности я мог быть лишь в одном случае: если кто-нибудь окажется рядом, чтобы перехватить метеорит прежде, чем он заденет ее. Нервное возбуждение охватило меня, едва я осознал, что намерен идти искать ее.

Полночь уже миновала, дом Беллы стоял темный и тихий. У тротуара был припаркован ее пикап, а полицейская машина ее отца – на подъездной дорожке. Нигде по соседству я не заметил ни единой осознанной мысли. Я смотрел на дом из черноты леса, который подступал к нему с востока.

Ни малейших признаков какой-либо опасности… кроме как от меня.

Прислушавшись, я уловил звук дыхания двух человек, находящихся в доме, два ровных сердцебиения. Значит, все в порядке. Прислонившись к стволу молодой тсуги, я настроился на ожидание шальных метеоритов.

Сложнее всего в этом карауле оказалось выбросить из головы всевозможные догадки. Само собой, «метеориты» были всего лишь метафорой всех маловероятных, но плачевных событий. Но далеко не всякая опасность является с неба, прочертив его сверкающей огненной полосой. Я мог перечислить множество других угроз – тех, что возникают без предупреждения, прокрадываются в темный дом бесшумно, и они, возможно, уже там, внутри.

Эти тревоги выглядели нелепо. К домам на этой улице не был подведен газ, так что утечку следовало исключить. В том, что они часто топят печь углем, я сомневался. На полуострове Олимпик почти нет диких животных, представляющих опасность. Любого крупного зверя я услышал бы издалека. Здесь не водятся ни ядовитые змеи, ни скорпионы, ни сколопендры – только несколько видов пауков, но ни один из них не смертелен для здорового взрослого человека, и в любом случае вряд ли попадется в помещении. Абсурд. И я это *понимал. Сознавал*, что рассуждаю нелогично.

Но все равно нервничал и тревожился. И не мог отогнать мрачные видения. Вот если бы мне только *увидеть* ее…

Посмотрю вблизи.

Всего за полсекунды я пересек двор и взобрался по стене дома. Это окно на верхнем этаже – наверняка в спальне, самой большой в доме. Надо бы для начала осмотреть заднюю сторону дома. Меньше шансов, что меня заметят. Зацепившись одной рукой за карниз над окном и повиснув на нем, я заглянул в окно, и у меня перехватило дыхание.

Это была ее комната. Я видел ее на узкой кровати, одеяло с которой свалилось на пол, а простыни сбились к ногам. Разумеется, с ней все было в полном порядке, о чем и так знала моя рациональная сторона. Она была в безопасности… но не в состоянии покоя. У меня на виду она беспокойно заворочалась и закинула руку за голову. Ее сон был неглубоким, по крайней мере, этой ночью. Неужели она почувствовала приближение опасности?

С отвращением к самому себе я увидел, как она снова перекатилась по постели. Чем я лучше какого-нибудь чокнутого вуайериста? *Ничем*. Я гораздо хуже.

Я расслабил пальцы, чтобы разжать их и упасть с карниза. Но сначала позволил себе еще один долгий взгляд на ее лицо.

Неподвижное, но не спокойное. Между бровями залегла складочка, уголки губ были опущены. Губы задрожали, потом приоткрылись.

– Ладно, мама, – пролепетала она.

Белла разговаривала во сне.

Вспыхнувшее любопытство пересилило отвращение к себе. Как же долго я пытался услышать ее и всякий раз терпел неудачу. Соблазн этих ничем не защищенных, неосознанно высказанных мыслей был почти непреодолим.

В конце концов, что мне эти человеческие правила? Сколько из них я нарушаю ежедневно?

Мне вспомнилось множество поддельных документов, необходимых моей семье, чтобы жить так, как нам нравилось. Фальшивые фамилии и биографии, водительские удостоверения, благодаря которым мы записывались в школы, медицинские дипломы, позволяющие Карлайлу работать врачом. Бумаги, на основании которых наше странное сборище взрослых почти одного возраста воспринимали как семью. Ничего перечисленного не понадобилось бы, если бы мы не старались на краткое время сохранять постоянство, если бы не предпочитали иметь *дом*.

И конечно, у нас были свои способы зарабатывать себе на жизнь. Ясновидение не подпадало под законы об инсайдерской торговле, но явно было уловкой, чем мы и пользовались. И переводы наследства с одного вымышленного имени на другое не могли считаться полностью законными.

И вдобавок все эти *убийства*.

Легко мы к ним не относились, но никому из нас за наши преступления никогда не назначал наказания человеческий суд. Мы покрывали виновных – и тем самым опять-таки совершали преступление.

Так зачем мне корить себя за единственную незначительную провинность? Человеческие законы ко мне неприменимы. Вдобавок этот взлом и проникновение будет для меня далеко не первым.

Я знал, что могу действовать без опасений. Чудовище вело себя беспокойно, но было надежно стреножено.

Я буду держаться на благоразумном расстоянии. Не причиню ей ни малейшего вреда. Она даже не узнает, что я побывал здесь. Я просто хочу убедиться, что с ней все хорошо.

Все эти рассуждения и доводы подкидывал мне дьявол с левого плеча. Это я понимал, но ангела на моем правом плече не было. Я намеревался поступить как существо из ночных кошмаров, которым и был на самом деле.

Я попробовал открыть окно и обнаружил, что оно не заперто, но поддается с трудом – так долго его не открывали. Сделал глубокий вдох – последний на все то время, которое я проведу рядом с ней, – и медленно сдвинул в сторону застекленную створку, сжимаясь от каждого скрипа металлической рамы. Наконец щель получилась достаточно широкой, чтобы я мог проскользнуть внутрь.

– Мам, подожди… – бормотала она. – По Скоттсдейл-роуд будет быстрее…

Комната оказалась тесной – загроможденной вещами, беспорядочной, но не грязной. На полу возле кровати – сложенные стопкой книги, повернутые корешками от меня, возле недорогого плеера разбросаны диски с верхним из них в прозрачном футляре, без обложки. Кипы бумаг окружали компьютер, которому самое место в музее устаревшей техники. Там и сям на дощатом полу валялась обувь.

Мне нестерпимо хотелось просмотреть названия ее книг и дисков, но я решил лишний раз не рисковать. И вместо этого присел в старое кресло-качалку в дальнем углу комнаты. Тревога покинула меня, темные мысли отступили, в голове прояснилось.

Неужели ее внешность и впрямь когда-то казалась мне ничем не примечательной? Мне вспомнился тот первый день и собственная неприязнь к человеческим самцам, заинтересовавшимся ею. Но когда я вспоминал, каким увидел ее лицо у них в мыслях, я никак не мог понять, почему сразу же не признал ее красивой. Ведь это же очевидно.

В эту минуту – с разметавшимися вокруг бледного лица темными волосами, в заношенной дырявой футболке и растянутых спортивных штанах, с расслабленными в забытьи чертами и слегка приоткрытыми пухлыми губами – она выглядела так, что у меня захватывало дух. Вернее, захватило бы, с усмешкой поправил я, если бы я дышал.

Она умолкла. Должно быть, сон кончился.

Вглядываясь в ее лицо, я пытался придумать какой-нибудь способ сделать будущее сносным.

Мысль о том, чтобы причинить ей боль, была невыносима. Значит ли это, что единственный выход – снова попытаться уехать?

На этот раз семья не станет спорить. Мое отсутствие никого не подвергнет опасности. Ни у кого не возникнет подозрений, никто не свяжет мой отъезд с аварией.

Я медлил в нерешительности, как сегодня днем, и все, что приходило в голову, казалось невозможным.

Бурый паучок выполз из-за дверцы стенного шкафа. Должно быть, потревоженный моим появлением. *Eratigena agrestis* – паук-бродяга, судя по размеру – молодой самец. Когда-то считался опасным, недавние исследования подтвердили, что ущерб от его яда для человека незначителен. Но укус все равно болезненный… Я протянул руку и раздавил паука пальцем.

Пожалуй, мне стоило отпустить это существо живым, но невыносимо было думать о том, что даже оно способно причинить ей боль.

И вдруг все мои мысли приняли невыносимый оборот.

Потому что я мог перебить всех до единого пауков в ее доме, обломать шипы с каждой розы, которой она может коснуться когда-нибудь, преградить путь каждой машине, набирающей скорость на расстоянии мили от нее, но никакими силами *мне* самому не перестать быть тем, кто я есть. Полный отчаяния, я уставился на свою белую, похожую на камень руку, – такой карикатурно нечеловеческой она была.

Я не мог рассчитывать на соперничество с человеческими парнями независимо от того, нравились они ей или нет. Я же злодей, я кошмар. Разве может она разглядеть во мне что-то иное? Если она узнает правду обо мне, эта правда напугает и оттолкнет ее. Как предполагаемая жертва в фильме ужасов, она с криком бросится наутек.

Я вспомнил ее первый день на биологии… и понял, что именно такой была ее первая реакция.

Глупо было воображать, что если бы на дурацкий бал ее позвал я, она охотно отменила бы все прежние планы и приняла мое приглашение.

Я не тот, кому ей суждено сказать «да». Это будет кто-то другой, кто-то теплый и человечный. А я не смогу даже позволить себе – когда-нибудь, когда это злополучное «да» будет сказано, – выследить его и убить, потому что она заслуживает его, кем бы он ни был. Заслуживает счастья и любви с тем, кого выберет.

Ради нее я просто обязан поступить правильно. Хватит делать вид, что мне всего лишь *грозит опасность* влюбиться в эту девушку.

В конце концов, не имеет значения, в сущности, уеду я или нет, потому что Белла никогда не посмотрит на меня так, как бы мне хотелось. Никогда не увидит во мне того, кто достоин любви.

Может ли разбиться мертвое, заледеневшее сердце? Видимо, мое – да.

– Эдвард… – произнесла Белла.

Я оцепенел, глядя на ее закрытые глаза.

Проснулась и застала меня здесь? Но она *выглядела* спящей, а голос звучал отчетливо.

Она тихонько вздохнула, снова беспокойно заворочалась и перекатилась на бок, продолжая спать и видеть сны.

– Эдвард, – еле слышно пролепетала она.

Ей снился я.

Может ли мертвое, заледеневшее сердце забиться вновь? Видимо, мое – да.

– Останься, – вздохнула она. – Не уходи. Пожалуйста… не уходи.

Она видела меня во сне, и этот сон был совсем не страшным. Ей хотелось, чтобы там, во сне, я остался с ней.

Я силился подобрать слова, чтобы описать чувства, нахлынувшие на меня, но никаким словам не хватило бы силы, чтобы передать их. Долгую минуту я тонул в этой волне.

А когда выплыл, был уже не таким, как раньше.

Моя жизнь тянулась нескончаемой, неизменной полночью. И должна была неизбежно остаться для меня полночью навсегда. Так как же могло случиться, что теперь в ней всходило солнце, в самый разгар полуночи?

Когда я стал вампиром, в адской муке преображения променяв душу и смерть на бессмертие, меня на самом деле сковало льдом. Тело превратилось в нечто подобное скорее камню, нежели плоти, стало долговечным и неизменным. И мое «я» замерзло таким, каким оно было раньше: моя личность, мои симпатии и антипатии, настроения и желания – все застыло на месте.

То же самое произошло и с остальными. Все мы замерзли. Стали живым камнем.

И когда с кем-то из нас происходили перемены, то редко и навсегда. Я видел, как это случилось с Карлайлом, а затем, десятилетие спустя, – с Розали. Любовь преобразила их навсегда, навечно. Больше восьмидесяти лет прошло с тех пор, как Карлайл нашел Эсме, а он все так же смотрел на нее взглядом первой любви, не веря своим глазам. И так будет для них всегда.

И для меня тоже. Я всегда буду любить эту хрупкую человеческую девушку, весь остаток моего бесконечного существования.

Я вглядывался в ее сонное лицо и чувствовал, что любовь к ней проникает в каждую частицу моего каменного тела и осваивается там.

Теперь она спала спокойнее, с легкой улыбкой на губах.

Я принялся рассуждать.

Из любви к ней я пытался стать настолько сильным, чтобы оставить ее. И понял, что пока еще недостаточно силен. Но я старался. А вдруг мне хватит сил, чтобы избежать предначертанного будущего другим способом?

Элис видела для Беллы два возможных будущих, и теперь я понимал их оба.

Любовь к ней не помешает мне убить ее, если я позволю себе оплошать.

Но сейчас я не ощущал чудовища внутри, искал его в себе и нигде не находил. Может, любовь заставила его умолкнуть навсегда. И если бы я убил Беллу сейчас, то не преднамеренно, а лишь по ужасной случайности.

Мне следует быть предельно осторожным. Никогда, ни при каких условиях не терять бдительности. Следить за каждым своим вдохом. Всегда держаться на безопасном расстоянии.

Ошибок я не допущу.

Наконец-то я понял это второе будущее. Это видение раньше озадачивало меня – как могло случиться, что Белла стала узницей нашей бессмертной полужизни? Но теперь, измученный влечением к ней, я понимал, как мог бы в непростительном приступе эгоизма попросить отца о таком одолжении. Попросить отнять у нее жизнь и душу, чтобы она осталась со мной навечно.

Она заслуживает лучшей участи.

Но я видел еще одно будущее, тонкую проволоку, по которой смог бы пройти, если бы сохранил равновесие.

Способен ли я на такое? Быть с ней так, чтобы она осталась человеком?

Я намеренно заключил тело в тиски полной неподвижности, застыл на месте, потом сделал глубокий вдох. И еще один, и еще, позволил ее аромату распространяться у меня внутри

подобно лесному пожару, уничтожающему все на своем пути. Вся спальня благоухала ею, ее аромат хранила каждая поверхность. Голова кружилась от боли, но я старался побороть эти ощущения. Мне придется свыкнуться с ними, если я намерен постоянно находиться с ней рядом. Еще один глубокий, обжигающий вдох.

До тех самых пор, как солнце поднялось над облаками на востоке, я смотрел, как она спит, размышлял и дышал.

Домой я вернулся вскоре после того, как остальные уехали в школу. Быстро переоделся, избегая вопросительных взглядов Эсме. Она заметила отсвет волнения на моем лице и откликнулась на него тревогой и облегчением. Моя затяжная меланхолия причиняла ей глубокую боль, и она радовалась, что этому унынию, кажется, пришел конец.

До школы я добрался бегом, отстав от своих близких всего на несколько секунд. Они даже не оглянулись, но по крайней мере Элис наверняка заметила, что я стою за деревом в густом лесу возле школы. Я дождался, когда все занялись своими делами, и с небрежным видом вышел на парковку, заставленную машинами.

Из-за поворота послышался рев пикапа Беллы, я остановился за «сабербаном», откуда мог наблюдать за ней, оставаясь незамеченным.

Она въехала на парковку, долго смотрела на мой «вольво», а потом, нахмурившись, выбрала для своей машины одно из самых дальних мест.

Странно было вспоминать, что она, должно быть, все еще сердится на меня, и не без причины.

Мне хотелось посмеяться над собой – или отвесить себе пинка. Все мои размышления и планы совершенно бесполезны, если я ей безразличен – ведь так? А присниться ей могло что угодно. Надо же быть таким самонадеянным кретином.

Что ж, если я ей безразличен, тем лучше для нее. Это не удержит меня от попытки сблизиться с ней. Но от нее я услышу «нет». Я в долгу перед ней. Был и останусь в долгу. Я задолжал ей правду, которую не рискнул открыть. Так что открою столько правды, сколько смогу. Попытаюсь предостеречь ее. А когда она подтвердит, что мне никогда не стать тем, кому она скажет «да», я уйду.

Я бесшумно направился вперед, размышляя, как бы лучше приблизиться к ней.

Она облегчила мне задачу. Ключи от пикапа выскользнули у нее из пальцев, пока она выбиралась из машины, и плюхнулись в глубокую лужу.

Она наклонилась за ними, но я опередил ее и поднял ключи, чтобы ей не пришлось лезть пальцами в холодную воду.

Она вздрогнула, выпрямилась, а я тем временем прислонился к ее пикапу.

– Как тебе это удается? – требовательно спросила она.

Да, она по-прежнему злилась.

Я протянул ей ключи.

– Удается что?

Она подставила ладонь, я уронил ключи на нее. И сделал глубокий вдох, втягивая ее запах.

– Возникать из ниоткуда, – пояснила она.

– Белла, я не виноват, что ты такая невнимательная, – эти слова прозвучали легко, почти шутливо. Заметила ли она хоть что-нибудь?

Уловила ли, какой лаской окружил ее имя мой голос?

Но она смотрела недовольно, не оценив шутки. Ее сердце забилось чаще – от гнева? От страха? Спустя мгновение она отвела взгляд.

– Зачем ты вчера вечером устроил пробку? – спросила она, не глядя мне в глаза. – Мне казалось, ты решил не замечать меня, чтобы ненароком не замучить раздражением насмерть.

Она все еще страшно злилась. Придется постараться, чтобы между нами снова все наладилось. Я вспомнил о своей решимости быть откровенным.

– Так я же не для себя, а для Тайлера. Надо было дать ему шанс, – и я рассмеялся. Просто не удержался, вспомнив, каким вчера было выражение ее лица. Сосредоточившись на заботе о ее безопасности и на собственных физических реакциях на ее близость, я почти лишился возможности управлять своими эмоциями.

– Ах ты ж… – Она задохнулась от возмущения. Вот оно, то самое выражение. Я подавил смешок. Не стоило лишний раз злить ее.

– И кстати, у меня и в мыслях не было не замечать тебя, – добавил я. Мне казалось, небрежный, чуть шутливый тон будет уместным. Не хотелось пугать ее. Приходилось скрывать глубину моих чувств, создавать атмосферу легкости.

– Значит, решил извести меня? Раз уж фургон Тайлера меня не прикончил?

Меня пронзила стремительная вспышка гнева. Как у нее язык повернулся!

Я был не вправе оскорбляться – она понятия не имела, каких усилий стоило мне сохранить ей жизнь, не знала, как ради нее я ссорился с близкими, не подозревала о преображении, случившемся со мной ночью, – но я все равно вспылил. На взвешенные эмоции меня уже не хватало.

– Белла, ты бредишь, – выпалил я.

Ее лицо вспыхнуло, она отвернулась. И зашагала прочь.

Раскаяние. Напрасно я разозлился на нее.

– Подожди! – взмолился я.

Она не остановилась, и я двинулся за ней.

– Извини, я был груб. По форме я был не прав, – нелепо даже *предполагать*, что я способен желать ей зла, – но в целом остаюсь при своем мнении.

– Может, просто оставишь меня в покое?

Это и есть мое «нет»? То, чего она хочет? И мое имя, которое она повторяла во сне, ничего не значит?

Мне в мельчайших подробностях вспомнился ее голос и выражение лица, с которым она просила меня остаться.

Но если теперь она говорит «нет»… что ж, так тому и быть. Я же знал, что мне предстоит.

«Полегче», – напоминал я себе. Может, я вообще вижу ее в последний раз. Если так, пусть у нее останутся светлые воспоминания. Я решил сыграть роль нормального человеческого парня. И что еще важнее, предоставить ей выбор, а потом принять ее ответ, каким бы он ни был.

– Я хотел задать тебе вопрос, а ты сбила меня с мысли. – У меня вдруг сложился план, и я рассмеялся.

– У тебя что, раздвоение личности? – спросила она.

Должно быть, так все и выглядело со стороны. Мое настроение менялось непредсказуемо – такое множество непривычных эмоций пронзало меня.

– Опять ты за свое, – упрекнул я.

Она вздохнула.

– Ну ладно. Какой вопрос ты хотел задать?

– Слушай, я тут подумал: через неделю в субботу… – Я увидел, как на ее лице отразился шок, и с трудом удержался от смеха. – Ну, знаешь, весенний бал…

Она перебила, наконец-то глядя мне прямо в глаза:

– По-твоему, это *смешно*?

– Можно мне закончить?

Она умолкла, прикусив мягкую нижнюю губу.

Это зрелище на секунду отвлекло меня. Странный, непривычный отклик пробудился глубоко в моей забытой человеческой натуре. Пришлось отмахнуться от него, чтобы доиграть роль.

– Я слышал, как ты говорила, что в тот день собираешься в Сиэтл, вот и подумал: может, тебя подвезти? – предложил я. Чем просто услышать о ее планах, лучше сделать их *общими*. Если она согласится.

Она оторопело уставилась на меня:

– Что?..

– Хочешь поехать в Сиэтл вместе?

Вдвоем с ней в машине – эта мысль обожгла мне горло. Я сделал глубокий вдох. *Привыкай*.

– С кем? – растерялась она.

– Со мной, разумеется, – с расстановкой выговорил я.

– Но почему?

Неужели мое желание составить ей компанию и вправду настолько удивляет? Наверняка она приписала моим былым поступкам худшее объяснение из возможных.

– Ну, – начал я как можно более небрежным тоном, – я как раз в ближайшие недели собирался в Сиэтл и, честно говоря, не уверен, что твой пикап годится для такой поездки, – поддразнивать ее было безопаснее, чем незаметно для себя скатиться в неуместную серьезность.

– Мой пикап в полном порядке, спасибо за заботу, – тем же удивленным тоном отозвалась она. И зашагала дальше. Я не отставал.

Не однозначный отказ, но близко к нему. Проявляет вежливость?

– Тебе же не хватит бака на всю поездку.

– А тебе что до этого? – парировала она.

Ее сердце опять забилось быстрее, дыхание участилось. Я-то думал, что шутливым тоном помогу ей освоиться в разговоре, а она, наверное, снова испугалась.

– Меня волнует бесполезное расходование невозобновляемых ресурсов, – мне самому этот ответ казался совершенно нормальным и непринужденным, но как восприняла его она, я не знал. Тишина ее мыслей вечно вынуждала меня теряться в догадках.

– Знаешь что, Эдвард? Тебя не поймешь. Ты же говорил, что нам лучше держаться друг от друга подальше.

Она назвала меня по имени, и я затрепетал, мысленно вернулся в ее спальню, услышал, как она зовет меня, просит остаться. Мне бы хотелось жить в этом мгновении вечно.

Но сейчас меня могла спасти лишь честность.

– Я говорил, что так было бы лучше, но я не говорил, что хочу этого.

– Ну спасибо! Наконец-то *все* прояснилось, – съязвила она.

Остановившись под крышей на крыльце кафетерия, она умолкла и снова посмотрела мне в глаза. Ее сердечный ритм стал сбивчивым. От страха или негодования?

Я тщательно подбирал слова. Она должна *понять*. Сообразить, что в ее интересах велеть мне уйти.

– Гораздо… *благоразумнее* с твоей стороны было бы не водить дружбу со мной. – Под взглядом ее глубоких глаз оттенка растаявшего шоколада я махнул рукой на собственные призывы действовать «полегче». – Но я устал сторониться тебя, Белла, – эти слова будто прожгли себе путь наружу.

Она затаила дыхание и пока не сделала новый вдох, я успел запаниковать. Неужели я все-таки перепугал ее?

Тем лучше. Приму свое «нет» и попытаюсь примириться с ним.

– Ты поедешь со мной в Сиэтл? – напрямик спросил я.

Она кивнула, ее сердце гулко забилось.

«*Да*». Она сказала «да» *мне*.

И тут о себе напомнила совесть. Во что обойдется Белле это согласие?

– Но ты должна держаться от меня подальше, – предупредил я. Услышит ли она? Избежит ли будущего, которым я ей грозил? Неужели я ничего не могу поделать, чтобы спасти ее от *меня* самого?

«*Полегче!*» – прикрикнул я на себя.

– Увидимся на уроке.

И я тут же вспомнил, что на уроке ее не увижу. В ее присутствии я никак не мог собраться с мыслями.

Пришлось взять себя в руки, чтобы удалиться шагом, а не бегом.

Глава 6. Группа крови

Весь день я следил за ней чужими глазами, едва замечая, что творится вокруг.

Но не глазами Майка Ньютона, потому что больше не мог выносить его оскорбительные фантазии, и не глазами Джессики Стэнли, потому что меня раздражала ее неприязнь к Белле. Анджела Вебер подходила, когда оказывалась рядом. Она была доброй, среди ее мыслей я чувствовал себя легко. А иногда удобнее всего было наблюдать за Беллой глазами учителей.

Меня удивило, сколько раз за день спотыкается Белла – об трещины на дорожках, подвернувшиеся книги, но чаще всего о собственные ноги, и люди, мысли которых я подслушивал, часто называли ее «*неуклюжей*».

Я задумался. Да, удерживаться в вертикальном положении ей зачастую удавалось с трудом. Мне вспомнилось, как она споткнулась, задев ножку стола в первый день, как скользила на льду перед аварией, как запнулась, задев порог вчера. Как ни странно, окружающие правы. Она *в самом деле* неуклюжая.

Не знаю, почему это показалось мне таким забавным, но я расхохотался, пока шел с истории Америки на английский, и несколько человек бросили на меня настороженные взгляды, а потом быстро отвели глаза от моих оскаленных зубов. Как же я раньше не замечал? Наверное, потому, что удивительная грация чувствовалась в ее неподвижности, в посадке головы, изгибе шеи…

Но ничего грациозного не было в том, как на виду у мистера Варнера она запнулась мыском о ковролин и буквально рухнула на свое место.

Я снова рассмеялся.

Время тянулось невыносимо медленно, пока я ждал шанса увидеть ее собственными глазами. Наконец раздался звонок. Я сразу же поспешил в кафетерий, чтобы занять место, и явился туда одним из первых. Столик, который я выбрал, обычно пустовал и будет пустовать впредь: теперь, когда его вздумалось занять мне, на него вряд ли кто-нибудь отважится посягать.

Войдя и увидев меня на новом месте, мои близкие ничем не выразили удивления. Видимо, Элис предупредила их.

Розали прошла мимо, даже не взглянув на меня.

«*Кретин*».

Мои отношения с Розали всегда складывались непросто – я обидел ее в первый же раз, как только заговорил в ее присутствии, и с тех пор все пошло наперекосяк, – но в последние дни она казалась раздражительнее обычного. Я вздохнул. Весь мир Розали вращался вокруг нее.

Джаспер слегка улыбнулся мне, проходя мимо.

«*Удачи*», – с сомнением пожелал он мысленно.

Эмметт закатил глаза и покачал головой.

«*Совсем свихнулся, бедняга*».

Элис сияла, ее зубы блестели слишком ярко.

«*Теперь мне можно поговорить с Беллой?*»

– Не вмешивайся, – еле слышно отрезал я.

Она приуныла и тут же снова оживилась.

«*Ладно. Не сдавайся. Это всего лишь вопрос времени*».

Я опять вздохнул.

«*И не забудь про сегодняшнюю лабу по биологии*», – напомнила Элис.

Я кивнул. Вмешательство мистера Баннера с его планами бесило меня. Я потратил зря столько уроков биологии, сидя рядом с ней и старательно притворяясь, будто игнорирую ее;

мучительная ирония виделась в том, что сегодня мне будет недоставать часа, проведенного рядом с ней.

Поджидая Беллу, я следил за ней глазами какого-то первогодка, который шел в кафетерий следом за ней и Джессикой. Джессика разболталась о предстоящем бале, Белла слушала молча. Впрочем, у нее все равно не было шанса вставить хотя бы слово.

Едва войдя в дверь, Белла бросила взгляд на тот стол, где обычно сидели мы всей семьей. Присмотрелась, нахмурилась и отвела глаза. Меня она не заметила.

Выглядела она такой… *опечаленной*. Меня охватило нестерпимое желание вскочить, броситься к ней, как-нибудь утешить ее, вот только я не знал, в каких утешениях она нуждается. Джессика щебетала без умолку. Неужели Белла расстроилась из-за того, что пропустит бал? Да нет, маловероятно.

Но если это все же правда… Как жаль, что в этом случае мне нечем ее утешить. Немыслимо. Физическая близость в танце была бы слишком опасна.

Вместо обеда она взяла себе попить – и больше ничего. Разве этого достаточно? Неужели она не нуждается в источниках энергии? Раньше я никогда не уделял особого внимания тому, как питаются люди.

Человеческая уязвимость возмутительна! Сколько же у них самых разных поводов для беспокойства.

– Опять Эдвард Каллен на тебя уставился, – услышал я Джессику. – Интересно, почему он сегодня сел отдельно?

Я был благодарен Джессике – хоть она сегодня и злилась сильнее обычного, – потому что Белла сразу обернулась и блуждала взглядом по залу, пока не высмотрела меня.

Теперь на ее лице не было и следа печали. Я разрешил себе допустить, что она расстроилась, потому что я рано ушел с уроков, и от этого предположения заулыбался.

Я поманил ее пальцем к себе. От этого жеста она так растерялась, что мне снова захотелось поддразнить ее. И я подмигнул, а у нее приоткрылся рот.

– Это он *тебе*? – оскорбительным тоном спросила Джессика.

– Наверное, хочет, чтобы я помогла ему с домашней по биологии, – отозвалась она негромко и неуверенно. – Пойду узнаю, что ему надо.

Еще одно «почти да».

По пути к моему столу она споткнулась дважды, хотя под ее ногами расстилался совершенно ровный линолеум. Нет, ну как я мог этого не заметить? Наверное, потому, что силился прочесть ее мысли, предположил я. Чего еще я не разглядел?

Она почти приблизилась к моему новому столу. Я пытался подготовиться к встрече. «Полегче, и помни о честности», – мысленно твердил я.

Она нерешительно помялась за спинкой стула напротив меня. Я сделал глубокий вдох – на этот раз носом, а не ртом.

«*Ну, держись! Ощути жжение*», – сухо велел себе я.

– Не хочешь сесть со мной сегодня?

Она отодвинула стул и села, не сводя с меня глаз. И кажется, нервничала. Я ждал, когда она заговорит.

После минутного промедления она наконец решилась:

– Совсем другое дело.

– Что ж… – Я помолчал. – Я так решил: попал в ад – терпи муки.

С чего вдруг я ляпнул такое? По крайней мере, это было честно. А может, ей удастся уловить неявное предостережение в моих словах. И она поймет, что должна встать и уйти как можно быстрее.

Она не встала. Посмотрела на меня, будто ожидая продолжения.

– Ты же видишь: я понятия не имею, о чем ты, – не дождавшись, сказала она.

Вот и хорошо. Я улыбнулся.

– Вижу.

Трудно было пропускать мимо ушей чужие возмущенные мысли из-за ее спины, и мне в любом случае хотелось сменить тему.

– По-моему, твои друзья сердятся, что я похитил тебя.

Похоже, ее это не заботило.

– Ничего, переживут.

– А я вот возьму и не отдам им тебя. – Даже я не знал, что происходит: то ли я снова дразню ее, то ли просто пытаюсь быть откровенным. Рядом с ней у меня путались мысли.

Белла громко сглотнула.

Я засмеялся, заметив, какое у нее стало выражение лица.

– Ага, испугалась.

На самом деле *нечему* тут смеяться. Ей следовало встревожиться.

– Нет. – Но я понял, что это неправда: ее голос дрогнул, выдав обман. – Скорее, удивилась… Что это значит?

– Я же объяснил, – напомнил я, – я устал избегать тебя. Поэтому сдаюсь. – С некоторым трудом, но я удержал на лице улыбку. Оказалось, одновременно быть честным и вести себя непринужденно не выходит.

– Сдаешься? – озадаченно повторила она.

– Да, больше не стану держаться в рамках, – и, пожалуй, плюну на непринужденность. – Отныне я делаю то, что хочу, а там будь что будет, – вот так, честно и откровенно. Пусть увидит, какой я эгоист. Будет ей предостережение.

– Опять ты меня запутал.

Моего эгоизма хватило, чтобы только порадоваться этому.

– С тобой я всегда ухитряюсь наговорить лишнего, в этом-то и беда.

Проблема, по сути дела, несущественная – по сравнению с остальными.

– Не волнуйся, – успокоила она. – Я все равно ничего не понимаю.

Отлично. Значит, она останется.

– На то и расчет.

– Но в переводе на нормальный язык – теперь мы друзья?

На секунду я задумался.

– Друзья… – повторил я. Мне не понравилось, как это звучит. Этого было… недостаточно.

– А может, и нет, – пробормотала она в смущении.

Неужели решила, что не настолько нравится мне?

Я улыбнулся.

– Ну что ж, пожалуй, можно попробовать. Но имей в виду: для тебя я не лучшая компания.

Ее ответа я ждал, буквально раздираемый надвое: желанием, чтобы она наконец-то услышала меня и поняла, и боязнью умереть, если она все-таки поймет. Прямо мелодрама.

Ее сердце забилось быстрее.

– Ты столько об этом говоришь.

– Все потому, что ты меня не *слушаешь*, – ответил я – опять слишком многозначительно. – А я до сих пор жду, когда ты мне поверишь. Будь ты пособразительнее, сама начала бы избегать меня.

Я мог лишь догадываться о том, как мне будет больно, когда она поймет достаточно, чтобы сделать верный выбор.

Она прищурилась.

– Ты уже не в первый раз отмечаешь мой интеллект.

Я не знал наверняка, что она хотела этим сказать, но улыбнулся в качестве извинения, предположив, что чем-то невзначай обидел ее.

– Ну что ж, – медленно продолжала она, – поскольку я не блистаю умом, давай попробуем стать друзьями?

– Давай попробуем.

Ненадолго она перевела взгляд на бутылку лимонада у себя в руках.

Давнее любопытство опять принялось изводить меня.

– О чем задумалась? – спросил я. Невероятным облегчением было наконец произнести эти слова вслух. Я уже не помнил, как легкие ощущали потребность в кислороде, и задумался, не сродни ли это облегчение тому, какое испытывает человек при вдохе.

Она встретила мой взгляд, ее дыхание участилось, щеки слегка порозовели. Я сделал вдох, ощутил воздух с ее запахом.

– Пытаюсь тебя раскусить.

Я задержал на лице улыбку, превратившую его в неподвижную маску, а тем временем внутренности мне скрутила паника.

Конечно, она терялась в догадках. Она ведь неглупа. Не стоило рассчитывать, что она не увидит того, что настолько очевидно.

– И как, получается? – осведомился я так беспечно, как только мог.

– Не очень, – призналась она.

Я хмыкнул с внезапным облегчением.

– Какие версии?

До чего бы она ни додумалась, вряд ли они хуже правды.

Она густо покраснела, но промолчала. Даже на расстоянии я ощущал тепло ее румянца.

Испробую свой убедительный тон. На обычных людей он действует.

Я ободряюще улыбнулся:

– Может, поделишься?

Она покачала головой:

– Нет, не решусь.

У-у. Нет ничего хуже, чем не знать. Почему она стесняется своих предположений?

– А вот это уже *и в самом деле* обидно.

Мой упрек чем-то задел ее. Глаза вспыхнули, слова полились свободнее, чем обычно.

– Неужели? Разве *это* обидно – когда человек отказывается тебе что-то рассказать? А некоторые еще делают при этом загадочные намеки, так что потом не спишь по ночам, пытаясь разобраться, что имелось в виду.

Я нахмурился, с огорчением понимая, что она права. Нечестно с моей стороны. Она понятия не имела, какие обязательства и ограничения связывали мне язык, но это ничего не меняло – она остро чувствовала несправедливость.

А она продолжала:

– Или еще, например: допустим, некий человек спасает тебе жизнь, а на следующий день будто и знать тебя не желает. И все это без объяснений. Так что *какие же* могут быть обиды?

Такой длинной речи от нее я еще ни разу не слышал, и мой список пополнился новым свойством.

– Быстро же ты заводишься.

– Просто не люблю двойные стандарты.

И конечно, у нее есть полное право возмущаться.

Я смотрел на Беллу, гадая, способен ли хоть что-нибудь сделать как полагается, когда речь идет о ней, как вдруг безмолвный мысленный вопль Майка Ньютона отвлек меня. Он так бесился, так по-детски негодовал, что я снова усмехнулся.

– Ты что? – спросила она.

– Твой приятель, похоже, решил, что я тебя обижаю, и раздумывает, пора нас уже разнимать или нет.

Я был бы не прочь посмотреть на его попытку. У меня опять вырвался смешок.

– Не знаю, о ком ты говоришь, – ледяным тоном отозвалась она. – Но в любом случае ты ошибаешься, можешь мне поверить.

Меня страшно обрадовало, как одной равнодушной фразой она отреклась от него.

– Я прав. Я же тебе говорил: большинство людей читаются на раз.

– А я – нет.

– А ты – нет.

Из скольких еще правил она – исключение?

– И мне хотелось бы знать почему.

Я всмотрелся в ее глаза, предпринимая еще попытку.

Она отвернулась, открыла свой лимонад и быстро отпила глоток, продолжая смотреть в стол.

– Не хочешь есть? – спросил я.

– Не хочу. – Теперь она смотрела на пустое место на столе между нами. – А ты?

– Я не голоден, – сказал я. Определенно нет.

Ее взгляд по-прежнему был потуплен, губы поджаты. Я ждал.

– У меня есть просьба. – Она вдруг посмотрела мне в глаза.

Чего она захочет от меня? Попросит сказать правду, которую мне никак нельзя ей сообщать, вдобавок я сам хочу, чтобы она не узнала эту правду никогда?

– Какая?

– Ничего сложного, – пообещала она.

Я ждал, и, как обычно, любопытство разгоралось и мучительно жгло.

– Я вот подумала… – медленно начала она, устремив взгляд на бутылку лимонада и обводя горлышко мизинцем, – в следующий раз, когда ты снова решишь не замечать меня ради моего же блага, не мог бы ты предупредить об этом заранее? Просто чтобы я успела подготовиться.

Она хотела предупреждений? Значит, игнор с моей стороны не был для нее благом. Я улыбнулся.

– Звучит логично, – признал я.

– Спасибо. – Она подняла глаза. На лице ее отразилось такое облегчение, что и мне стало настолько легко, что захотелось рассмеяться.

– Тогда можно взамен одну просьбу? – с надеждой сказал я.

– Одну, – разрешила она.

– Поделись гипотезой. Хотя бы *одной*.

Она вспыхнула.

– Только не это.

– Ты не ставила условий, просто согласилась выполнить просьбу, – напомнил я.

– Как будто ты никогда не нарушал обещаний! – возразила она.

На этом она меня поймала.

– Всего одну гипотезу. Я не буду смеяться.

– Еще как будешь. – Казалось, она в этом уверена, хотя я не представлял себе, что тут может быть смешного.

Я решил еще раз испытать дар убеждения. Всмотрелся в самую глубину ее глаз – с такими глубокими глазами это было нетрудно – и прошептал:

– Ну пожалуйста!

Она заморгала, лицо стало непроницаемым.

Мда, на такую реакцию я не рассчитывал.

– Эмм… что? – секунду спустя спохватилась она. Вид у нее был растерянный. С ней что-то не так?

Еще одна попытка.

– Пожалуйста, скажи мне свою гипотезу, – взмолился я ласковым, совсем не страшным голосом, не отводя взгляда.

К моему удивлению и удовольствию, на этот раз все получилось.

– Эмм… тебя укусил радиоактивный паук?

Из комиксов? Неудивительно, что она опасалась моих насмешек.

– С фантазией у тебя не ахти, – упрекнул я, тщательно пряча новый прилив облегчения.

– Ну уж извини, больше ничего не придумала, – обиделась она.

От этого мне снова полегчало. Я все еще умудрялся дразнить ее.

– Ничего похожего и в помине нет.

– Не было пауков?

– Ни единого.

– И радиоактивности тоже?

– Вообще.

– Не повезло, – вздохнула она.

– И криптонит на меня не действует, – поспешил добавить я, пока она не спросила про *укусы*, а потом хмыкнул: она принимала меня за супергероя.

– А говорил, что не будешь смеяться. Уже забыл?

Я крепко сжал губы.

– Рано или поздно я все равно узнаю, – пообещала она.

И тогда она сбежит.

– Даже не пытайся, – на этот раз я не шутил.

– Это еще почему?

Я должен был ответить честно. Но все равно я попытался скрасить свои слова улыбкой, смягчить затаенную в них угрозу.

– А вдруг я не супергерой? Вдруг я злодей?

Ее глаза и рот открылись чуть шире.

– Аа, – отозвалась она, помолчала немного и добавила: – Поняла.

Наконец-то она меня услышала.

– Правда? – спросил я, стараясь не выдать свои мучения.

– Тебя надо бояться? – догадалась она. Ее дыхание участилось, сердце припустило галопом.

Я не мог ответить. Неужели эта минута с ней рядом станет последней? И сейчас она убежит? Можно ли мне перед расставанием сказать, что я люблю ее? Или от этого она напугается еще больше?

– Но ты не злодей, – прошептала она, качая головой, и ни тени страха не отразилось в ее ясных глазах. – Нет, я не верю, что ты настолько плох.

– Напрасно, – выдохнул я.

Конечно, я злодей. Ведь я же обрадовался, узнав, что она обо мне лучшего мнения, чем я заслуживаю. Будь я хорошим, давно уже держался бы от нее подальше.

Я протянул руку через стол, к крышке от ее бутылки лимонада, чтобы чем-нибудь отвлечься. От этого движения она не вздрогнула. Значит, и правда не боялась меня. Пока еще нет.

Я раскрутил крышку, как волчок, лишь бы не смотреть на нее. У меня путались мысли.

«*Беги, Белла, беги*». Но заставить себя произнести это вслух я не мог.

Она вскочила. И не успел я встревожиться, что она как-то услышала мое мысленное предостережение, она пояснила:

– Опоздаем!

– Сегодня я не пойду на урок.

– Почему?

«*Потому что не хочу тебя убить*».

– Изредка прогуливать уроки полезно для здоровья.

Точнее, для здоровья людей полезно, если вампиры прогуливают уроки в те дни, когда проливается человеческая кровь. Сегодня мистер Баннер наметил в качестве темы определение группы крови. Элис свой утренний урок уже прогуляла.

– А я пойду, – сказала она. Это меня не удивило. Она ответственный человек и всегда поступает правильно.

Прямая противоположность мне.

– Ладно, до встречи, – я снова сменил тон на небрежный, глядя на вращающуюся крышку. «*Прошу, спасайся. Прошу, не оставляй меня*».

Она помедлила, и на миг во мне вспыхнула надежда, что она все-таки останется со мной. Но грянул звонок, и она поспешила в класс.

Я дождался, когда она скроется из вида, затем сунул в карман крышку от бутылки – напоминание о самом важном из разговоров – и зашагал под дождем к своей машине.

Среди дисков я выбрал самый любимый, успокаивающий – тот, который слушал в первый день, – но вслушивался в мелодии Дебюсси недолго. Другие ноты теснились у меня в голове – этот обрывок мелодии интриговал и радовал меня. Я выключил стерео и вместо этого прислушался к музыке, которая звучала у меня внутри, воспроизводил один и тот же фрагмент, пока не добился гармоничного звучания. Мои пальцы машинально бегали в воздухе по воображаемым клавишам.

Новая пьеса уже почти сложилась, когда мое внимание привлекла волна чужих душевных мук.

«*А вдруг она умирает? Что же мне делать?*» – паниковал Майк.

В сотне ярдов от меня Майк Ньютон укладывал обмякшее тело Беллы на дорожку. Ни на что не реагируя, она съежилась на мокром бетоне, глаза были закрыты, кожа стала мертвенно-бледной.

Я чуть не вышиб дверцу машины.

– Белла! – крикнул я.

Позвав ее по имени, я не заметил на ее безжизненном лице никакой перемены.

Мое тело стало холоднее, чем лед. Казалось, сбылись все самые бредовые опасения, какие только меня посещали. Едва я выпустил ее из поля зрения…

Яростно роясь в мыслях Майка, я заметил, как он изумлен моим неожиданным появлением. Но он лишь злился на меня, поэтому я так и не понял, что случилось с Беллой. Если он что-то сделал с ней, я его уничтожу. Так, что от его трупа не останется и следа.

– В чем дело? Ей плохо? – спросил я, пытаясь придать его мыслям сосредоточенность. Необходимость передвигаться с нормальной человеческой скоростью сводила меня с ума. Но нельзя было привлекать к себе внимание.

И тут я услышал стук ее сердца и даже ее дыхание. У меня на глазах она крепко зажмурилась. Паника отчасти рассеялась.

В мыслях Майка я увидел обрывок воспоминаний, россыпь образов с урока биологии. Голова Беллы на столе, зеленоватый оттенок ее светлой кожи. Красные капли на белых карточках.

Определение группы крови.

И я застыл как вкопанный, затаив дыхание. Ее запах – это одно дело, а кровотечение – совсем другое.

– По-моему, она в обмороке, – заговорил Майк, встревоженный и в то же время недовольный. – Не знаю почему. Она даже палец себе не колола.

Облегчение окатило меня, я снова задышал, пробуя воздух на вкус. И сразу уловил запах из крошечного прокола на пальце Майка Ньютона. Когда-то, возможно, он мог привлечь мое внимание.

Я встал на колени рядом с Беллой, Майк переминался рядом, разъяренный моим вмешательством.

– Белла! Ты меня слышишь?

– Нет, – простонала она. – Уходи.

Облегчение потрясло меня так, что я засмеялся. Она вне опасности.

– Я вел ее к медсестре, – сообщил Майк. – А она не пошла дальше.

– Я сам отведу ее. А ты иди в класс, – небрежно отмахнулся от него я.

Майк стиснул зубы.

– Не пойду. Мне учитель велел.

Тратить время на споры с этим болваном я не собирался.

С ужасом и восторгом, отчасти благодарный и отчасти удрученный ситуацией, создавшей необходимость прикоснуться к Белле, я мягко поднял ее с дорожки и взял в объятия, касаясь только ее куртки и джинсов и стараясь держать ее на расстоянии от своего тела. И сразу же понес ее, торопясь доставить в безопасное место – иными словами, подальше от меня.

Она изумленно распахнула глаза.

– Положи на место! – слабым голосом приказала она – опять смутившись, как я догадался по выражению ее лица. Ей не нравилось показывать слабость. Но ее тело было настолько вялым, что вряд ли она сумела бы даже устоять на ногах, не то что переставлять их.

Протестующие крики Майка за спиной я пропускал мимо ушей.

– Выглядишь жутко, – сказал я Белле, продолжая невольно усмехаться, потому что с ней было все в порядке – если не считать головокружения и пустого желудка.

– Отпусти меня, – велела она. Ее губы были белыми.

– Значит, тебе стало дурно при виде крови?

Вот так выверт иронии.

Она закрыла глаза и сжала губы.

– Даже не твоей, а чужой, – добавил я, усмехаясь шире.

Мы подошли к административному корпусу. Дверь была приоткрыта, я пнул ее.

Мисс Коуп вздрогнула от неожиданности.

– Боже мой! – ахнула она при виде пепельно-бледной девушки у меня в руках.

– Ей стало плохо на биологии, – объяснил я, пока у нее не разыгралось воображение.

Мисс Коуп бросилась к двери в медпункт. Белла снова открыла глаза и уставилась ей вслед. Я услышал, как мысленно изумилась пожилая медсестра, пока я укладывал свою ношу на потертую кушетку. И сразу же, едва положив Беллу, я отступил в противоположный угол комнаты. Мое тело было слишком взбудоражено, слишком напряжено, мышцы сжались, в рот хлынул яд. В моих объятиях она казалась такой теплой и благоуханной.

– У нее просто закружилась голова, – успокоил я миссис Хэммонд. – Они определяли группу крови на биологии.

Теперь она все поняла и закивала.

– Такое вечно с кем-нибудь случается.

Я подавил смешок. Можно было даже не сомневаться, что это случится и с Беллой.

– Просто полежи минутку, милочка, – посоветовала миссис Хэммонд, – и все пройдет.

– Наверное, – отозвалась Белла.

– Часто с тобой такое? – спросила медсестра.

– Иногда случается, – призналась Белла.

Я попытался замаскировать смешок под кашель.

И тем самым привлек к себе внимание медсестры.

– А ты можешь возвращаться на урок, – сказала она мне.

Глядя ей прямо в глаза, я с непоколебимой уверенностью соврал:

– Мне велели побыть с ней.

«*Хмм. Ну, не знаю… ладно уж*». Миссис Хэммонд кивнула.

На медсестру дар убеждения действовал прекрасно. Почему же Белла с таким трудом поддается ему?

– Сейчас принесу пузырь со льдом, положить тебе на голову, милочка, – сказала медсестра, чувствуя себя немного неловко под моим взглядом – как и *полагалось* человеку, – и вышла из кабинета.

– Ты был прав, – простонала Белла, закрывая глаза.

О чем это она? Я поспешил прийти к худшему из выводов: она приняла мои предостережения всерьез.

– Как обычно, – отозвался я, добавив в голос насмешки, но прозвучала она на этот раз фальшиво. – И в чем же на этот раз?

– Прогуливать и вправду полезно для здоровья. – Она вздохнула.

Опять это облегчение.

И она умолкла. Только дышала медленно и размеренно. Губы понемногу начинали розоветь. Они были слегка несоразмерными: верхняя чуточку полнее нижней. Разглядывая ее губы, я поймал себя на странном ощущении. Мне хотелось подойти к ней поближе, а это было небезопасно.

– Поначалу ты меня так напугала, – попытался возобновить разговор я. Молчание имело странное и мучительное свойство: я оставался в одиночестве, без ее голоса. – Я уж думал, Майк Ньютон тащит твой хладный труп в лес, чтобы зарыть там!

– Обхохочешься, – отозвалась она.

– Без шуток, я видел покойников, у которых цвет лица был получше, – на этот раз я сказал чистую правду. – И перепугался, что теперь придется мстить твоему убийце.

И я бы отомстил.

– Бедняга Майк. Наверняка взбесился.

Меня пронзила ярость, но я сразу обуздал ее. Ясно же, что о Майке она заговорила просто из жалости. Она добрая, вот и все.

– Он меня на дух не переносит. – Эта мысль подняла мне настроение.

– Тебе-то откуда знать?

– Это видно по его лицу.

Пожалуй, для таких выводов информации, считанной с лица Майка, мне бы хватило. Практикуясь с Беллой, я отточил навыки.

– Но откуда ты вообще взялся? Ты же вроде прогуливал. – Теперь ее лицо смотрелось гораздо лучше: просвечивающая кожа утратила зеленоватый оттенок.

– Сидел в машине, слушал музыку.

Ее губы дрогнули, словно мой самый обыденный ответ чем-то удивил ее.

Она снова открыла глаза, когда вернулась миссис Хэммонд с пакетом льда.

– Вот так, милочка, – приговаривала медсестра, кладя пакет на лоб Беллы. – Выглядишь гораздо лучше.

– Наверное, все уже прошло, – ответила Белла и села, отложив лед. Ну разумеется. Ей же не нравится, когда ее опекают.

Миссис Хэммонд замахала морщинистыми руками, призывая ее снова лечь, но тут в кабинет заглянула мисс Коуп. Вместе с ней влетел запах свежей крови – легчайшее дуновение.

Майк Ньютон в приемной за ее спиной все еще негодовал, жалея, что упитанный парень, которого он притащил на этот раз, не девушка, принесенная сюда мной.

– К вам еще пациент, – сообщила мисс Коуп.

Белла сразу вскочила с кушетки, радуясь, что она уже не центр всеобщего внимания.

– Возьмите, – сказала она, возвращая пакет со льдом миссис Хэммонд. – Мне он уже не нужен.

Кряхтя, Майк втащил в медпункт Ли Стивенса. Кровь все еще капала с руки, которую Ли прижимал к лицу, стекала струйкой по запястью.

– О нет… – Для меня это зрелище стало сигналом уходить, и для Беллы, видимо, тоже. – Выйди в приемную, Белла.

Она удивленно обернулась ко мне.

– Поверь, так будет лучше, выйди.

Круто повернувшись, она успела проскользнуть в закрывающуюся дверь приемной. Я последовал за ней так поспешно, что ее разметавшиеся волосы задели мне руку.

Она обернулась ко мне, ее взгляд все еще был неуверенным.

– Наконец-то ты меня послушалась.

В первый раз.

Она сморщила нос.

– Кровью пахло.

Я удивленно и растерянно уставился на нее:

– Люди не чувствуют запаха крови.

– А я чувствую, и меня от него тошнит. Кровь пахнет ржавчиной… и солью.

Не сводя с нее глаз, я почувствовал, как каменеет мое лицо.

Неужели она в самом деле человек? Она *выглядела* как человек. На ощупь была мягкой, как человек. От нее пахло человеком – вообще-то даже лучше. И вела себя по-человечески… вроде бы. Но думала она не так, как люди, и ее реакции были другими.

Но кем еще она могла быть?

– Ну что? – спросила она.

– Ничего.

Нас прервал Майк Ньютон со своими ожесточенными и злобными мыслями.

– Выглядишь лучше, – наглым тоном заявил он ей.

У меня дрогнула рука, так и подмывало поучить его хорошим манерам. Придется следить за собой, чтобы не прикончить несносного мальчишку.

– Только палец из кармана не вынимай, – попросила она, и на секунду я уж подумал, что она обращается ко мне.

– Крови больше нет, – хмуро ответил он. – Вернешься на урок?

– Шутишь? Придется опять вести меня в медпункт.

Вот и хорошо. Я уж думал, что проведу без нее целый час, а мне выпал шанс повидаться с ней. Явно незаслуженный дар.

– Это уж точно, – пробубнил Майк. – Так ты едешь в выходные? На побережье?

А это еще что такое? У них свои планы? Негодование приморозило меня к месту. Но оказалось, что это групповая поездка. Майк мысленно перебирал имена других приглашенных и считал места в машинах. Значит, они едут не только вдвоем. Но это меня не успокоило. Я прислонился к стойке, старательно сдерживая себя.

– Конечно, я же сказала, – заверила она.

Стало быть, и ему она сказала «да». Ревность обжигала больнее жажды.

– Тогда встречаемся у отцовского магазина в десять.

«*А Каллена НЕ пригласили*».

– Буду вовремя, – пообещала она.

– На физкультуре увидимся.

– Увидимся, – повторила она.

Майк поплелся в класс, внутренне кипя от раздражения. «*Что она нашла в этом чокнутом? Ну да, он богатенький. Девчонки считают его крутым, но я бы не сказал. Слишком уж… идеальный. Могу поспорить, их папаша экспериментирует с пластической хирургией на своей семье. Потому-то все они такие белые и смазливые. Это же неестественно. И вообще с виду он какой-то… жуткий. Как уставится, так могу поклясться, что думает, как бы меня прикончить. Псих*».

Оказалось, кое-что Майк все же замечает.

– Физкультура, – повторила Белла и застонала.

Взглянув на нее, я заметил, что она опять чем-то расстроена. Неизвестно почему, но было ясно, что на следующий урок с Майком ей не хочется, и я был только за.

Я подошел к ней, склонился, на расстоянии ощущая губами тепло ее кожи. Дышать я не осмеливался.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – шепнул я. – Сядь и притворись, что тебе плохо.

Она так и сделала – села на один из складных стульев, откинула голову, прижалась затылком к стене, и как раз в этот момент мисс Коуп вышла из медпункта и направилась к своему столу. С закрытыми глазами Белла снова казалась теряющей сознание. Привычный цвет лица к ней еще не вернулся.

Я повернулся к мисс Коуп, сардонически думая, что, если повезет, Белла обратит внимание на то, что будет дальше. Именно так полагается реагировать людям.

– Мисс Коуп! – позвал я снова своим самым убедительным тоном.

Ее ресницы затрепетали, сердце учащенно забилось. «*Держи себя в руках!*»

– Да?

Любопытно. Пульс у Шелли Коуп участился потому, что она считала меня физически привлекательным, а не потому, что испугалась. К таким явлениям я привык, находясь среди человеческих самок, некоторые из них со временем осваивались в присутствии меня и мне подобных… но я считал, что сердце Беллы начинает биться быстрее по другим причинам.

Впрочем, мне это нравилось, пожалуй, даже слишком. Я улыбнулся осторожной, призванной успокаивать людей улыбкой, и дыхание мисс Коуп стало чуть более шумным, чем прежде.

– Следующим уроком у Беллы физкультура, а ей, кажется, все еще плохо. Наверное, будет лучше, если я прямо сейчас отвезу ее домой. Вы не могли бы дать ей освобождение от урока? – Я заглянул в ее глаза, лишенные глубины, и с удовольствием отметил, какое воздействие оказал этим на ее мыслительные процессы. Неужели и Белла?..

Мисс Коуп пришлось сглотнуть, чтобы ответить.

– Наверное, и ей освобождение, и тебе тоже – да, Эдвард?

– Нет, у меня урок у мисс Гофф, она меня отпустит.

Больше я не обращал на нее внимания, задумавшись о новых возможностях.

Хмм. Хотелось бы верить, что Белла находит меня привлекательным, как и другие люди, но когда реакции Беллы совпадали с обычными людскими? Не стоит тешить себя надеждами.

– Вот и хорошо. Поправляйся, Белла.

Белла слабо кивнула, слегка переигрывая.

– Сама дойдешь? Или тебя донести? – спросил я, забавляясь ее наивной игрой на публику. Я знал, что она пожелает идти сама – лишь бы не показаться слабой.

– Дойду, – ответила она.

Опять угадал.

Она поднялась, помедлив немного и словно проверяя, удержится ли на ногах. Я придержал для нее дверь, мы вышли под дождь.

Я увидел, как она подставила дождю лицо, закрыла глаза, слегка улыбнулась. О чем она думала? Ее поза выглядела как-то странно, и я быстро понял, почему она непривычна мне. Обычные человеческие девушки не подставляют лицо дождю: как правило, они накрашены, даже в этих сырых краях.

Белла никогда не красилась и не нуждалась в макияже. Косметическая индустрии зарабатывала миллиарды долларов в год благодаря женщинам, которые стремились, чтобы их кожа выглядела как у нее.

– Спасибо, – сказала она и улыбнулась мне. – Ради того, чтобы отделаться от физкультуры, можно и в обморок упасть!

Я засмотрелся вдаль на территорию школы, гадая, сколько еще времени отпущено нам с Беллой.

– Не за что, – сказал я.

– Так ты поедешь? В субботу? – в голосе послышалась надежда.

И эта надежда приглушила уколы моей ревности. Она хотела, чтобы рядом с ней был я, а не Майк Ньютон. А я хотел дать утвердительный ответ. Но слишком многое требовалось учесть. И прежде всего – то, что суббота ожидалась солнечная.

– А куда вы едете? – Я старался не выдать заинтересованности, словно ответ мало что менял. Впрочем, Майк упомянул *побережье*. Там на спасение от солнца рассчитывать не стоит. И Эмметт заведется, если я отменю наши планы, но меня это не остановило бы – если бы нашелся способ провести время с Беллой.

– В Ла-Пуш, на Ферст-Бич.

Значит, ничего не выйдет.

Я справился с разочарованием, иронически улыбнулся и перевел взгляд на нее.

– Меня, кажется, не приглашали.

Она вздохнула, заранее смирившись с отказом.

– Я приглашаю.

– На этой неделе мы с тобой больше не будем доводить беднягу Майка. А то еще сорвется. – Я подумывал лично стать виновником срыва *бедняги Майка* и с наслаждением представлял это событие во всех подробностях.

– Майк-шмайк, – пренебрежительно отозвалась она. Я улыбнулся.

И она зашагала прочь от меня.

Не задумываясь, я машинально протянул руку и схватил ее сзади за куртку. Она дернулась и остановилась.

– Куда это ты собралась? – Я расстроился, почти разозлился, увидев, что она уходит. Проведенного с ней времени мне не хватило.

– Домой, а что? – Она явно озадачилась, не понимая, чем расстроила меня.

– Ты не слышала, что я обещал благополучно доставить тебя до дома? Думаешь, я разрешу тебе сесть за руль в таком состоянии? – Я понимал: ей не понравится, что я сослался на ее слабость. Но мне требовалось попрактиковаться перед поездкой в Сиэтл, чтобы выяснить, способен ли я выдержать ее близкое присутствие в замкнутом пространстве. До ее дома гораздо ближе, чем до Сиэтла.

– При чем тут состояние? – возразила она. – А как же мой пикап?

– Попрошу Элис пригнать его после уроков. – И я осторожно потянул ее к своей машине. По-видимому, даже идти *вперед* ей было затруднительно.

– Пусти! – Она повернулась боком и чуть не споткнулась. Я протянул руку, чтобы подхватить ее, но она восстановила равновесие сама еще до того, как ей понадобилась моя поддержка. Не следовало мне искать предлоги, чтобы прикоснуться к ней. Мне вновь вспомнилась реакция на меня мисс Коуп, но я решил обмозговать ее потом. А пока мне и без того было о чем подумать.

Едва я отпустил ее, как она и просила, как об этом пожалел: она немедленно запнулась и повалилась на дверцу моей машины с пассажирской стороны. Придется впредь быть еще осторожнее и помнить, как плохо она сохраняет равновесие.

– Какая *наглость*!

Она была права. Я вел себя странно, и это еще самое мягкое из возможных определений. Неужели теперь она мне откажет?

– Открыто.

Я обошел машину, сел за руль и повернул ключ. Она упрямо стояла снаружи, хотя дождь усиливался, а я знал, что холод и сырость ей неприятны. От воды, пропитавшей ее густые волосы, они казались почти черными.

– Я вполне способна сама доехать до дома!

Безусловно способна. Но быть рядом с ней мне хотелось так остро, как никогда и ничего прежде. Это желание не было насущным и требовательным, как жажда, – оно было другим, потребностью иного рода и другим видом боли.

Она поежилась.

Я опустил стекло с пассажирской стороны и наклонился к ней.

– Садись в машину, Белла.

Она сощурилась, и я догадался, что она решает, стоит ли попробовать сделать ноги.

– Обратно приволоку, – шутливо пригрозил я, еще не зная, верна ли моя догадка. Испуг на ее лице подсказал мне, что верна.

Держа голову высоко поднятой, она открыла дверцу и села в машину. С волос капало на кожаную обивку, ботинки со скрипом терлись один о другой.

– В этом нет никакой необходимости, – заявила она.

Я отметил, что теперь она выглядит скорее сконфуженной, чем рассерженной. Неужели мне не стоило так себя вести? Мне *казалось*, я поддразниваю ее, как самый обычный влюбленный подросток, – а вдруг я все испортил? И теперь она считает, что я к чему-то принудил ее? У нее, кстати, есть на то все основания.

Я понятия не имел, как надо действовать. Как ухаживать за ней подобно нормальному современному человеку в две тысячи пятом году. Пока я сам был человеком, я знал лишь обычаи моего времени. Благодаря своему странному дару я неплохо ориентировался в мышлении нынешних людей – знал, чем они заняты, какие поступки совершают, – но мои попытки изобразить естественное и современное поведение заканчивались провалом. Видимо, потому, что я не обычный, не современный и не человек. И даже от близких ничему полезному научиться я не мог. Никому из них не доводилось самому участвовать в обычном процессе ухаживания, не говоря уже о двух других определениях.

История Розали и Эмметта была шаблонной, классической любовью с первого взгляда. Им и в голову не приходило сомневаться в том, кто они друг для друга. В первую же секунду, как Розали увидела Эмметта, ее потянуло на невинность и целомудрие, которых она была лишена при жизни. И она захотела его. В первую же секунду, как Эмметт увидел Розали, он узрел богиню, которой с тех пор не уставал поклоняться. Между ними не случилось ни неловкого первого разговора, полного сомнений, ни напряженного, беспокойного ожидания решающего «да» или «нет».

Союз Элис и Джаспера походил на обычный еще меньше. Ибо еще за двадцать восемь лет до их первой встречи Элис знала, что полюбит Джаспера. Она видела годы, десятилетия, века их будущей совместной жизни. А Джаспер, уловивший все ее эмоции в тот долгожданный момент, а также чистоту, определенность и глубину ее любви, не мог не поразиться. Должно быть, ему показалось, что он попал в цунами.

Пожалуй, история Карлайла и Эсме была чуть ближе к типичной, чем остальные. К изумлению Карлайла, Эсме с самого начала любила его, но ни мистика, ни магия были здесь ни при

чем. Она познакомилась с ним, когда была еще ребенком, и его доброта, острый ум и неземная красота положили начало привязанности, которую она пронесла через всю оставшуюся человеческую жизнь. И поскольку жизнь не баловала Эсме, неудивительно, что драгоценные воспоминания о встрече с хорошим человеком не вытеснило из ее сердца ничто. После жгучей пытки преображения, когда она очнулась лицом к лицу с давней заветной мечтой, вся полнота ее чувств была всецело отдана Карлайлу.

Я был готов предупредить Карлайла о ее непредвиденной реакции. Он ожидал, что она будет потрясена преображением, травмирована болью, ужаснется тому, кем стала, так же, как в свое время было со мной. И полагал, что придется объясняться и извиняться, успокаивать и заглаживать вину. Он понимал, что, вполне вероятно, она предпочла бы смерть и теперь презирает его за выбор, сделанный без ее ведома и согласия. Так что к ее незамедлительному согласию вступить в такую жизнь, причем совместно с ним, он оказался не готов.

До тех пор он никогда не считал себя достойным романтической любви. Слишком уж это противоречило тому, кем он являлся, – вампиром, чудовищем. То, что я сообщил, помогло ему по-другому взглянуть не только на Эсме, но и на самого себя.

Мало того, *решение* спасти кого-либо – яркое, мощное событие. Такие решения никому в здравом уме не даются легко. Когда Карлайл выбрал меня, к тому времени, как я очнулся и понял, что произошло, его уже связывали со мной десятки прочных эмоциональных уз. Ответственность, тревога, нежность, жалость, надежда, сострадание… этому действию было присуще естественное чувство вовлеченности, которое сам я никогда не испытывал, только слышал о нем в мыслях Карлайла и Розали. Как отца я воспринимал его еще до того, как узнал его имя. С ролью сына я сжился инстинктивно, без малейшего труда. Любовь явилась легко, хотя я всегда приписывал это обстоятельство скорее его личным качествам, нежели тому, что он инициировал мое преображение.

Так что свою роль сыграли либо все перечисленные причины, либо судьба, уготованная Карлайлу и Эсме, – что именно, я так и не узнал, несмотря на мой дар, способность слышать все по мере того, как оно происходило. Она любила его, и он быстро обнаружил, что способен отвечать на ее любовь. Прошло совсем немного времени, прежде чем его удивление сменилось радостным изумлением, открытием и романтическими чувствами. И безмерным счастьем.

Редкие моменты легко преодолеваемой неловкости были сглажены с помощью чтения мыслей. Но не такой неловкости, как эта. Никто из моих близких не оказывался в таком же тупике, не барахтался так же беспомощно, как я.

Даже целой секунды не понадобилось, чтобы в голове у меня пронеслись мысли о том, как легко образовались эти пары; Белла как раз закрывала дверцу со своей стороны. Я поспешил включить отопление, чтобы ей стало уютнее, и приглушил музыку до фоновой громкости. И повернул к выезду с парковки, поглядывая на Беллу краем глаза. Ее нижняя губа все еще была упрямо выпячена.

Вдруг она с интересом взглянула на магнитолу и перестала дуться.

– «Лунный свет»? – спросила она.

Поклонница классики?

– Ты знаешь Дебюсси?

– Немного, – сказала она. – Мама часто включает дома классическую музыку, а я знаю только то, что мне нравится.

– Это одна из моих любимых пьес. – Я задумался, глядя на дождь. У нас с этой девушкой и вправду нашлось кое-что общее. А я уж было думал, что мы полные противоположности друг другу во всем.

Она, кажется, немного расслабилась, смотрела на дождь, как я, но невидящими глазами. Пользуясь тем, что она отвлеклась, я решил поэкспериментировать с дыханием.

Осторожно сделал вдох носом.

Мощно.

Я крепко вцепился в руль. От дождя ее запах усилился, стал еще приятнее. Ни за что бы не подумал, что такое возможно. Мой язык подрагивал в предвкушении.

А чудовище-то не сдохло, с омерзением понял я. Просто затаилось, выжидая время.

Я попытался глотать, чтобы приглушить жжение в горле. Это не помогло. Только разозлило меня. Я и без того слишком редко вижусь с этой девушкой. Подумать только, на какие ухищрения мне приходится пускаться ради лишних пятнадцати минут. Я сделал еще вдох и постарался сдержать свою реакцию. Мне *надо* быть сильнее ее.

«*Как бы я поступил, не будь я злодеем в этой истории?*» – спросил я себя. Как бы воспользовался этим бесценным временем?

Постарался бы побольше узнать о ней.

– Расскажи о своей матери, – попросил я.

Белла улыбнулась.

– Внешне мы похожи, только она красивее.

Я окинул ее скептическим взглядом.

– Во мне слишком много от Чарли, – продолжала она. – Мама смелая, общительная, не то что я.

Общительная – верю. Более смелая? Вряд ли.

– Легкомысленная, немного эксцентричная, любит кулинарные эксперименты, правда, предугадать исход этих экспериментов практически невозможно. Мы с ней лучшие подруги, – голос стал грустным, на лбу обозначились морщинки.

Как я уже замечал прежде, о матери она говорила скорее как родитель о ребенке.

Я остановился перед ее домом, с запозданием сообразив, что вроде бы не должен знать, где она живет. Но нет, в небольшом городке это не должно вызывать подозрений, ведь ее отец видная фигура.

– Сколько тебе лет, Белла?

Должно быть, она постарше одноклассников. Может, поздно пошла в школу или отстала. Но нет, не может быть, – при ее уме.

– Семнадцать, – ответила она.

– На семнадцать ты не выглядишь.

Она засмеялась.

– Ты что?

– Мама вечно твердит, что я родилась тридцатипятилетней и с каждым годом становлюсь все больше похожей на женщину средних лет. – Она снова засмеялась. Потом вздохнула. – Что ж, должен же кто-то в семье быть взрослым.

Это кое-что прояснило для меня. Не составляло труда понять, как легкомыслие матери приводит к зрелости дочери. Ей пришлось рано повзрослеть и взять мать под свою опеку. Потому-то ей и не нравится, когда опекают ее саму – ей кажется, что это ее работа.

– Ты тоже не очень-то похож на старшеклассника, – вывела она меня из раздумий.

Я нахмурился. Стоило мне что-то узнать о ней, как она слишком многое замечала в ответ. Я сменил тему:

– Так почему же твоя мать вышла за Фила?

Она помедлила, прежде чем ответить.

– Моя мама… для своих лет она очень молода. А с Филом, по-моему, чувствует себя еще моложе. Во всяком случае, она в него влюблена. – Она снисходительно покачала головой.

– И ты не против ее брака? – удивился я.

– А не все ли равно? – спросила она. – Я хочу, чтобы мама была счастлива… а она хочет быть вместе с этим человеком.

Это альтруистичное замечание потрясло бы меня, если бы не вписывалось в общую картину, не дополняло то, что я уже узнал про ее характер.

– Такое великодушие… интересно.

– Что именно?

– Готова ли она отплатить тебе той же монетой, как ты думаешь? Кем бы ни оказался твой избранник?

Вопрос был дурацкий, и сохранить беспечный тон мне не удалось. Как глупо даже предполагать, что кто-то способен одобрить *меня* в качестве избранника для своей дочери. Как глупо даже надеяться, что Белла выберет меня.

– Д-думаю, да, – под моим взглядом она запнулась. От страха? Мне опять вспомнилась мисс Коуп. О чем говорят другие признаки? Широко раскрытые глаза могут означать обе эмоции. Но трепет ресниц вроде бы свидетельствует против страха. У Беллы приоткрыты губы…

Она спохватилась:

– Но она же мать. Это другое дело.

Я иронически улыбнулся.

– В таком случае не выбирай слишком страшных.

– Слишком страшных – это каких? Сплошь в пирсинге и татуировках? – Она усмехнулась мне.

– Можно сказать и так. – На мой взгляд, это определение не содержало никакой угрозы.

– А как сказал бы ты?

Вечно она задавала не те вопросы. Или, пожалуй, вопросы в самую точку. Во всяком случае, такие, на которые мне не хотелось отвечать.

– Как думаешь, *я* могу быть страшным? – спросил я, пытаясь слегка улыбнуться.

Она задумалась, потом ответила серьезно:

– Хм… пожалуй, *можешь*, если захочешь.

Я тоже посерьезнел.

– А сейчас ты меня боишься?

На этот вопрос она ответила сразу:

– Нет.

Улыбаться стало легче. Вряд ли я услышал от нее чистую правду, но ведь она и не солгала. По крайней мере, ей было не настолько страшно, чтобы захотелось сбежать. Я задался вопросом, какие чувства вызвало бы у нее мое сообщение, что этот разговор она ведет с вампиром, и внутренне сжался, представив себе ее реакцию.

– Может быть, теперь ты расскажешь мне о своей семье? Наверняка твоя история гораздо интереснее моей.

И уж точно страшнее.

– Что ты хочешь узнать? – осторожно уточнил я.

– Каллены усыновили тебя?

– Да.

Она замялась, потом робко спросила:

– Что случилось с твоими родителями?

Ответить было нетрудно. Даже лгать ей не пришлось.

– Они умерли много лет назад.

– Сочувствую, – пробормотала она, явно встревоженная тем, что расстроила меня.

Она тревожилась обо *мне*. Какое странное чувство – видеть ее заботу, пусть даже такую, которую принято проявлять из вежливости.

– На самом деле я их почти не помню, – заверил я. – Карлайл и Эсме давным-давно уже стали мне настоящими родителями.

– И ты их любишь, – заключила она.

Я улыбнулся.

– Да. Они лучше всех.

– Тебе повезло.

– Сам знаю.

В этом отношении мне и вправду не на что жаловаться.

– А твои брат с сестрой?

Если я дам ей шанс выспрашивать подробности, мне придется врать. Я взглянул на часы – с досадой, что мое время с ней истекло, и вместе с тем с облегчением. Боль была мучительной, и боялся, как бы жжение в горле не усилилось вдруг настолько, что я уже не смогу сдерживать его.

– Мои брат с сестрой, а если уж на то пошло, и Джаспер с Розали не обрадуются, если им придется мокнуть под дождем, дожидаясь меня.

– Ой, извини, тебе же надо уезжать!

Но она не сдвинулась с места. Ей тоже не хотелось, чтобы наше время истекло.

На самом деле боль терпима, размышлял я. Но нельзя забывать об ответственности.

– А тебе надо, чтобы пикап пригнали раньше, чем шеф полиции Свон вернется домой. Тогда тебе не придется рассказывать о том, что стряслось с тобой на биологии.

– Да он наверняка уже в курсе. В Форксе невозможно что-то утаить, – название города она выговорила с явной неприязнью.

Я засмеялся ее словам. И вправду, здесь ничего не скроешь.

– Удачной вам поездки на побережье. – Я взглянул на проливной дождь, зная, что он не затянется, и на этот раз сильнее, чем обычно, желая, чтобы затянулся. – Погода в самый раз, чтобы позагорать.

Ну или как раз такая установится к субботе. Она обрадуется. А ее радость стала для меня важнее всего. Важнее моей собственной радости.

– А разве завтра мы не увидимся?

Беспокойство в ее голосе польстило мне и в то же время вызвало желание не разочаровывать ее.

– Нет. У нас с Эмметтом выходные начнутся досрочно. – Я уже злился на себя за эти планы. Мог бы и отказаться… но теперь охота как нельзя кстати, и мои близкие и без того тревожатся за меня, незачем давать им понять, как велика моя одержимость. Я до сих пор не знал толком, что за безумие овладело мной прошлой ночью. В самом деле пора найти способ обуздывать свои порывы. Пожалуй, немного отдалиться на некоторое время не помешает.

– Чем займетесь? – спросила она – судя по голосу, не слишком обрадованная моим известием.

Больше удовольствия, больше боли.

– Идем в поход в заповедник Гэут-Рокс, к югу от Рейнира.

Эмметту не терпелось открыть сезон охоты на медведей.

– Ну ладно, удачного вам похода, – без особого воодушевления пожелала она, чему я вновь порадовался.

Глядя на нее, я уже заранее начал мучиться, представляя, как придется попрощаться с ней, пусть даже на время. Она такая нежная и уязвимая. Это же просто безрассудство – оставлять ее без присмотра там, где с ней может случиться что угодно. Однако к худшему, что могло с ней случиться, приведут скорее встречи со мной.

– Можешь выполнить одну мою просьбу? – серьезно спросил я.

Она кивнула, явно заинтригованная моим тоном.

«*Полегче*».

– Не обижайся, но ты, похоже, из тех, кто прямо-таки притягивает к себе неприятности! Так что… постарайся не свалиться в воду и не попасть под машину, ладно?

Я невесело улыбнулся, надеясь, что она не различит неподдельную тоску в моих глазах. Как я сожалел о том, что ей будет гораздо лучше вдали от меня, что бы с ней при этом ни случилось!

Беги, Белла, беги. Я люблю тебя слишком сильно – во вред тебе и себе.

Она обиделась – должно быть, в чем-то я снова просчитался. И обдала меня яростным взглядом.

– Сделаю, что смогу, – отрезала она, выскочила под дождь и постаралась посильнее хлопнуть дверцей.

Я сжал в кулаке ключ, который только что тайком выудил у нее из кармана, и, отъезжая, глубоко вдохнул ее запах.

Глава 7. Мелодия

После возвращения в школу снова пришлось ждать. Последний урок еще не закончился. Тем лучше, потому что мне требовалось о многом подумать и побыть одному.

В машине витал ее запах. Я нарочно не открывал окна, позволяя ему действовать на меня, пытаясь привыкнуть к ощущению жжения в горле, на которое обрек себя сам.

Влечение.

Серьезная проблема для размышлений. Столько сторон, столько разных оттенков и уровней смысла. Не любовь, но нечто неразрывно связанное с ней.

Я понятия не имел, влечет ли Беллу ко мне. И не станет ли тишина в ее мыслях раздражать меня все сильнее, пока я не взбешусь? Или существует предел, которого я в конце концов достигну?

Попытки сравнить ее физические реакции с реакциями других, например женщины из школьной канцелярии и Джессики Стэнли, мало что дали. Одни и те же признаки – изменения пульса и дыхания – могли с одинаковой вероятностью означать и страх, и шок, и тревогу, и интерес. Реакцией на мое лицо других женщин, да и мужчин тоже, была инстинктивная опасливость. Она преобладала над всеми прочими эмоциями. Казалось маловероятным, чтобы Беллу посещали мысли того же рода, что и Джессику Стэнли. Белла же прекрасно понимала, что со мной что-то не так, хоть и не знала точно, что именно. Коснувшись моей ледяной кожи, она сразу отдернула руку и поежилась.

И все же… я вспоминал те самые фантазии, которые раньше вызывали у меня отвращение, но представлял в них не Джессику, а Беллу.

Я задышал чаще, огонь распространялся вверх и вниз по горлу, драл его, как когтями.

А если бы не кто-нибудь, а *Белла* представляла, как я обнимаю обеими руками ее тонкое тело? Чувствовала, как я крепко прижимаю ее к своей груди и беру ладонью за подбородок? Как отвожу тяжелую завесу волос от ее пылающего лица? Провожу кончиками пальцев по контуру ее полных губ? Приближаю лицо к ее лицу, чтобы чувствовать на губах жар ее дыхания? Придвигаюсь еще ближе…

Но я вырвался из плена этих грез наяву, понимая так же отчетливо, как когда видел их в воображении Джессики, что будет, если я окажусь так близко к ней.

Влечение представляло собой неразрешимую дилемму, потому что меня влекло к Белле в наихудшем смысле из возможных.

Хочу ли я, чтобы Беллу влекло ко мне как к мужчине?

Вопрос поставлен неверно. Правильно было бы спросить, *надо* ли мне это – хотеть, чтобы Беллу так влекло ко мне, и ответить «нет». Потому что я не человек, не человеческий мужчина, и это было бы нечестно по отношению к ней.

Всем своим существом я жаждал быть обычным мужчиной, чтобы держать ее в объятиях, не подвергая риску ее жизнь. Так, чтобы без опасений развивать свои фантазии и знать, что они не завершатся ее кровью на моих руках и отсветом ее крови в моих глазах.

Мое увлечение ею ничем не оправдано. Какие отношения я могу предложить ей, если не рискую к ней прикоснуться?

Я уронил голову на ладони.

Замешательство усиливало то, что еще никогда за всю свою жизнь я не чувствовал себя настолько человеком – даже когда *был* им, насколько помнится. В те времена мои помыслы целиком занимала воинская доблесть. Почти все мои подростковые годы пришлись на Первую мировую войну, а когда до восемнадцатилетия мне оставалось всего девять месяцев, началась эпидемия испанки. От этого человеческого периода у меня сохранились туманные впечатления, смутные воспоминания теряли реальность с каждым проходящим десятилетием. Отчет-

ливее всего я помнил свою мать, и когда мысленно видел ее лицо, ощущал застарелую боль. Мне слабо помнилось, как ненавистно ей было будущее, приближение которого я так усердно торопил, и как каждый вечер в молитве перед ужином она просила, чтобы поскорее закончилась эта «гадкая война». Воспоминаний о желаниях иного рода у меня не осталось. Никакая любовь не удерживала меня в той жизни, кроме материнской.

Теперешние чувства были мне в новинку. Не с чем было проводить параллели, не с чем сравнивать.

Моя любовь к Белле поначалу была чистой, но теперь ее воды замутились. Мне нестерпимо хотелось иметь возможность прикоснуться к ней. Хочет ли она того же?

Это не важно, пытался я убедить себя.

Я уставился на свои белые руки, с ненавистью отмечая их твердость, холодность, нечеловеческую силу…

И вздрогнул, когда дверца с пассажирской стороны вдруг открылась.

«*Ха! Застал тебя врасплох. В первый раз*», – подумал Эмметт, усаживаясь рядом.

– Готов поспорить, мисс Гофф считает, что ты что-то употребляешь – в последнее время ты сам не свой. Где был сегодня?

– Я… творил благие дела.

«*О как?*»

Я усмехнулся.

– Опекал недужных, и так далее.

От этого он только еще сильнее запутался, но потом сделал вдох и почуял запах в машине.

– Аа. Опять эта девчонка?

Я нахмурился.

«*Час от часу не легче*».

– И не говори, – буркнул я.

Он снова принюхался.

– Хмм, а на вкус она ничего, верно?

Я оскалил зубы машинально, еще до того, как успел осознать смысл его слов.

– Полегче, парень, я же просто так сказал.

Явились остальные. Розали сразу заметила запах и сердито глянула на меня, продолжая раздражаться. Я задумался, чем на самом деле вызвано ее недовольство, но в ее мыслях слышал только брань.

Реакция Джаспера мне тоже не понравилась. Как и Эмметт, он отметил притягательность Беллы. На любого из них этот запах не оказывал и тысячной доли того влияния, которому подвергал меня, и все же меня беспокоило то, что ее кровь кажется им сладкой. Джаспер плохо владел собой.

Элис подскочила к окну с моей стороны и протянула руку за ключами от пикапа Беллы.

– Я видела только, что это была я, – по привычке туманно выразилась она. – Так что объяснений жду от тебя.

– Это не значит…

– Знаю, знаю. Подожду. Недолго осталось.

Я вздохнул и отдал ей ключи.

До дома Беллы я следовал за ней. Дождь барабанил миллионами молоточков, так громко, что человеческий слух Беллы не мог различить в этом шуме даже громовой рев двигателя пикапа. Я посмотрел на ее окно, но она не выглянула. Может, ее вообще не было у себя. Чужих мыслей в доме я не уловил.

И расстроился, что не слышу ее мысли, даже когда надо проверить, убедиться, что у нее все хорошо или она хотя бы в безопасности.

Элис пересела к нам в машину, и мы помчались домой. Дороги были свободны, так что поездка заняла всего несколько минут. Дома мы занялись каждый своим делом.

Эмметт и Джаспер продолжили запутанную партию в шахматы на восьми досках, расставленных вдоль застекленной задней стены дома; для таких игр у них имелся сложный набор правил. Меня не принимали, со мной соглашалась играть только Элис.

Элис уселась за свой компьютер в нише неподалеку от них, и я услышал, как запели оживающие мониторы. Она разрабатывала модели для гардероба Розали, но сама Розали сегодня не присоединилась к ней, чтобы, как обычно, висеть над душой и диктовать особенности покроя и цвета, пока Элис водит по сенсорному дисплею. Вместо этого Розали с мрачным видом развалилась на диване и принялась гулять по каналам на плоском экране, безостановочно переключая их со скоростью не меньше двадцати в секунду. Я слышал, как она размышляет, не сходить ли в гараж и не повозиться ли с ее «БМВ».

Эсме наверху мурлыкала над какими-то чертежами. Она всегда работала над чем-нибудь новым. Наверное, дом по этому проекту она построит для нас следующим или через один.

Высунувшись из-за выступа стены, Элис принялась одними губами беззвучно перечислять следующие ходы Эмметта, сидящего на полу спиной к ней, – подсказывала Джасперу, который с невозмутимым видом отрезал путь любимому коню Эмметта.

А я впервые за такое долгое время, что мне стало совестно, направился к изумительному роялю, стоящему у лестницы.

Я мягко пробежался по клавишам, проверяя настройку. Она была все еще идеальна.

Наверху карандаш замер в пальцах Эсме, она склонила голову набок.

Я заиграл первую фразу мелодии, которая сама явилась мне сегодня в машине, и с удовольствием убедился, что она звучит даже лучше, чем в моем воображении.

«*Эдвард опять играет*», – радостно думала Эсме, ее лицо осветилось улыбкой. Встав из-за чертежного стола, она на цыпочках прокралась на верхнюю площадку лестницы.

Я добавил к первой фразе вторую, гармонично сочетающуюся с ней, вплел в нее мелодию.

Эсме удовлетворенно вздохнула, присела на верхнюю ступеньку и прислонилась головой к балясине. «*Новая песня. Сколько же времени прошло. Какая чудесная мелодия*».

Я не мешал мелодии развиваться в новом направлении, сопровождая ее аккомпанементом.

«*Эдвард опять сочиняет?*» – подумала Розали и в приливе острого раздражения сжала зубы.

В этот момент она отвлеклась, и я увидел все, что скрывалось под верхним слоем ее негодования. Понял, почему я вечно вывожу ее из терпения. Почему она думает об убийстве Изабеллы Свон, не испытывая ни малейших угрызений совести.

У Розали все было замешано на тщеславии.

Музыка вдруг оборвалась, я невольно рассмеялся и оборвал эту внезапную вспышку веселья, зажав ладонью рот.

Розали метнула в меня злобный взгляд, ее глаза блеснули оскорбленно и яростно.

Эмметт и Джаспер тоже обернулись, я услышал замешательство Эсме. Она мгновенно спустилась и замерла, переведя взгляд с меня на Розали.

– Играй дальше, Эдвард, – после напряженного молчания подбодрила меня Эсме.

Я заиграл снова, отвернувшись от Розали и изо всех сил стараясь сдержать ухмылку, которая сама собой расплывалась у меня на лице. Розали вскочила и бросилась из комнаты, и злости в ее порыве было больше, чем смущения. Но и смущение чувствовалось отчетливо.

«*Скажешь кому-нибудь хоть слово – убью как собаку*».

Я снова подавил смешок.

– Что такое, Роз? – окликнул ее Эмметт. Розали не обернулась. С прямой, как палка, спиной она направилась прямиком в гараж и заползла под свою машину так, словно рассчитывала там и похоронить себя.

– В чем дело? – спросил меня Эмметт.

– Без малейшего понятия, – соврал я.

Эмметт отозвался недовольным бурчанием.

– Играй, играй, – настаивала Эсме – мои пальцы снова остановились.

Я исполнил ее просьбу, она подошла и встала у меня за спиной, положив руки мне на плечи.

Песня звучала приятно, но казалась незаконченной. Я пробовал добавлять проигрыши, но все было не то.

– Очаровательно. У нее есть название? – спросила Эсме.

– Пока нет.

– А сюжет? – в ее голосе сквозила улыбка. Музыкой она наслаждалась, и мне стало совестно за то, что я так долго не подходил к роялю. Вел себя как эгоист.

– Это… пожалуй, колыбельная. – Тут мне удалась одна из музыкальных связок. Из нее легко вытекала следующая фраза, обретая собственную жизнь.

– Колыбельная, – повторила Эсме самой себе.

А сюжет у этой мелодии и вправду был, и как только я понял это, она сложилась сама собой. В ней девушка спала в узкой постели, и темные волосы, густые и непослушные, разметались как водоросли по ее подушке…

Элис дала Джасперу возможность сражаться своими силами, подошла ко мне и села рядом на банкетку. Звенящим, как музыка ветра, переливчатым голосом она спела на пробу вокализ двумя октавами выше мелодии.

– Мне нравится, – негромко оценил я. – А если вот так?

Я добавил к мелодии ее тему, мои руки запорхали по клавишам, собирая воедино детали, слегка изменяя их и придавая пьесе новое развитие.

Она уловила настроение, подстроилась к нему и запела.

– Да. Идеально, – кивнул я.

Эсме пожала мое плечо.

Но я увидел и финал – теперь, когда голос Элис взмывал над мелодией и уводил ее в другом направлении. Я понимал, как должна закончиться эта песня, потому что спящая девушка – уже совершенство, и любое внесенное в нее изменение было бы неправильным, прискорбным. Песня вела к этому осознанию, снижались темп и тон. Голос Элис тоже зазвучал ниже, приобрел торжественность, достойную эха под высокими сводами собора в отблеске свечей.

Я сыграл последнюю ноту и уронил голову на клавиатуру.

Эсме погладила меня по голове. «*Все будет хорошо, Эдвард. Все сложится как нельзя лучше. Ты заслуживаешь счастья, сынок. Судьба перед тобой в долгу*».

– Спасибо, – шепнул я, жалея, что не верю в это. Как и в то, что мое счастье имеет значение.

«*Любовь не всегда приходит в удобной упаковке*».

Я невесело засмеялся.

«*Из всех живущих на этой планете ты, возможно, наиболее приспособлен к решению таких сложностей. Ты лучше и умнее всех нас*».

Я вздохнул. Каждая мать того же мнения о своем сыне.

Эсме все еще переполняла радость оттого, что в моем сердце наконец-то пробудились чувства, как бы велика ни была вероятность трагедии. Она уж думала, что я останусь одиноким навсегда.

«*Она непременно полюбит тебя в ответ*, – вдруг подумала она, застав меня врасплох неожиданным поворотом мыслей. – *Если она умница*. – Она улыбнулась. – *Но ума не приложу, как остальные могли быть такими тугодумами, чтобы не догадаться, насколько завидная ты добыча*».

– Перестань, мам, ты вгоняешь меня в краску, – шутливо отмахнулся я. Невероятно, но ее слова подняли мне настроение.

Элис засмеялась и заиграла одной рукой «Сердце и душу». Усмехнувшись, я дополнил простенькую мелодию аккомпанементом. А потом побаловал ее исполнением «Палочек для еды».

Она рассмеялась, потом вздохнула.

– Как бы мне хотелось узнать, почему ты смеялся над Роз, – призналась Элис. – Но я же вижу: ты не скажешь.

– Не скажу.

Она щелкнула пальцем мне по уху.

– Не балуйся, Элис, – упрекнула Эсме. – Эдвард ведет себя как джентльмен.

– Но я хочу *знать*.

Я засмеялся – так жалобно она это произнесла.

– Послушай, Эсме. – Я заиграл ее любимую песню, безымянное посвящение любви между ней и Карлайлом, свидетелем которой я был столько долгих лет.

– Спасибо, дорогой. – Она снова пожала мне плечо.

Для исполнения хорошо знакомой пьесы сосредоточенность мне не требовалась. И я задумался о Розали, которая до сих пор буквально корчилась от унижения в гараже, и незаметно усмехнулся.

Недавно открыв для себя могущество ревности, я отчасти жалел Роз. Гнусное чувство, что и говорить. Безусловно, ее ревность была намного мелочнее моей. Прямо из поговорки «собака на сене».

Интересно, как сложились бы жизнь и характер Розали, не будь она всегда самой красивой в своем окружении. Стала бы она счастливее – и не настолько самовлюбленной? Более отзывчивой – если бы красота не всегда была ее главным достоинством? Гадать без толку, заключил я, потому что с прошлым покончено, а самой красивой Роз была *всегда*. Даже будучи человеком, она постоянно купалась в лучах собственного совершенства и восхищения всех вокруг. Не то чтобы она возражала. Напротив, восхищение она ценила превыше всего. И в этом отношении ничуть не изменилась, когда стала бессмертной.

Если принять во внимание эту ее потребность, неудивительно, что ее уязвляло мое нежелание поклоняться ее красоте, чего она ждала от всех мужчин вокруг. Это не значит, что в том или ином смысле она хотела *меня* – совсем напротив. Но тем не менее ее бесило то, что я не хочу ее.

Джаспер и Карлайл – другое дело: они уже были влюблены. А я, будучи совершенно свободным, упорно хранил равнодушие.

Я уж думал, что былые обиды остались в прошлом, что она давно пережила их. Так и было… пока однажды я наконец не нашел ту, чья красота тронула меня так, как не трогала красота Роз. Ну разумеется. Надо было сразу догадаться, как это заденет ее. И я бы догадался, если бы не был так поглощен своими заботами.

Похоже, Розали всерьез считала, что если уж даже *ее* красоту я не считаю достойной поклонения, тогда меня наверняка оставит равнодушным любая красота, какая только есть на земле. В бешенстве она пребывала с того самого момента, как я спас Белле жизнь: благодаря обостренному чутью соперницы она угадала то, о чем в то время даже не подозревал я сам.

Розали смертельно оскорбилась, увидев, что я счел более притягательной, чем она, какую-то ничтожную человеческую самку.

Я снова сдержал смешок.

Однако меня беспокоило то, как она воспринимала Беллу. Розали искренне считала ее *дурнушкой*. Как она могла? Непостижимо. Наверное, виновата ревность.

– О! – вдруг встрепенулась Элис. – Джаспер, знаешь, что?

Я увидел то же самое, что только что видела она, и мои пальцы замерли на клавишах.

– Что, Элис? – отозвался Джаспер.

– На следующей неделе в гости приедут Питер и Шарлотта! Они будут тут неподалеку. Здорово, правда?

– Что-то не так, Эдвард? – спросила Эсме, заметив, как напряглись мои плечи.

– Питер и Шарлотта едут в *Форкс*? – зашипел я на Элис.

Она в ответ закатила глаза.

– Успокойся, Эдвард. Не в первый раз они приезжают.

Я стиснул зубы. С тех пор как здесь появилась Белла – в первый, а ее сладкая кровь манит не только меня.

Элис нахмурилась, глядя на меня.

– Они никогда не охотятся здесь. Ты же знаешь.

Но названый брат Джаспера и его возлюбленная, миниатюрная вампирша, не такие, как мы; они охотятся обычным способом. Когда рядом Белла, им нельзя доверять.

– Когда? – резко спросил я.

Она недовольно поджала губы, но дала ответ, которого я потребовал. «*В понедельник утром. Беллу никто не тронет*».

– Да, – согласился я и отвернулся от нее. – Ты готов, Эмметт?

– А я думал, мы уезжаем утром.

– Мы возвращаемся к полуночи в воскресенье. А когда уедем, решать только нам.

– Ладно, годится. Дай мне сперва попрощаться с Роз.

– Конечно. – Судя по настроению Розали, прощание будет коротким.

«*Ты правда рехнулся, Эдвард*», – мысленно заявил он, направляясь к задней двери.

– Похоже на то.

– Сыграй мне еще раз ту новую песню, – попросила Эсме.

– Если хочешь, – согласился я, хотя и не горел желанием следовать мелодии вплоть до неизбежного финала, причиняющего мне непривычную боль. Подумав немного, я вытащил из кармана крышку от бутылки лимонада и положил ее на пустующий пюпитр. Оно немного помогло – мое маленькое напоминание о том, как она сказала «да».

Я кивнул самому себе и начал играть.

Эсме и Элис переглянулись, но ни о чем не спросили.

– Неужели тебе никогда не объясняли, что с едой не играют? – окликнул я Эмметта.

– А, Эдвард! – закричал он в ответ, ухмыляясь и помахав мне рукой. Пользуясь тем, что он отвлекся, медведь хватил его тяжелой лапой по груди. Острые когти располосовали рубашку и взвизгнули, как ножи по стали, раздирая кожу.

Медведь тонко взвыл.

«*Ах, черт, рубашку мне Роз подарила!*»

Эмметт ответил разъяренному зверю грозным рыком.

Я вздохнул, усаживаясь на подходящий валун. Развлечение могло затянуться.

Но Эмметт уже почти закончил. Он позволил медведю попытаться снести ему голову еще одним взмахом лапы, засмеялся, легко отбивая удар так, что зверь пошатнулся и попятился. Медведь взревел, и Эмметт тоже взревел сквозь смех. Потом кинулся на зверя, который на задних лапах возвышался над ним на целую голову, и они, сплетясь в клубок, покатились по земле, попутно сбив солидную ель. Рычание медведя оборвалось, сменившись клокотанием.

Через несколько минут Эмметт рысцой подбежал к тому месту, где ждал его я. Его рубашка была непоправимо испорчена – разодранная и окровавленная, липкая от древесной смолы и сока, облепленная шерстью. Кудрявая шевелюра Эмметта выглядела не лучше. На лице расплылась широченная ухмылка.

– Вот этот был мощный. Я почти почувствовал, как он меня когтит.

– Ты прямо как ребенок, Эмметт.

Он окинул взглядом мою выглаженную и чистую белую рубашку на пуговицах.

– Ты что, так и не выследил ту пуму?

– Выследил, само собой. Просто я не питаюсь по-дикарски.

Эмметт разразился гулким хохотом.

– Вот были бы они посильнее! А то не так весело.

– Никто и не обещал тебе драк с едой.

– Ага, но с кем еще мне драться? Вы с Элис жульничаете, Роз запрещает портить ей прическу, а Эсме сердится, стоит нам с Джаспером сцепиться *всерьез*.

– Жизнь – боль, как ни крути, да?

Эмметт ухмыльнулся и перенес вес тела на другую ногу так, что внезапно принял стойку для атаки.

– Ну же, Эдвард! Просто выключись на минутку и дерись честно.

– Это не выключается, – напомнил я.

– Знать бы, как эта человеческая девчонка отгораживается от тебя, – задумался Эмметт. – Может, она и мне что-нибудь подскажет.

Мое благодушие как ветром сдуло.

– Держись от нее подальше, – зарычал я сквозь зубы.

– Ути-пути!

Я вздохнул. Эмметт сел рядом со мной на камень.

– Извини. Понимаю, тебе сейчас трудно. И я правда стараюсь быть не *таким* толстокожим дебилом, как обычно, но поскольку это вроде как мое естественное состояние…

Он умолк, ожидая, что я засмеюсь над его шуткой, потом скорчил гримасу.

«*Вечно такой серьезный. Что тебя гложет на этот раз?*»

– Думаю о ней. Вообще-то сильно переживаю.

– Было бы о чем тревожиться! *Ты же здесь*. – Он расхохотался.

Я сделал вид, будто не слышал и эту шутку, но ответил на его вопрос:

– Ты когда-нибудь задумывался о том, насколько они уязвимы? Сколько плохого может случиться со смертным?

– Да нет. Но я, кажется, понимаю, о чем ты. В первый раз я тоже был не соперник медведю, ведь так?

– Медведи, – пробормотал я, добавляя новый пункт в и без того огромный список. – Такое возможно только с ее везением. Медведь забрел в город. И конечно, прямиком к Белле.

Эмметт хмыкнул.

– Послушать тебя, так ты свихнулся. Сам хоть понимаешь?

– А ты представь на минутку, Эмметт, что Розали – человек. И что она может столкнуться с медведем… или попасть под машину… или под удар молнии… или свалиться с лестницы… или заболеть – *тяжело* заболеть! – Слова рвались из меня бурным потоком. Выплескивать их было облегчением – после того, как они все выходные точили меня изнутри. – Да еще пожары, землетрясения и смерчи! Бр-р! Когда ты в последний раз смотрел новости? Ты хоть *видел*, сколько всего может случиться с ними? А ограбления и убийства?.. – Я стиснул зубы, и вдруг меня привела в такую ярость сама мысль о том, что ей может навредить другой *человек*, что перехватило дыхание.

– Эй, эй, притормози-ка, парень. Она живет в Форксе – или забыл? Значит, и под дождь попадет. – Он пожал плечами.

– По-моему, ей крупно не везет по жизни, Эмметт, точно тебе говорю. Доказательства налицо. Из всех городов мира, где она могла поселиться, она попала в тот, где существенный процент населения составляют *вампиры*.

– Да, но мы вегетарианцы. Какое же это невезение – наоборот, удача!

– При ее-то запахе? Явное невезение. И то, как действует ее запах на *меня*, – тоже. – Я с негодованием уставился на свои руки, вновь возненавидев их.

– Вот только собой ты владеешь лучше, чем кто-либо, если не считать Карлайла. Опять повезло.

– А фургон?

– Просто несчастный случай.

– Видел бы ты, как он надвигался на нее, Эм, – едет и едет. Готов поклясться, она притягивала его, будто магнит.

– Но ты же был там. Значит, и это удача.

– Думаешь? А если в человека *влюбился вампир* – разве это не худшее из всех возможных невезений?

Эмметт умолк и на время задумался. Он представил себе Беллу, и этот образ оставил его равнодушным. «*Вот честно, ничего привлекательного не вижу*».

– Ну а я не вижу ничего соблазнительного в Розали, – огрызнулся я. – *Вот честно*, мороки с ней больше, чем стоит смазливая мордашка.

Эмметт хмыкнул.

– Вряд ли ты мне расскажешь…

– Я не знаю, что с ней стряслось, Эмметт, – соврал я с внезапной широкой ухмылкой.

Его намерение я увидел как раз вовремя, чтобы мобилизоваться. Он попытался спихнуть меня с камня, и в камне между нами с грохотом образовалась трещина.

– Жулик, – буркнул он.

Я ждал, когда он повторит попытку, но его мысли приняли другое направление. Он снова представил себе лицо Беллы, только белее обычного, с ярко-красными глазами.

– Нет, – сдавленно выговорил я.

– Зато избавишься от всех тревог насчет смертности – так? И убивать ее тебе не захочется. Лучше не придумаешь.

– Для меня? Или для нее?

– Для тебя, – легко ответил он тоном, подразумевающим «*конечно же*».

Я невесело рассмеялся.

– Ответ неверный.

– Я особо не возражал, – напомнил он мне.

– Розали возражала.

Он вздохнул. Мы оба знали, что Розали на все пойдет и все отдаст, лишь бы снова стать человеком. Все, что угодно. Даже Эмметта.

– Да, возражала, – тихо согласился он.

– Я не могу… не должен… и не собираюсь губить жизнь Беллы. Неужели ты считал бы иначе, если бы речь шла о Розали?

Эмметт задумался. «*Ты правда… любишь ее?*»

– Я даже описать свои чувства не могу, Эм. Вдруг эта девушка стала для меня целым миром. И больше я уже не вижу *смысла* в остальном мире без нее.

«*Но при этом не хочешь обратить ее? Эдвард, вечно она жить не будет*».

– Да знаю, – простонал я.

«*И она, как ты сам говоришь, вроде как хрупкая*».

– Поверь, это я тоже знаю.

Эмметту недоставало тактичности, в деликатных разговорах он был не силен. И теперь терзался, всеми силами стараясь избежать оскорблений.

«*Ты хотя бы дотронуться до нее можешь? В смысле, если ты любишь ее… тебе ведь хочется к ней, ну,* прикасаться?»

Эмметта и Розали объединяла страстная плотская любовь. Ему было трудно понять, как можно *любить* без физической близости.

Я вздохнул.

– Об этом я даже подумать не могу, Эмметт.

«*Ого. И что же тогда тебе остается?*»

– Не знаю, – шепнул я. – Я пытаюсь придумать способ… расстаться с ней. И представить себе не могу, как заставить себя держаться от нее подальше.

Внезапно я, донельзя обрадованный, понял, что остаться с ней будет *правильно* – по крайней мере, теперь, когда Питер и Шарлотта уже в пути. На некоторое время находиться здесь со мной ей будет безопаснее, чем если я уеду. Я мог стать ее неожиданным временным защитником.

От этой мысли мне стало тревожно. Захотелось поскорее вернуться, чтобы играть роль защитника как можно дольше.

Эмметт заметил, как я переменился в лице. «*О чем думаешь?*»

– Прямо сейчас, – чуть смущенно признался я, – мне нестерпимо хочется броситься в Форкс и проверить, как там она. Не знаю, продержусь ли я до воскресной ночи.

– Неа! Раньше, чем планировалось, ты домой *не* вернешься. Пусть Розали хоть немного остынет. Ну пожалуйста! Ради меня.

– Постараюсь, – с сомнением ответил я.

Эмметт похлопал по моему карману с телефоном.

– Элис позвонила бы, если бы для твоей паники появились хоть какие-то основания. Она прямо помешалась на этой девчонке, совсем как ты.

На это мне было нечего возразить.

– Ладно. Но только до воскресенья.

– Нет смысла спешить назад – все равно будет солнечно. Элис говорила, мы освобождены от уроков до среды.

Я твердо покачал головой.

– Питер и Шарлотта умеют вести себя прилично.

– Да мне все равно, Эмметт. Со своим везением Белла забредет в лес в самый неподходящий момент, и… – Я вздрогнул. – Я возвращаюсь в воскресенье.

Эмметт вздохнул. «*Ну точно спятил*».

Рано утром в понедельник, когда я влез в окно спальни Беллы, она мирно спала. Я прихватил с собой масло, чтобы смазать защелку – безоговорочно капитулировав перед этим адским изобретением, – и теперь оконная рама отъезжала с моего пути бесшумно.

По тому, как ровно лежали волосы на подушке Беллы, я определил, что эта ночь выдалась не такой беспокойной, как когда я побывал здесь в прошлый раз. Она подсунула сложенные ладони под щеку, как ребенок, ее губы слегка приоткрылись. Я слышал, как воздух медленно входит и выходит между ними.

Поразительным облегчением было находиться здесь и снова видеть ее. Я понял, что ничто другое не успокоило бы меня. Вдали от нее все не так.

Но далеко не все выглядело правильным, когда я был с ней рядом. Я сделал вдох и выдох, позволил пламени жажды прокатиться вниз по горлу. Слишком долго я пробыл в отъезде. Проведенное без боли и соблазна время придало нынешним ощущениям особую остроту. Скверно

стало настолько, что я побоялся опуститься на колени возле ее постели, чтобы просмотреть названия книг. Мне хотелось знать, какие сюжеты вертятся у нее в голове, но больше, чем собственной жажды, я опасался приблизиться к ее кровати и обнаружить, что такой близости мне мало.

Ее губы казались нежными и теплыми на вид. Мне представилось, как я дотрагиваюсь до них кончиком пальца. Совсем легонько…

Именно такой ошибки я и боялся.

Я вглядывался в ее лицо, искал признаки изменений. Смертные меняются постоянно – я встревожился, подумав, что мог что-нибудь упустить.

Мне показалось, что вид у нее… усталый. Как будто за выходные она не успела отоспаться. Ездила куда-нибудь?

Я иронически и беззвучно рассмеялся, заметив, как разволновался от такого предположения. Даже если ездила – ну и что? Я ей не хозяин. Она не моя.

Да, не моя – и мне снова стало грустно.

– Мам… – тихо пробормотала она. – Нет… дай лучше я сама… Пожалуйста…

Складочка между ее бровями, крошечная галочка, прорезалась отчетливее. Чем бы ни была занята во сне ее мать, Белла явно беспокоилась за нее. Она вдруг перекатилась на другой бок, но ее веки даже не дрогнули.

– Да-да… – невнятно сказала она, потом вздохнула. – *Фу*. Слишком зеленое.

Ее рука подергивалась, и я заметил с краю на ладони неглубокие, только начинающие заживать царапины. Поранилась? Хоть ранки и не выглядели опасными, они расстроили меня. Судя по расположению царапин, она, должно быть, споткнулась. При всем, что мне было известно, объяснение казалось правдоподобным.

Она еще несколько раз о чем-то просила свою мать, лепетала что-то про солнце, потом притихла, погрузилась в более глубокий сон и больше не ворочалась.

Я утешался мыслями о том, что вечно разгадывать эти маленькие тайны мне не понадобится. Мы же теперь *друзья* – или хотя бы пытаемся подружиться. Можно просто спросить ее про выходные – про поездку на побережье и другие поздние вылазки, из-за которых она не отдохнула толком. Можно спросить, что у нее с руками. И посмеяться, когда мое предположение на их счет подтвердится.

С мягкой улыбкой я размышлял, неужели она и впрямь свалилась в воду. И приятной ли выдалась поездка. Задавался вопросом, вспоминала ли она меня. Скучала ли по мне хотя бы толику времени, которое я скучал по ней.

Я пытался представить ее себе на берегу, под солнцем. В картинке чего-то не хватало, ведь я сам не бывал на Ферст-Бич. И как он выглядит, знал только по фотографиям.

Смутные предчувствия подкрались, когда я задумался о причинах, по которым ни разу не бывал на живописном побережье, добежать до него от нашего дома было совсем недолго. Белла провела день в Ла-Пуше, где мне запрещено появляться согласно договору. В том месте, где несколько стариков еще помнят о Калленах, помнят и верят этим историям. В том месте, где нашу тайну знают.

Я встряхнул головой. На этот счет мне незачем беспокоиться. Квилеты тоже связаны договором. И даже если Белла встретится с кем-то из стареющих вождей, они ничего не скажут. Зачем им вообще поднимать эту тему? Нет, квилеты – пожалуй, *единственное*, о чем мне волноваться не стоит.

Когда начало всходить солнце, я рассердился на него. Оно напомнило мне, что еще несколько дней я не смогу удовлетворить свое любопытство. Зачем ему вздумалось выглянуть именно сейчас?

Вздохнув, я ускользнул через окно еще до того, как рассвело настолько, чтобы кто-нибудь мог заметить меня у дома. Я думал задержаться в густом лесу и дождаться, когда она уедет

в школу, но среди деревьев вдруг с удивлением обнаружил след ее запаха, повисший над узкой тропой.

По следу я двинулся быстро, с любопытством, беспокоясь тем сильнее, чем глубже он уводил в лесной мрак. Что Белле понадобилось *здесь*?

След оборвался внезапно, он так никуда и не привел. Белла сделала несколько шагов в сторону от тропы, в папоротники, где коснулась упавшего дерева. Возможно, села на него.

Я сел на то же место и огляделся. Все, что она видела отсюда – папоротники и лес. Скорее всего шел дождь: запах был размытым, на дереве он так и не закрепился.

Зачем Белла сидела здесь в одиночестве – а она была здесь одна, в этом я нисколько не сомневался, – среди сырого и сумрачного леса?

Выглядело это бессмысленно, и в отличие от остальных моментов, возбуждавших мое любопытство, спросить о том, что она делала в лесу, в непринужденном разговоре я не мог.

«*Да, кстати, Белла, я тут разнюхал след твоего запаха в лесу после того, как ушел из твоей комнаты – всего лишь мелкое проникновение со взломом, нет причин беспокоиться… я там у тебя… пауков истреблял…*» Как раз то, что надо для завязки разговора.

Понимая, что я так и не выясню, о чем она думала и чем занималась здесь, я раздраженно скрипнул зубами. Мало того, ситуация слишком уж напоминала одно из моих предположений в разговоре с Эмметтом: Белла забрела одна в лес, а там ее запах учуял тот, кто в состоянии найти ее по следу.

Я застонал. Ей не просто не везло: она сама *напрашивалась*.

Что ж, значит, ей нужен защитник. Я был готов присматривать за ней, оберегая от вреда, до тех пор, пока мне будет чем оправдываться.

Вдруг я поймал себя на мысли: хорошо бы Питер и Шарлотта задержались в наших краях подольше.

Глава 8. Призрак

За два солнечных дня, которые провели в Форксе гости Джаспера, я с ними почти не виделся. И дома бывал ровно столько, чтобы лишний раз не волновать Эсме. А в остальном вел существование скорее призрака, чем вампира. Невидимый в тени, я таился там, где мог наблюдать за предметом моей любви и одержимости, – видеть и слышать ее благодаря мыслям тех счастливцев-людей, которые могли без опасений разгуливать вместе с ней под солнцем, иногда случайно задевая рукой ее руку. На такие прикосновения она вообще не реагировала; руки у них были теплыми, как и у нее.

Вынужденное отсутствие в школе никогда прежде не казалось мне тяжким испытанием. Но солнце, по-видимому, радовало Беллу, поэтому я старался поменьше возмущаться.

Утром в понедельник я подслушал разговор, потенциально способный подорвать мою уверенность в себе и превратить в пытку время, проведенное в разлуке с ней. Но его окончание меня порадовало.

Майка Ньютона я слегка зауважал. Оказалось, он смелее, чем я думал. Он не просто сдался и отполз в кусты, зализывать и растравлять душевные раны, – он решил повторить попытку.

Белла приехала в школу пораньше и, видимо, решив не упускать солнце, пока оно есть, в ожидании первого звонка устроилась возле корпуса, на скамейке для пикника, которой пользовались редко. На ее волосах солнце играло совсем не так, как я ожидал, – придавало им рыжеватый отблеск.

Там ее, опять рисующую каракули, и застал Майк, и воодушевился от такой удачи.

Мучением было лишь бессильно наблюдать за ними и прятаться в лесной тени от яркого солнца.

Она поздоровалась с ним настолько радостно, что он возликовал, а я, напротив, расстроился.

«*Значит, я ей нравлюсь. Если бы не нравился, она бы так не улыбалась. Готов поспорить, что на бал она хотела пойти со мной. Интересно, что у нее такого важного в Сиэтле…*»

Он обратил внимание на то, как изменились ее волосы.

– Никогда не замечал у тебя рыжину в волосах.

Я нечаянно выдернул с корнем молодую ель, на которую опирался, увидев, как он взял прядь ее волос.

– Ее видно только на солнце, – ответила она. И к моему нескрываемому удовольствию, слегка отпрянула, когда он заложил волосы ей за ухо.

Майку понадобилось потратить минуту на пустую болтовню, чтобы снова набраться смелости.

Она напомнила ему о сочинении, которое все мы должны были сдать в среду. Судя по чуть горделивому выражению на ее лице, свое она уже написала. А Майк забыл напрочь, так что теперь свободного времени у него серьезно поубавилось.

Наконец он перешел к делу, – причем я сжал зубы так, что мог бы искрошить ими гранит, – но и тогда не смог заставить себя задать вопрос напрямую.

– А я хотел предложить куда-нибудь сходить вместе.

– Да?.. – отозвалась она.

Последовала краткая пауза.

«*“Да”?.. И что это значит? “Да” – в смысле, она согласна? Стоп, я же еще ничего не предлагал*».

Он судорожно сглотнул.

– Ну, можно поужинать где-нибудь… а сочинением займусь попозже.

«*Вот болван, и сейчас не спросил*».

– Майк…

Муки и ярость моей ревности с последней недели ничуть не ослабели. Нестерпимо хотелось пронестись через всю территорию школы так быстро, чтобы никто из людей не заметил, схватить ее и утащить от этого типа, которого в тот момент я ненавидел так, что мог бы прикончить просто ради удовольствия.

А вдруг она скажет ему «да»?

– По-моему, затея с ужином неудачная.

Я снова смог дышать. Окаменевшее было тело расслабилось.

«*Значит, Сиэтл был все-таки отговоркой. Не надо было спрашивать. О чем я только думал? Спорим, все из-за этого чокнутого, Каллена*».

– Почему? – угрюмо спросил он.

– Знаешь… – она колебалась, – если ты кому-нибудь передашь то, что я тебе сейчас скажу, я из тебя дух вышибу…

Я взорвался хохотом, услышав из ее уст угрозу. Испуганная сойка вскрикнула и поспешила упорхнуть.

– Но Джессика будет оскорблена в своих лучших чувствах.

– Джессика?

«*Что? Но… а-а. Ясно. Кажется… хех*».

Его мысли утратили связность.

– Майк, ты что, *слепой*?

Вот и я о том же. Ей не стоило рассчитывать, что все вокруг так же наблюдательны, как она, но случай-то был более чем очевидный. Если Майк с таким трудом решился пригласить Беллу, неужели нельзя было догадаться, что те же трудности возникли у Джессики? Видимо, слепоту к чувствам окружающих у него вызвал эгоизм. А Белле такой эгоизм настолько чужд, что она замечала все.

«*Джессика. Хех. Ого! Хех*».

– Аа, – только и выдавил он.

Белла решила воспользоваться его замешательством.

– Пора на урок, не хватало мне еще снова опоздать.

С этого момента Майк стал ненадежным источником для наблюдений. Он так и сяк вертел в голове известие о Джессике, и мысль о том, что она считает его привлекательным, ему уже нравилась. Но лишь за неимением лучшего, а не так, как если бы на месте Джессики очутилась Белла.

«*А она, пожалуй, симпатичная. Фигурка ничего, сиськи уж всяко больше, чем у Беллы. Синица в руках…*»

И он увлекся новыми фантазиями, такими же пошлыми, как те, которым он предавался о Белле, но теперь они лишь раздражали меня вместо того, чтобы приводить в бешенство. Ни той ни другой он не заслуживал, а сам оценивал обеих почти одинаково. После этого я перестал прислушиваться к его мыслям.

Белла скрылась из вида, а я притаился у прохладного ствола огромного земляничного дерева и принялся перескакивать из одних мыслей в другие, продолжая присматривать за Беллой на расстоянии и всякий раз радуясь возможности увидеть ее глазами Анджелы Вебер. Мне хотелось найти какой-нибудь способ поблагодарить эту девушку – просто за то, что она хороший человек. Становилось легче при мысли, что в окружении Беллы есть тот, кто достоин называться другом.

Глядя на лицо Беллы в том ракурсе, в каком представлялась возможность, я замечал, что она чем-то расстроена. И удивлялся: мне казалось, выглянувшего солнца должно хватить,

чтобы она то и дело улыбалась. За обедом я увидел, как она посматривает на пустующий стол Калленов, и возликовал. Наверное, и она скучает по мне.

После школы она собиралась куда-то с другими девчонками, и я уже машинально планировал продолжить наблюдение, но все пришлось отменить, когда Майк пригласил Джессику на свидание, которое он поначалу задумал для Беллы.

И я сразу направился к ее дому, заодно быстро прошел круг по лесу, убеждаясь, что поблизости нет никого опасного. Зная, что Джаспер предупредил своего названого брата, чтобы тот не появлялся в городе – и при этом сослался на мою невменяемость как объяснение и вероятную опасность, – рисковать я все же не желал. В намерения Питера и Шарлотты не входило вызывать к себе враждебность моей семьи, но намерения – штука переменчивая.

Да, я преувеличивал. И сам это понимал.

Будто зная, что я наблюдаю за ней, и сжалившись над мучениями, которые я испытывал, не видя ее, по прошествии томительного часа Белла вышла на задний двор. В руке она несла книгу, под мышкой – одеяло.

Я бесшумно забрался повыше на ближайшее к двору дерево.

Она расстелила одеяло на влажной траве, легла на живот и принялась листать потрепанную, явно зачитанную книгу, отыскивая место, где остановилась. Я заглянул в книгу поверх ее плеча.

А, опять классика. «Чувство и чувствительность». Стало быть, она поклонница Остин.

Я смаковал ее запах, который слегка изменился под солнцем и на открытом воздухе. От тепла он, кажется, стал слаще. В горле вспыхнул пожар желания, боль вновь ощущалась свежо и яростно, потому что я так долго пробыл вдали от Беллы. Некоторое время я потратил, чтобы обуздать боль, заставляя себя дышать только носом.

Она читала быстро, изредка скрещивая поднятые щиколотки. Книга была мне знакома, поэтому я не читал вместе с ней, а смотрел, как солнце и ветер играют с ее волосами, но вдруг она оцепенела, рука замерла на странице. Она дочитала вторую главу. Следующая страница начиналась с середины предложения: «…возможно, обе дамы не выдержали бы такого длительного испытания, несмотря на требования приличий и материнские чувства…»[5]

[5] Перевод И. Гуровой. – *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.